

М. К. МАМАРЛАШВИЛИ

СТРЕЛА ПОЗНАНИЯ

НАБРОСОК ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ю. П. СЕНОКОСОВА

Школа «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1996

==3

==4

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 96-03-16098

==5

От редактора.

**ВВЕДЕНИЕ. ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
СОЗНАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ.....11**

**СТРЕЛА ПОЗНАНИЯ25 (набросок естествен-
ноисторической гносеологии)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. К. Мамардашвили

К ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ

ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОБЫТИЙ ЗНАНИЯ.....276

Ю. П. Сенокосов ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....298

ISBN 5-88766-034-1

© М. К. Мамардаш

© М. К. Мамардашвили, 1997 © А. Д. Кошелев. Серия «Язык.
Семиотика

Культура», 1995 © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

От редактора

В отличие от лекций (например, о Декарте или Прусте), на которых присутствовали слушатели и с содержанием которых можно было познакомиться затем на основе магнитофонных записей (в настоящее время изданных), текст этой книги, посвященной философии науки, существующий в двух машинописных экземплярах, практически никому не известен и публикуется впервые. Он был написан в середине 70-х годов, когда Мераб Константинович Мамардашвили (1930-1990) работал в Институте истории естествознания и техники.

Суть проблемы, которая интересовала в те годы М.К.Мамардашвили, можно передать словами Ф. Ницше. В предисловии ко второму изданию своей знаменитой книги «Рождение трагедии», еще не утратив чувство юмора и самоиронии, Ницше писал: «То, что мне пришлось (в ней) схватить... — проблема рогатая, не то, чтобы непременно бык, но во всяком случае новая проблема; теперь бы я сказал, что это была проблема самой науки [речь идет о филологии. — Ю. С.] — наука, впервые понятая как проблема, как нечто достойное вопроса». И задавал этот вопрос так: «А... наша наука, — что означает вообще всякая наука, как симптом жизни?»*

Но поскольку М. К. Мамардашвили интересовала наука XX века, и он отнюдь не был склонен рассматривать ее в медицинских терминах (выражаясь его словами, он видел в науке «событие жизни»), его исследовательская стилистика и пафос — нейтральны и ориентированы при этом на естественноисторическое описание сознательных явления. Говоря коротко, я бы выразил его подход к анализу науки в этой книге следующим образом.

Ницше Ф. Соч. в двух томах. Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990, т.1, с. 49.

От редактора

С одной стороны, он предполагает восприятие природного мира как космического чуда порядка, непостижимого для человека, а с другой — такое отношение к нему, когда не меньшим чудом может стать его постижимость, опосредованная научным (или художественным) познанием. Но в любом случае (как, например, в случае Эйнштейна, который считал, что никакая научная теория «не приближает нас к тайне Самого», так и в случае Бора — известного оппонента Эйнштейна), обе эти традиции, свидетельствующие, по мнению М. К., о духовной связи человека с миром, в равной степени позволяют ученому пережить в какой-то момент чувство целостности мира.

«Стрела познания» — не только необычная, написанная в жанре последовательно формулируемых и часто развернутых тезисов, но и трудная книга. Во всяком случае, сознавая, очевидно, это обстоятельство, фактически сразу после окончания работы над ней, М. К. начинает писать статью (см. Приложение), в которой пытается вновь изложить главную идею книги, а также — спустя несколько лет! — меняет ее название. Вместо прежнего «Набросок естественноисторической теории познания» с подзаголовком (так в рукописи) — К «трактату о развивающемся знании» появляется новое: Стрела познания (Набросок естественноисторической гносеологии). Судя по всему, это было вызвано двумя немаловажными вещами. Во-первых, явным желанием внести большую ясность и подчеркнуть, уже на уровне заглавия, что его книга посвящена проблеме необратимости акта познания (в духе идей Ильи Пригожина, известного Нобелевского лауреата по физике). А во-вторых, самой выразительностью нового названия, перекликающегося с поэтической фразой О. Мандельштама: «Мысли живая стрела», — которую он собирался (как об этом свидетельствует карандашная пометка на заглавном листе первого экземпляра рукописи) взять в качестве эпитафии к книге.

Я же, чтобы облегчить читателю восприятие содержания книги, решил включить в нее при издании один

==8

От редактора

из неопубликованных докладов М. К. на близкую тему, отредактированный им, в виде Введения, а также упомянутую статью — «К пространственно-временной феноменологии событий знания» и свое Послесловие к ней, которые были напечатаны в журнале «Вопросы философии» (№ 1, 1994).

Текст книги издается по первому экземпляру рукописи (хранящейся у сестры философа, Изы Константиновны Мамардашвили) с сохранением авторского синтаксиса, знаков препинания, курсивных выделений и с включением более поздних, небольших авторских вставок (как правило, карандашом), которые были, видимо, внесены при ее просмотре в 80-е годы.

Ю. П. Сенокосов

==9

К оглавлению

==10

==11

Введение

Естественноисторическое описание сознательных явлений Принцип и идеал рациональности, ее, так сказать, понятие тесно связаны с некоторыми определениями сознания, его космологически постулируемыми свойствами.

Экспликация же последних в самих основах физического знания, особенно, в современных неклассических вариантах идеала рациональности в свою очередь способно бросить свет на возможности «естественного» или «естественноисторического» описания явлений сознания в обществе, истории и человеческой реальности. Последнее может быть как бы продолженным решением первых, экстраполирующим как их основания, так и определенную гомогенность языка описания (иначе не достижимую). То есть, я хочу сказать, что выявленность внелогической базы наших знаний о природе укрепляет «естественность» наших же возможных знаний в области анализа процессов сознания как части человеческой реальности и истории (если, конечно, удадутся такой перенос и продолжение). Я возьму ограниченный случай — анализ познания (взятого вместе с его историей).

Словосочетание «естественноисторическая гносеология», фигурирующее в названии работы, может шокировать или вызвать недоумение. Оно, действительно, лежит несколько в стороне от унаследованной эпистемологической традиции и требует поэтому определенных разъяснений.

В теории познания возникает обычно один простой вопрос: для чего вообще годится ее концептуальный аппарат, какие задачи он решает и для каких целей он выработан? В этом плане, ту теорию познания, какую мы имеем, я назову «унаследованной» (примерно в том же смысле, в каком употребляются, например, выражение «унаследованное

==12

М. К. Мамардашвили

английское произношение и языковой строй» в лингвистике, имея в виду не абсолютную правильность или преимущество, а просто образцовую установленность по наследованию). В том числе, включая в нее и ту теорию, которую называют марксистской, считая ее особенной. Но в том пункте, который я имею в виду, это различие минимально и сказывается лишь в содержании утверждений. У меня же речь идет об интеллектуальном аппарате, а не об отдельных утверждениях, которые, конечно, отличаются.

Я имею в виду, прежде всего, следующее. Допустим, мы захотели бы, взяв аппарат, совокупность понятий теории познания, которую мы унаследовали, приложить (предположив, что он описывает познание), скажем, к истории познания, что не должно было бы вызывать никаких затруднений, если бы теория действительно описывала бы познание. Но как только мы попробуем это сделать, окажется, что ни номенклатура, то есть основные классификации, основные понятия, основные разбиения, ни сам способ мышления в рамках теории познания не годятся для воспроизведения того, как познание реально развивалось, исторически прогрессировало в науках и так далее. В частности, возникает сразу дилемма между имманентной историей науки и экстерналистской историей науки, дилемма эволюционизма, кумуляции или ломки понятий и так далее. Здесь есть какие-то принципиальные затруднения, порождаемые тем, как строится описательный аппарат самой теории познания. И вся проблема состоит в том, что, очевидно, должно быть изменено в таком случае основное расчленение, основной набор номенклатурных единиц, в которых мы описываем познавательные процессы. Имеющиеся номенклатурные единицы очень простые, они всем, в общем, известны. Мы разбиваем познание в описании его на математический или формальный аппарат, физическую теорию, интерпретацию физической теории, модели, являющиеся носителями этой интерпретации, и эмпирическую (экспериментально-приборную)

Введение

базу, на которой семантически разрешаются все вышеуказанные слои. Это номенклатура, которую мы имеем. И по этой номенклатуре, кстати, марксистская теория познания не отличается ни от какой другой. Она отличается внутри номенклатуры, то есть выводами, утверждениями, но не самим расчленением познания и не самими абстракциями. Правда, несколько чужеродным телом в такой унаследованной теории познания и наследованной номенклатуре являются идеи социальной обусловленности познания (распространенные теперь и вне ареала марксистской мысли), вернее, предметной практики как критерия познания. Но в общем-то в том реальном виде, как осуществляется наша работа, это радикально расчленения познания не меняет и не сказывается на нем, лишь порождая дополнительные трудности. Каким образом, например, социальные связи или социальные содержания воздействуют на познание? Если они воздействуют, то значит мы познаем не мир, а познаем лишь собственный экран человеческий, который воздвигается перед нашими глазами, и это никак не может объяснить познание нами (а оно — факт) универсальных или всеобщих физических законов, поскольку последние описывают мир не только независимо от общества, но и от человека и от человечества, в том числе независимо и от частной случайности того, что человек устроен именно таким-то образом, что у него именно такие приборы и такие органы чувств, а не другие. И что же значит предметная практика как критерий истины? Просто отбор со временем (а не в момент познания) правильного от неправильного?

Одним словом, я могу резюмировать существующую ситуацию следующим образом: унаследованная теория познания есть нормативная или «законодательная» теория познания. Она эксплицирует связи и смыслы, регулирующие выражения познавательных формаций, и эксплицирует их с точки зрения того, какими эти последние должны быть. Тем самым, она ставит себе задачу предписывать некоторые нормы самому познавательному процессу,

пояснив и обобщив идеальный смысл его объективности и тех связей, в каких эта объективность фактически достигается и всяким сознанием понимается. Я неслучайно называю такую установку унаследованной, потому что она действительно является стилистически общей для культуры XIX и XX веков, где и эстетика, и другие дисциплины развивались в качестве нормативных. Причем, я здесь отвлекаюсь от традиционного различения, часто проводимого в философских дискуссиях в XX веке, между фактическими описаниями и нормами — в частности, как это делается в гуссерлевском обосновании феноменологии. Ибо то, что я хочу различить, лежит вообще вне обсуждаемого здесь соотношения между нормой и теорией, как описания какой-то фактической (независимой от должного) действительности, поскольку и то, что называется описанием, и то, что называется нормой, оказывается, с моей точки зрения, одним и тем же, раз речь идет о «понимающей процедуре» в анализе познания. Что я имею в виду?

В определенном смысле моя позиция противоположна или обратна гуссерлевской (которая, кстати, есть выражение, собственно говоря, не только одной его позиции, а вообще позиции, которая реализуется в унаследованной теории познания; Гуссерль был просто честный человек и доводил до конца импликации и последствия того, что делалось на самом деле). Он говорил, что теория познания в собственном смысле слова не является (и не должна быть) теорией в том же смысле, в каком ею являются, скажем, какие-то естественно-научные, психологические или социологические теории. Она не описывает какую-либо последовательность или совместность эмпирических событий в пространстве и времени, связывая их в какой-либо общий закон и дедуцируя из него. Она имеет своей задачей понять и пояснить существующие познавательные образования и формации с точки зрения их конститутивных элементов и идеального смысла, превращающего их в возможности мышления. Она не имеет в виду

Введение

==15

определенный реальный процесс, в котором какие-то единичности случались бы в связях сосуществования и последовательности, то есть в пространстве и времени, и объяснялись бы подведением под общий закон, что делало бы соответствующее описание теорией. Так вот, в этом смысле, говорит Гуссерль, нельзя теорию познания называть теорией. Что не значит, конечно, что в «теории познания» нет теоретической работы, в смысле каких-то идеал-конструктивных построений и пр.; просто здесь предмет не тот, о котором вообще бывают теории.

Действительно, возьмем любое наше теоретико-познавательное исследование, даже самое лучшее, скажем, в русле так называемой «логики науки», анализа структур физических теорий и так далее, и посмотрим, что там анализируется. Мы увидим, что анализируются имеющиеся научные понятия, эксплицируемые в рамках самого же способа построения этих понятий, но взятых уже как понимаемые и обосновываемые философом, который видит в них идеальности мышления, разъясняемые в рамках определенного мировоззрения. Короче говоря, то, что называется «теорией познания» или «методологией», оказывается просто дополнительной работой к уже проделанной. Физик строит понятия, и ему не нужно при этом говорить о логических или гносеологических свойствах этого построения, о посылах и допущениях, которые предполагает какой-то один его уровень; о посылах и допущениях, которые предполагает другой его уровень; о связях и иерархии этих уровней и так далее. Это не его специальная задача, так же как физик может не оперировать даже понятием «уровня теории». Но приходит методолог и выявляет все, что содержится в физической теории и скрыто в ее предметных терминах. Здесь, кстати, и возникает коварный парадокс, оправдываемый часто философом со ссылкой на процесс дифференциации и интеграции наук, когда методология становится частью самой науки, отделяясь от философии. Но это не случайно — она и не была самостоятельным образованием. Поэтому вполне справедливо,

что «разгневанные физики», увидев наши не всегда грамотные усилия, забирают назад то, что мы незаконно себе присвоили под видом «теории познания». Ибо они могут и сами внутри физики или внутри биологии строить соответствующие разделы, и иногда, или, я бы сказал, чаще всего, делают это лучше, чем профессиональные философы. Или — имеет место симбиозный, промежуточный вариант, когда крупные физики являются одновременно и крупными философами. Здесь и возникает мой вопрос. Поскольку возможна другая точка зрения, другой взгляд на познание, который в качестве своего исходного пункта может допустить, что акт познания является реальным событием какой-то действительности и не сводится к содержанию самого себя, как оно эксплицируется в «теории познания», но для этого, конечно, нужно порвать или «подвесить» понимающую связь ее субъекта с уходящим в бесконечность миром знания. Соображения необратимости должны помочь нам это сделать. Ведь существенно, что в науке мы или познаем или не познаем, что что-то в ней становится или не становится источником опыта, подчиняясь фундаментальному, космологическому различию между содержанием опыта и фактом его извлеченности (или неизвлеченности). Нечто само по себе еще не является источником опыта, оно им становится или не становится. И лишь став (в необратимо произошедшем выборе), некое событие в определенной реальности, в которой мир не может вернуться в прежнее положение, способно лишить нас возможности на него еще раз, снова посмотреть извне и сравнить с отражением. Но наши абстракции в унаследованной теории познания не фиксируют никакой реальности помимо содержания, ментально эксплицируемого исследователем-гносеологом в качестве нормативной возможности своего мышления (и обратимого по всему бесконечному окоему его взгляда, то есть «мира»). Реально наши знания о мире тоже ведь существуют, так же, как существует мир. Где же они существуют? В головах? —

именно это и предполагает унаследованная теория познания, что означает, что эксплицировать содержание — значит глядеть изнутри содержания на мир. И мы логически максимально эксплицируем то, что мы видим изнутри понятия, находясь внутри его мысленной сущности и глазами ее смотря на происходящее в мире. При этом мы, разумеется, выявляем части, оставшиеся невыявленными в построении самими физиками, химиками или астрономами, но не имеем никаких абстракций, никаких понятий, которые бы позволяли нам фиксировать именно реальность познавательных содержаний, отличную от самих этих содержаний, которые мы, чисто менталистским образом понимая, понимаем находясь внутри них и смотря на мир, например, в терминах теории относительности. Но недостаточно смотреть на него в терминах теории относительности, выявляя еще и дополнительные какие-то послышки, которые являются условием самого этого видения.

Ведь сама теория относительности существует как явление духовной жизни человека, как реальное событие в мире. И как тогда завоевать такой угол зрения, чтобы увидеть, помимо предмета, видимого нами из или через сущность, еще и существование этой сущности? В этой связи и возникает идея, что эти существования есть живые образования и в этом смысле теория познания должна быть не законодательно-нормативной, а органической. Так же, как может существовать, скажем, органическая поэтика; — я напому, что такого рода сдвиги в мышлении XX века происходили, очевидно, единообразно в разных областях, в том числе и в поэзии. В частности, в одном из манифестов акмеистов. Мандельштам, рассуждая о проблеме значения и говоря о том, что даже звучание слова и многое из того, на что раньше не посягали, мы научились относить к форме, и лишь ментальная единица значений осталась вне этого отнесения. Но можно, говорил он, пойти и дальше, так как содержания слов являются не только объективируемыми данностями, а могут рассматриваться и как «вещи», как органы-представления или

представления-органы. Кстати, с этой проблемой слов как «представлений» можно сравнить и проблему мифа. Известно, что миф, как выражаются семиотики, есть вторичная моделирующая система, выросшая на основе первичной моделирующей системы — языка. То есть миф не область, где можно произвольным образом придавать значения словесным представлениям; в языке, как известно, значение слова не связано с предметом, который обозначается этим словом, не мотивировано им и является конвенцией. В мифе же такая конвенция невозможна. И тогда же возникла мысль: нет ли и в языке, то есть в первичной моделирующей системе, таких же образований, которые не характеризуются конвенциональностью, произвольностью знаков?

Мое предшествующее рассуждение состояло в доказательстве того, что существующие теории познания никакого отношения к действительности не имеют. Они не описывают действительность, и Гуссерль это честно признавал. В этом смысле теория познания не является теорией, она не описывает никакие события. Она лишь эксплицирует содержания, содержащиеся, простите меня за тавтологию, внутри событий, а сами события не выделяет. Если же события выделять, тогда их нужно помещать в какую-то реальность. Они где-то очевидно должны происходить, в каком-то пространстве и времени. Ведь, наверно, все-таки есть какая-то связь в последовательности и совместности, стоящая за тем фактом, что, вот, что-то формулировалось в эпоху Галилея и именно в эпоху Галилея, хотя само формулируемое содержание выражается универсально. В нем выражаются универсальные физические законы, которые естественно не зависят (и должны по своей форме не зависеть) от того, или от той случайности, когда и в каком месте, в какой точке своего развития человеческое существо способно эти физические законы наблюдать и сформулировать. И оказывается, что у нас нет понятий, номенклатуры, расчленений, которые позволяли бы нам выделять познавательные формации в

качестве реальных событий и происшествий в мире, потому что мы даже не имеем мира, в котором можем их поместить. У нас есть одно: с одной стороны, спектакль мира, а с другой стороны, наблюдающее его устройство, которое по правилам научной методологии должно быть максимально отделено от наблюдаемого спектакля то есть занимать объективную или незаинтересованную позицию. Да, в нашей голове есть, возникают какие-то содержания, и мы анализируем эти содержания, как я сказал, путем их дополнительной экспликации, или, как выражался Гуссерль, пояснения. Но это и означает, что таким набором понятий мы не можем проанализировать никакую естественную их жизнь, никакую историю науки. И это не проблема психологии. Отделаться от этого, сказав, что реальные процессы познания есть предметы психологии, значит ничего не сказать, потому что сама психология тоже не знает, что это за реальность такая, и никак ее не выделяет. Нельзя никому отдать того, чего вообще нет.

Итак, моя мысль состояла в том, что действительная теория познания все же возможна. Но лишь при условии, что она описывает и формулирует не нормы, в которых должен выполняться познавательный акт (что оставляло бы нас в роли ментальных существ, которые изнутри некоторых сущностей наблюдают мир), а является органической в том смысле, что выявляет и затем описывает образования, имеющие собственную, естественную жизнь, продуктом которой являются наши мнения, и наблюдение которой позволяет формулировать законы как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, а не правила, имеющие вселенский или универсальный характер. Намеки на это, например, существуют в интуиционистской математике и логике. Интуиционисты были чувствительны к тому факту, который они обнаружили и о котором сами говорили, что познание, в том числе математическое доказательство, не есть процесс, состоящий в приложении готовой системы правил, что нужно двинуться, пойти, чтобы в «свободной среде становления»

К оглавлению

начало жить какое-то образование. И то, что получится, не есть продукт приложения системы правил и норм. Более того, ими было предположено, что нормы сами могут возникать в таком процессе, а не предшествовать ему. Следовательно, сам процесс и его продукты не могут быть описаны как приложение каких-то норм и правил, как мы, собственно, и предполагаем в унаследованной теории познания (где, нам кажется, мы формулируем те нормы, которые ученый прилагает на практике и получает определенный результат).

Еще более явный намек на действительную теорию содержится, на мой взгляд, в марксистской традиции, выявлявшей в мышлении существование его предметно-деятельных механизмов. Это глубинные, вещно (а не рассудочно) деятельные механизмы, которые живут своей жизнью или, если воспользоваться термином Маркса, являют собой естественноисторические образования. И в этом смысле процесс познания есть естественноисторический, а не логический процесс. Иначе мы упираемся в правило так называемой рациональной реконструкции познавательных актов, которые считаются рациональными в той мере, в какой удастся изобразить сам процесс в качестве рационального.

Мы же должны воспользоваться идеей предметно-деятельных механизмов, которые не суть идеал-конструктивные образования, контролируемые волей и сознанием (все, что в современной теории познания содержится, есть идеал-конструктивные образования), и исследовать фактические отношения, естественные объекты, живущие своей жизнью (и, следовательно, органические), «полевым» эффектом которых являются мысли в наших головах. Это — реальность, а не содержания предметов, сидящие в нашей голове и в ней манипулируемые.

Существование предметных образований или предметно-деятельных механизмов сознания, во-первых, ускользает от дисциплинарного разделения наук. Они совершенно явно являются более общими, чем то, что выступает на

Введение

==21

уровне уже разделенной науки, скажем, физики или химии. Во-вторых, мы должны исходить из парадоксального допущения, что в мышлении, которое традиционно считается областью рациональной, рефлексивно воспроизводимой ясности, то есть контролируемости, действуют неявные и неконтролируемые зависимости и процессы. Как их выявлять? В какой системе понятий? Ведь, например, соотношение формализма, физической теории, моделей, интерпретации и эмпирической базы есть лишь соотношение экспликации, в которой не фигурирует никакая реальность самих познавательных актов и процессов. Здесь соотнести что-то с эмпирической разрешающей базой, значит — эксплицировать, придать теоретическому понятию разрешающую силу. А в нашем случае проблемой является как раз собственная жизнь и реальность этой разрешающей базы.

Очевидно, номенклатура описания должна быть какой-то другой. Более того, в «органической» или «естественноисторической» теории познания необходимо введение феноменологической абстракции, которая позволила бы нам рассмотреть не эмпирию понятий, эксплицируемую в содержании понятий, а сами понятия как предмет эмпирии для какой-то возможной теории. Ведь эмпирия, скажем, такого понятия, как вероятностная волна, или шрёдингеровская функция, есть эмпирия экспликации самого этого понятия. Мы эксплицируем это понятие, глядя на него из какого-то мира, сопоставляя его с его отражением, а именно с функцией Шрёдингера, но о мире этом мы знаем — откуда? — из самой же функции Шрёдингера. И, тем самым, совершаем незаконную операцию, которая, кстати, нарушает универсальность физического познания, потому что оно формулируется так, что не зависит от того, каким знанием о мире обладает человек, сопоставляющий содержание познания с миром. И как выскочить из этого круга? Более того, это знание, на которое наложены разрешающие возможности человеческого существа. А человеческое существо — случайность в системе

природы в той мере, в какой природа не обязана считаться, что мы видим или слышим, потому что те же самые волны, кстати говоря, могут быть предметом слуха, а не зрения, как у человека. Каким же образом мы можем познавать, ставя все это в такую зависимость? А если мы попытаемся исходить из некоторого органически исторического взгляда на познание (и так строить теорию познания, чтобы ее понятия годились и для анализа истории познания), тогда мы сможем говорить уже о развитии разрешающих органов человеческого существа, а не только о природных органах, отвечая тем самым на проблему, о которой прекрасно знали философы, когда говорили, что мир не обязан держаться в рамках нашего ума. Как же мы тогда познаем мир? Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в том, что мы познаем мир не природой данными нам органами, а органами, возникшими, ставшими в пространстве самого познания и в этом смысле расширяющими возможности человеческого существа и делающими познание относительно независимым от случайности того, что человек наделен природой именно данным чувствующим аппаратом и способностями интеллекта.

Теперь попробуем посмотреть, как выглядит (в самом сжатом виде) возможный набросок такой теории, вводные нити в которую я попытался наметить.

1. Фактически, лейтмотива у нас два: 1) мы не двухмерны и не на двухмерной основе действуем в мысли; 2) нет чистого умственного акта, «всей мысли, — как говорил Гёте, — недостаточно для мысли», все в ней абсолютно конкретно, индивидуально и телесно (хотя этим «действиям вещей» или «вещным эффектам» континуума деятельности нельзя придать недвусмысленным образом наглядное или модельное значение). К тому же мы имеем привесок «геометрический»: со-общение в пространстве наблюдателя помимо и независимо от знаково-предметных средств распространения живого опыта, помимо цепи

Введение

==23

воспроизводства прямого каузального опыта в каждой точке бесконечно подразделимой непрерывности. То есть непрерывное измерение, пространство» мы получаем по иначе образованным точкам, по иной их связности, близости или далекости, слипанию или разделению, «внутренности» или «внешности» уникальности или неуникальности, незамкнутости или замкнутости линий и так далее. Событие движется в этом измерении, окруженное кругами теней, выпадений, отрицательных определений и так далее. Связь рождения $A \rightarrow B$ не может быть никогда дана в общем виде.

2. Мы действуем познавая, но лишь образ этой деятельности позволяет нам извлечь информацию из произведенного действия: так же как мы считаем, а сосчитать мы можем, только имея образ времени (то есть времяоператор или хронон). Отсюда (рефлексивная) однопространственность и принадлежность одному времени, тогда эта информация, например, не реальное число, а оператор. То есть образ времени сам есть время (в смысле времени состояния, а не умственного рассудочного построения или времени как последовательности).

Мы видим вещи (в смысле «понимаем как...», [«я это понимаю как...», «я считаю, что...», «я считаю это...»]) в своем пространстве и времени, то есть в пространстве и времени нашей первичной символической сознательной жизни.

3. Хронотоп, то есть связь времени с пространством, его превращения в пространство и наоборот, подчинены определенным ограничениям: 1) вносятся мнимости или мнимые значения; 2) связь пространство-время не является универсальной, то есть мнимости имеют интерпретацию только для одного пространства. Следовательно, происходит расщепление объекта и созданной его модели (человеческой) в данном пространстве-времени (всегда каком-нибудь).

4. Орган зрения не есть глаз, а чувственная ткань, простирающаяся в мир вне отграниченной, видимой

==24

М. К. Мамардашвили

==25

==26

дискретной формы тела индивида. Но это именно «проработка», а не детерминизм: нет вынуждения к человеческому, нужен всегда дополнительный принцип «поддерживающего воплощения» (для которого нет наглядной механической модели). В проработке сознанием психики (и материи) и квазивещественной укладкой и образуются органы, которыми мы познаем.

СТРЕЛА ПОЗНАНИЯ

(набросок естественноисторической гносеологии)

Будет и мой черед —
Чую размах крыла.
Так — но куда уйдет
Мысли живой стрела?
О. Мандельштам

==27

§ 1. Ритм истории — сцепления и кристаллизации (которые и есть историческое в познании), накопление «невидимых следствий» (назовем это «непрерывным действием» с соответствующим понятием «невозможного»), направленность (случайная) истории («река времени») и вырывание (назовем его «свободным действием») из потока (дело в том, что непрерывность — спекулятивна, а вхождение в сознательную жизнь — дискретно и пульсационно), высвобождение из сцеплений и кристаллизации — через «нуль» (высвободить, развязать и зацепить, завязать иначе, но только через нулевую позицию). Ср. с галилеевской проблемой приливов — яркий случай неразвязанного сцепления. Сцепление, ставшее культурной нормой, и есть «парадигма».

§ 2. Деструкция-реконструкция понимания = причина и механизм научных революций (то есть не открытие нового является мотивом применения термина «революция»).

§ 3. Имеем, с одной стороны, формы-сущности, с другой — тела понимания, вместе = индивиды (монады), вернее, сверхиндивиды (поскольку речь идет о воспроизводстве деятельности, а не передаче знаний; в пространстве деятельности связи располагаются иначе и абстракции другие). Проявлением их жизни является наша мысль, наши мысли. То есть познание нами чего-то есть познавательный эффект их действия, их жизненно-рабочий эффект. Этот эффект и есть человеческое познание как состояние, сами же они живут космической жизнью, жизнью в сфере (с которой единственно реальные психические силы субъектов находятся в сложном структурном единстве); то есть они порождают этот эффект на стороне субъекта, и задача истории — в реконструкции и исследовании их естественной жизни, а не в выстраивании в линию отдельно взятых эффектов (или выстраивании линии из этих эффектов), линию непрерывного реального хронологического времени.

После революции (с соответствующей перестройкой и изменением субъекта — не эмпирического) этих существ

больше нет, но не в том смысле, что они умерли и распались как наглядно и физически описуемые в этой смерти; и если сейчас — другие существа, то не в том смысле, что они родились. В сферическом континууме «бытия = сознания» нет изменений в смысле рождения и смерти, все есть.

§ 4. Внутри индивидов, монад-гармоний, ритмы, уравнивающие (на пределе) мысленные неизбежности или невозможности, которые индуцируются деятельностью, то есть активным присутствием познающего существа в мире, который по эту сторону предстает ему как спектакль (то есть внутримонадическое развитие, внутри одной пульсации). И это целое опрокидывается на любую часть, любую частную область (философия — типичный пример). Уравнивание целого (поскольку части его неминуемо разлаживаются деятельностью) осуществляется предельными представлениями и развитием «тела понимания» (например, представление «всеобщего индивида» в классической философии). Работа идет на сохранение мыслимости (то есть фактически «тела») в условиях неизбежностей. Тело должно быть... и оно будет (как жизненная форма, разрешающая приведенные в действие силы)! И мы вынуждены восходить по дереву эволюции, раз уж от воссоздания зависим (то есть от «замкнутого времени»). То есть выходим инооснованием (как бы заново начиная весь мир на месте). Ср. с возможностью предсказания, (с другой стороны, в условия, требующие революции, очевидно, входит распадение «тел понимания»). Нечто вроде «коллапсированного» тела — отключенное топологическое пространство независимой сингулярности, «исторического события» («связалось один и только один раз»), своим свехуплотнением дающее весь мир и «самосогласующий» многообразие пучок топоса (в отличие от того же самого в повторяющемся, массовом ряду).

Мысленная неизбежность разрешается изобретением и развитием формы.

А возможная мыслимость есть реализация изобретенной формы. То есть создание особой, самостоятельной

реальности, организованной дополнением, усилением, уплотнением, независимой гомогенизацией, физическим укоренением телесных «органов» — в свете формы.

Изобретение формы и ее реализация есть бытийно-личностный эксперимент (чтобы не сказать «мысленный эксперимент»)¹.

В смысле вышесказанного познание есть область формотворчества. Оно додумывание уже мыслимого посредством изобретения и реализации формы, посредством совершенно материальной, предметной, «телесной» экспликации ее возможностей и неизбежных связей. (Но для этого прошлое надо освободить). Поэтому есть тела умные и глупые, есть тела обезумевшие и есть тела неудачные. Ср. с положением: только развитием мы можем извлечь то, что есть.

Формы, как монады-индивиды. Монады упорядочивают мир, то есть упорядочивают его своими рождениями — без предположенного уже наличного и предданного порядка. Должно происходить развитие (то есть телесно развернуться монада), чтобы предметные изменения и новые флуктуации, «возмущения» были интеллигибельны (то есть ими нужно овладеть телом, а для этого — избыточность

¹ В философии, например, он применяется к наличному языку и мысленному материалу (будь это язык описания природы, мораль или искусство или язык жизни просто) с целью прояснения смысла и значения в свете целого, то есть возможного личностного существования как старого идеала завершенной реализации сознательной жизни; как целого в зазоре между символическим и натуральным = феномена «человек», как особым образом очерченного своим положением в космосе (искусственность, природная безосновность, или самоосновность и тому подобное). Это прояснение путем развития и инкарнации формы, изобретаемой в свете целого. Субъект (субъектобъектные отношения, человек и тому подобное) не есть предмет философии, а ее инструмент — инструмент построения формы (имеются в виду утверждения, содержащие эксплицитную символизацию субъекта). Хотя они и часть итоговой реальности, как краска — она и часть итоговой реальности формы и инструмент, но она не предмет живописи. Но философия сама же строит свои инструменты. Создание инструментов совпадает с работой, с ними.

и амплификация, совпадающая с созданием топоса, впервые позволяющем введение абстракции бесконечности или «эпистемологически далекого» и, тем самым, двуединства — как первичного факта человеческого интеллекта). Это заставляет предположить (и так рассматривать обыденно констатируемое «развитие», «эволюцию», «появление новых видов») процесс введения в «мир» через такие формы, через выполнение в них проработанных ими индивидуально-психических механизмов, строящих таким образом свое тело (структура глаза и его появление есть выполняемая зримость «мира»)2. В этом смысле высказывание « $F = ma$ » не есть сообщение, передающее свое содержание в смысле человеческой проработки и воспроизводства данного познавательного состояния, воспроизводства и повторения предметной ситуации проявления изучаемых свойств и отношений, физических сущностей (одно дело — передача ситуации или «научного предмета» в моем смысле слова, то есть жизни в монаде, другое дело — передача только языковыми средствами, однозначными определениями понятий). Такого рода сообщения — побочный, вторичный (или в накрывающем аналитическом пространстве формулируемый) продукт первичной символической сознательной жизни и ее передачи, сохранения и воспроизводства в массе человеческого материала и его реактивных участия в потоке физических цепей, — жизни, где язык — это сеть=язык, содержащий общение, являющийся его «местом» (а не языком-средством общения), и где речь идет о непрестанном воссоздании себя, тебя, его и «мира» в некотором «месте», «у-топосе» (топос-то состоит из «текстов сознания»). Конструкция, без которой нет «я», мыслящего то, что оно мыслит, порождающая познавательный эффект (на стороне мыслящего). Не-рассуд очная конструкция, в отличие от

2 Здесь под «миром» следует понимать космос, а не универсум. Тогда можем говорить о направляющих линиях, вокруг точек которых происходят кристаллизации {versus — просто случайный разброс и селекция}. Мировые точки иррадиации сил.

операционно-конструктивных образований в пространстве 3-х прилеганий (см. определение такого пространства в § 63). Она сама не обязательно должна пониматься (ни «автором», ни другими). Понимают ею, а не ее (создается видимость теории, «теоретической нагруженности», когда это выражаем). И она содержит бесконечные следствия. (Кстати, в отличие от культуры, происходит конструирование в бесконечном и безразмерном). Такая конструкция = возможная культура. Культура есть реализованная (и тем самым мерная, конечная) возможность и, следовательно, уже нечто иное. «Текст» картины есть текст картины; «текст» теории Ньютона не есть «текст» теории Ньютона; живое существо в произведении искусства содержится в рамках его зримой пространственной выделенности, научный же вклад или «научный предмет» — вне изложения. То есть научное произведение не совпадает с искусственным предметом, с дискретным изделием. Поэтому и нет статуса «оригиналов».

§ 5. Это положение можно пояснить как гармонии в монаде (различия, напряжения, натяжения, выделяющие ее): закон $F = ma$ есть закон всех $F = ma$ (не связана ли с этим тавтологичность аналитического?). Всякий «порядок», «закон», «смысл» есть «порядок порядка», «закон закона», «смысл смысла»; мы не можем иначе его ни формулировать, ни ухватывать. Мы всегда говорим в терминах знания-закона то, что говорим в них о нем на втором шагу. Это сдвиг в пространстве, в топосе (следовательно, нечто, что не поддается линейному изображению)³. То есть извне, «марсианину» (не знающему внутреннего топоса преобразований), это будет непонятно. В действительности, проблемой соответствия являются не отношения знания «А» к объекту А, а отношение структурированного, организованного посредством «А» множества единичных, наблюдаемых A_1, A_2, \dots, A_n к А (скажем, А будет предельной мыслимостью вариаций A_2, A_1, \dots, A_n) и к «А». Научный

³ Ср. § 124 о синтезе.

предмет («закон» и тому подобное), существование которого состоит в индивидуально, психологически и социально независимой мыслимости (потенциальной или актуальной) его дочерних форм, его множественных экземпляров⁴ («законов», «порядков», «смыслов») и который лишь в абстракции логической актуальной бесконечности определяется независимо от возможности построения (задание «истины в себе», «понятия в себе», просчитанного Богом, и лишь экстенсивно бесконечно протяженного готового мира «сущностей»)⁵. Человек не «А» понял, а увидел A_1, A_2, \dots, A_n глазами «А», то есть размножил «А» в A_1, A_2, \dots, A_n (бесконечно мало отличные друг от друга), ..., а A_1, A_2, \dots, A_n укоренил в «А», что не может произойти натурально, действием природы. Если порядок порядка вещей, то почему не самих вещей? — духовное или божественное начало, поскольку место происхождения пусто; естественно, что жизнь таких предметов и отношение к ним человека окутано мистериями; мистические объекты, содержащиеся в текстах. Знание есть топос (топологическая связность множества, из которой мы можем придавать структуру закону), то есть «вещь», и «единица» его (атом) крупнее точки на линии временной последовательности и не составляется из этой последовательности и ее упорядочивания. И этот топос всегда живет и символически (+ к форме) представлен вещью, которая является одновременно и видимой вещью и пониманием, и порожденной материальностью и внятным смыслом (подобно комплексному числу). Из указанного атома и произошли платоновские «идеи», «формы» (кстати, скрывшие базовое, символическое пространство, исходный сдвиг). То есть свойства указанного топоса разным (и, как правило, натуралистическим) способом осознаются и фиксируются. Мы говорим «топос», потому что внутри неизбежной двушаговости

⁴ Бытие которого — в мыслимости им всего другого. ⁶ Что как раз и скрывает эволюционирующие и развивающиеся «предметы», подключающие множественные существования и артикулированные поверх, поперек и вне каждого из них.

есть различия и напряжения, являющиеся некоторым «материальным» модусом существования, отличным и от жизни, и от мертвой природы, и имеющим пространственно-временные характеристики. (Как говорил Кант, всякое усилие предполагает какое-то его бытие и его пространство и время — есть бытие и трансцендирующего усилия). В нем явления должны быть произведены вторично и повторены на особых условиях (речь идет, конечно, о классе элементов, поскольку никакое эмпирическое событие не бывает дважды). С одной стороны, такие предметы не происходят естественно, являясь, тем самым, «космическим чудом», а с другой стороны, они ведут себя вполне предметно, являются структурной (и структурирующей) конфигурацией в составе космоса. Более того, это организованные структуры, имеющие действия — видимые, наблюдаемые, естественные, хотя и необъяснимые естественными законами (это не мысли, не психологические субстанции, и мы не говорим о них в терминах стоящих за ними волеизъявлений и намерений). То есть они структурируют естественное. «Порядок порядков», сам не порождаясь естественно, порождает, в свою очередь, явления, естественно не возникающие и не идущие, но наблюдаемые физически и, невольно, в материальном модусе рассматриваемые. Преемственность, воспроизводство и себетожественное повторение их в пространстве и времени сосуществующих или меняющихся в последовательности индивидов, наблюдающих единичные, сменяющиеся вещи, уносимых потоком психического времени. (Но эта «себетожественность» особая, непохожая на вещную.)

§ 5а. К «естественному» действию предметов, неестественных по своему происхождению:

Это понятие тем более необходимо, что (ср. § 102) концептуальная структура — нечто иное, чем каждое отдельное осознанное отношение ее наблюдательных, описательных, изобразительных, вербально определительных и тому подобных элементов к соответствующим им объектам и явлениям, то есть не может производиться восприятием этих

последних, или, иначе говоря, она не там, где локально (в непрерывном пространстве) воспринимается эмпирический референт значений. Так, что же — это витающий дух, идеальные нормы и ценности (предполагающие неуловимую «внутреннюю» операцию, совершаемую гомункулусами)?

Вырывание из естественного хода вещей, из инерции естественного хода и сцепления причин и действий (включая в естественный ход вещей и нашу психику, нашу чувствительность, культурно механизированные концептуальные и ценностные связи и тому подобное). И в то же время соответствие тому, что фиксируется средствами последней (что предполагает проработку этой чувствительности, ее исторический или расширенный по сравнению с природным характер). Параллельно, рядом, в сдвинутом пространстве или топосе (сдвиг или трансверсальный зазор, *ecart*) — ненаследственная (невстроенная) система преемственности, преобразований, «памяти», картин, кумуляции, резонансных генераций и передачи связанной и согласованной мысли пространством и временем «третьих вещей» (которыми мы чувствуем, воспринимаем и мыслим в смысле возможного синтеза) и отношениями между расслоенными и надстроенными одно на другое многообразиями. Но уже указанное выше соответствие «в точке» основано на топологическом дифференциале.

Ощущение, что «закон» есть топос своих собственных множественных существовании (то есть закон законов, порядок порядков), и выразилось у классиков также в идее некоего «первичного синтеза», «первородного субъекта», «*origine*» и во введении трансцендентальной рефлексии как своего рода имитации творения (без феноменологического «я могу», «живого» и без выявления структуры сознания, которая, в силу тривиальности полученной топологии, могла растворяться в законах-связях самих вещей, а не выделяться особо в отношении лишь к законам), то есть как уровень над законами, невыразимый в терминах явлений, связываемых законами и одновременно над ними.

Но поскольку действие мира на нас мы должны определять в континууме «бытие-сознание» (а не отдельно в том или другом), то есть фактически с учетом произведенности (повторяющейся непрестанно произведенности) начала, то для нас не будет этих «начальных» представлений, этой первичной основы, первородного субъекта со встроенной в него первородно истинной «почвой» и так далее., где смысл термина «между» сжался в бесплотную точку абстракцией логической бесконечностью, регулирующей выражение истин. Понятие «начала» в абсолютном смысле не имеет здесь места, эмпирический смысл в языке историка имеет лишь интервал, а не начало. Ничто не начальное и ничто не первично (если брать сингулярно, а не трансцендентно). Иными словами, понятия «первичный субъект», «одно сознание», «субъект — объект», «тождество бытия и мышления» (как принцип рациональности), «данность», «самосебтождественность», «формализм-интерпретация» и тому подобное принадлежат вторичному, накрывающему пространству (накрывающему в силу макроскопичности всякого фиксируемого и сообщаемого опыта). И, следовательно, они не могут быть первичными понятиями историка знаний или аналитика сознания. То есть (ср. § 40) ни новое во времени (как мысли случиться впереди?), ни культура (что за перенос понятого извне в себя?) не понятны, мистичны, парадоксальны без указания на работу «живых» (третьих) вещей, без независимого постулата монадического воплощения «всего» и воспроизводства (ср. также § 23). Все остальное, что я могу сказать, — простое развитие следствий из этого. Правда, для указанного накрывающего рефлексивного пространства был символ — Сенсориум Деи, который то всплывал, то скрывался. Но это же живая или «живущая вещь». Символ — средствами нашего воображения или сросшегося с твердым монтажным телом артефакта качественно-субъективного состояния выполненная и для нас «понятная» топология; но это живущая вещь, другим своим концом уходящая в сферу в смысле работы «символ и сознание». Символичес-

ски-телесные описания, живущие в «между», «живые вещи». И, следовательно, мысли, как события или явления (в моем техническом смысле), должны, наоборот, браться как факт, независимый от всего остального мира (ср. § 106), локально, на месте выполняющий (создающий?) законы мира (а не с заходом через трансцендентную перспективу, ее далекое, применительно к чему уже Кант установил антиномии непрерывности), и как содержащий двуединство: содержание в естественно выстраиваемом, натурально производимом ряду (где моменты сознания времени разорваны) и оно же в воспроизводимом ряду (с итерацией мимезиса и артефактами), где «я» (и мир) непрерывно создается, порождается и поддерживается («дополнительно», «независимо») и где моменты времени могут быть соединены, синтезированы. Но лишь живое может создавать живое. Нет ничего, кроме «живых» третьих вещей, что могло бы это делать. На фоне космоса принцип свободного действия как особой активности четко выделен как особый и далее несводимый (как и принцип инерции, принцип жизни и тому подобное) и как постулативно полагаемый с самого начала, чтобы можно было понять его проявления и действия.

§ 6. Если мы вводим в круг анализа порождающие свойства (а мы их вводим и видим соответствующие зависимости и гармонии в зазоре, высвободившемся свободой и не наглядностью, неразложимой целостностью и завершенностью, что = снятию постулата «понятие знания тавтологически имплицитно, что я знаю то, что думаю, то есть не могу не знать состояние собственного ума»), то (ср. также § 110) мы должны видеть, что их, то есть действий производства мысли структурой, нет и не может быть без различительного протяжения в пространстве и времени (не — непрерывной протяженности в реальном пространстве эмпирических объективируемых воздействий вещей и во времени «настоящего момента» фиксации, сознательной регистрации этих воздействий). Иначе говоря, идея состоит в том, что 1) должна быть временно-

==37

Стрела познания

пространственно протяженная форма существования и действия знания и сознательного наблюдения, и 2) она должна разрушаться или вырождаться в смысле возможностей движения — по отношению к загороженному данным пространством, другому, ушедшему в безразличную область. Тогда есть история (при допущении взаимоисключающей множественности фона свободного изменения). Иначе мы были бы всегда и только ирокезами. Но новое (возникшее из первичной сознательной жизни) снова упакуется, «сгустится» в верхних этажах и потеряет связь со своими источниками происхождения, станет «культурой», ведя к неминуемому вырождению. Таким образом пространство и время нам нужны для представления, изображения особого рода действий производства мысли. Например, при пространственной разделенности нет и не может быть этого «физического» естественного действия (и, следовательно, — понимания, безотносительно к психологии). Формальные условия возможного взаимодействия и называются нами пространством и временем. Там, в объекте, пространство — условие действия знания (в смысле отсутствия «физического» действия без топологической сигнальной связности: высказывание о нем или полагание его в мире не имеет смысла), у нас, исследователей, представление его — (различительное) условие знания (о явлениях знания), а не в том смысле, что в языке-объекте мысли как ментально-психические состояния пространственны или содержат в себе пространственные термины. А вот когда уже есть эстезисное пространство-время события (со-бытия) мысли, то уже можем — в зависимости от того, какова конкретно структура и связи, — говорить об историческом времени, о времени объективной истории как реальном времени макродвижения, жизни, развертывания, ритмов, ускорений, задержек и тому подобных эмпирически наблюдаемых обстоятельств.

§ 7. «В мире произошло А», «В мире произошло В» — о мирах и их разнице ничего сказать нельзя. «В мире

произошло А, а потом В», «В мире произошло В, а потом снова В» — на этом втором шагу или в этой двушаговости есть (и только тогда есть) мир, о котором можно что-то сказать, и есть разница миров. Ничего не можем сказать о мире, а когда можем, то случилось уже нечто необратимое. Но тогда и «факт»^б размазан в мир: предметы мира не суть предметы ощущений и представлений, а уже... А раз так, то понятие «данности», «эмпирически имевшего места явления», «чувственно-эмпирических показаний» не может быть первично ясным понятием описания работы ума. Тем более, что случившееся естественно в мире природы воспроизводится и повторяется в мире деятельности (а не непрерывном реальном протяжении сдвинутых вместе аппаратов отражения, отделено от мира поставленных перед ним как зеркало) в силу в принципе экспериментальной ситуации чувствующих и сознающих живых существ. И, следовательно, воспроизводимые с языком, в «между» [нужен тогда принцип неотделимости и допущение скрытых предметных (предметно-деятельностных) механизмов мышления, которые суть тяжелые, «массивные» тела (масса = кривизна) настолько большая, что можно не учитывать, а уложены в точки нулевого объема, хотя собственное время привязано к ним, то есть к конкретной системе (индивидууму), но не к системе координат]. Все, что мы можем сказать о мире, висит в ткани, протянутой между субъектами (то есть все время со сдвигом в топос). Понимательный топос. Пространственно развернутая, предметная книга наших способностей, сущностных сил (ср. § 13). Ткань, сплетающая нас вместе в «божественной среде», в которой развязаны связи из естественного ряда, — в ней нужно создать себя (как бы заново родиться ср. Декарт) и тем как бы заново породить пережитый мир, то есть создать, чтобы испытать, понять, чтобы пережить. Но именно тела, представляющие узлы этой

^б «Факты» в языке историка или феноменолога, а не в языке объекте.

==39

Стрела познания

сети, утоплены в «мешочки», в «пазухи», закрытые точками, представительствующими в 3-пространстве (будем так называть пространство 3-х прилеганий, определенное в § 63), которое оказывается нашей сферой-небом, нашей гиперплоскостью, нашим «листом истории». [И мы не видим тела отсчета, подобные «моллюскам» Эйнштейна (с принципом относительности: зависит только от «однажды сделанных» скрытых движений и масс)]. Но на деле лишь особый характер воспроизводства (второго шага) дает длительность, дление, внутри которого может быть познание и его развитие.

§ 8. Пучок понятий-ограничений на хаос: порядокхаос; индивид — многое; внутреннее — внешнее; размазанные «факты» — фон; артефакт (случившееся в мире природы воспроизводится феноменально — двушаговость и материальный монтаж «языка», то есть форма и материя); произведение (в отличие от полезного продукта) с его внутренней, скрытой памятью-хронотопом [речь должна идти об особых предметах и о скрытой памяти их поля сил; мы имеем дело с произведением мысли, а не ячеечным текстом книги и изложения или запечатления в аппарате отражения, и произведение мысли — живое существо, имеющее тело с жизнеподобными чертами и не совпадающее с обозримым сделанным текстом, и эти сверхиндивиды образуют с каждым из нас сложное структурное целое]; познание как преобразование (и творение) — инвариантная мера, которая возникает в самом процессе преобразований, а элементы, на которые членится система (многообразие), — самим членением.

1) Смысл слова «между» (сжатый в точку абстракцией актуальной бесконечности).

2) Смысл слова «многообразие» (то, что мы хотим сказать о первоявлении в смысле его свойств, характеристик и законов, мы можем ухватить и сказать только на втором шагу).

==40

М. К. Мамардашвили

3) Смысл слова «эволюция» (история и разброс А как среда определения и выражения А — выброшенное вперед, чтобы определиться здесь, история как бытие трансцендирующего усилия). (Ср. § 110).

4) Монадичность свободного действия (транснатуральное пространство, то есть непосредственно различительно дан способ производства знаний, но нет трансцендентных предметов; его не наглядность —> наглядность символа; не знание и собрание его предметов, а источник этого знания и собрания, то есть свободное действие в полном виде монадичности: им произведен свой исток (и принцип), и он не требует дополнительного понимания, поскольку сам приводит все в понятный вид).

Повторяю. Не естественный порядок вещей, предваряющий эволюцию и руководящий ею (извне или изнутри), а хаотический мир равно природы и психики, упорядочиваемый самим свободным действием, важнейшим элементом которого являются артефакты, в которые свернуты, сгущены пространство и время, активность, самосознающая (и помнящая) себя «в объективной форме вещи», и которые создают поле сил. Ноогенным артефактом произведено само «начало», и в этом смысле он не нуждается в дополнительном понимании (что значит отсутствие абсолютного начала). Для систем с сознанием 1) втягивание мира в себя (содержание его частей во внутреннем мире подобных структур), 2) вращение в мир, то есть нахождение вне себя, вне наглядно видимых агентов сознания.

§ 9. В силу завершенности и законченности всякого исторического индивида (выделяющего и экранирующего себя индивидуально как раз неявным и неконтролируемым процессом, дающим внутренние продукты) мы не можем произвольным выбором начальных условий или конечных целей влиять на будущее (и предсказывать его) — оно творится в самом времени как сознанию в момент всего целого структуры, как интегральной гармонии формы

==41

Стрела познания

(проявляющейся, в частности, в ритме и тому подобное) вдвинутых друг в друга и находящихся друг на друга событий. Иначе — распад индивида и энтропизация всей среды синтеза, произвольные эмердженции из натурального ряда: в момент t (разделенный с t^0 «циклом» или единицей ритма) делать то же самое или быть «тем же», что и в момент t^0 ; но как? и это лишь вероятно? Возможность воссоздания своих оснований. Эти узловые точки мер суть ограничения на рефлексивную определяемость (или доопределяемость) знания. Осторожность в выборе начальных условий известных законов (иначе можно потерять последние и себя). К тому же, эксперимент — земное. Синтез. Это сдвинутое или поперечное по отношению к внешнему непрерывному протяжению в плоскости время (и пространство), топос (и хронос) преобразований как внутренние продукты. Что даст большее содержательное расчленение (и определение) исторического элемента. Оно сдвинуто и по отношению к перспективе внешнего «марсианина» и по отношению к внутреннему миру субъекта. «Черное солнце» внутреннее познавательное пространство и время, «внутреннее» по отношению к ... ср. §§ 7, 8, 83, 116, 124 (ср. § 63 для определения).

Эта сумка разглажена на плоскости в точку. Развитие («интервал») свернулось в субъекта и не видно взгляду, разглаживающему в плоскость прямого и повторимого опыта (не видно ни стороннему взгляду, ни субъекту; такая «субъективность» не дана, а реконструируется с трудом, то есть объективно). Различие физических (не имеющих внутреннего, изофункциональных по отношению к прилегающему абсолютному пространству и времени) явлений и явлений сознательных позволило построить для первых пространство 3-х прилеганий, без которого нет науки (но породило — в плане критериев научной рациональности — и разрыв между физическими науками и науками о жизни и сознании). Нормальное пространство, накрывающее по отношению ко всем остальным, с действующим в нем операционно-релятивистским принципом

(ср. § 118). Определенное по («горизонтальному», линейному) переносу причинной связи, оно трансверсально — сторона монады (то есть скрывает последнюю). Но сохраним идею расчлененных и надстраиваемых многообразии, которая как раз изнутри нормального пространства не формулируется, что и порождает трудности унаследованной теории познания и эпистемологии. Аналитичность и обратимость «больших» (рефлексивных) систем мысли, интеллектуальных структур, сознанием и волей контролируемых. Проекция в точку (и она не имеет объема, ибо он был бы объемом внутреннего и, следовательно, психологическим) «настоящего». Ср. § 118. И мы можем организовывать, управлять через «вложенность» в реальное непрерывное протяжение и последовательность (через перенос причинной связи, проекционное познавательное пространство и тому подобное). Остальное сдвинуто в особую действительность с ее внутренними продуктами, индивидуальными явлениями, элементарными процессами. 3-пространство, в силу которого наука есть одна (и ретроактивно работающая) продуктивная машина. Работающая иллюзия однородного времени, в котором все распределяется дистрибутивно и аддитивно.

§ 9а. Брауэр о переживании «распада жизненных мгновений», разделяемых временем, но могущих снова быть объединенными в некотором «двуединстве» как «первичном факте человеческого интеллекта», лежащем в основе всей математической деятельности». [На моем языке это проблема скрытых условий и посылок воспроизводства деятельности: самообраз деятельности воспроизводства, который и 1) время содержит (синтезирует) и 2) фактор целостности, тотальности (не локальности) по всем точкам-событиям, то есть целое — скрытая предпосылка воспроизводства, и 3) двуединство (= разноприродность объединенных двух)]. Отсюда обращение к «мгновенно прозревающей многообразии связи интуиции, к аналогии, к опыту» (Вейль). Понятие «свободно становящейся последовательности».

Вейль: «Осознание мира, как он приходит к нам от Бога, не может быть достигнуто путем знания, кристаллизованного в отдельных суждениях, имеющих независимое значение и относящихся к определенным фактам. Оно может быть получено только путем знаковой (символической) конструкции». (То есть не в точке, не в позитивно-референтной привязке к вещам, а по (конечной) пространственно-временной области, по символически-вещественному конструктивному пространству. Это для области бытие-сознание, то есть когда берем со включенным в нее мышлением. Воздействия мира должны браться в этом континууме. Соответствие — не одна и та же точка пересечения. Лишь после связности она определяется — в причинной структуре аппарата). Разум есть «свобода в рамках ограничений существования: он открыт в бесконечное. В самом деле. Бог как завершенное бесконечное не может и не будет постигнут им; ни Бог не может проникнуть в человека путем откровения, ни человек не может постичь Бога путем мистического восприятия. Завершенное бесконечное мы можем только выражать в символах. Из этого отношения получает свое полное освящение и достоинство каждый творческий акт человека. Однако только в математике и физике, насколько я могу видеть, знаково-теоретическая конструкция приобретает достаточную основательность для того, чтобы стать убедительной для всякого, чей разум открыт для этих наук».

Все решается здесь, мы ничему не служим, не является ступенькой ни чему последующему и не зависимость от последовательного целого здесь на месте реализуем — вот бесконечность и непрерывность (это и вечность во мгновении), ибо это «все» есть многое всей природы. (И снова выходим к абсолютному значению формы, ничего не содержащей). В нем понятное, будучи другим, неотлично (то есть различимым образом нельзя ничего вставить между) от архе, — это непрерывность. И оно же прерывно, дискретно, то есть берется в целом по конечной области, в силу совершенно иного понятия времени — синтезированного времени-формы (само по себе оно гомогенно, плотно и его нельзя воспринять), момента времени, вынутого из времени как последовательности и квазипространственно растянутого, запрокинутого в прошлое и прозревающего предстоящее целостно в момент.

§ 96. К хронотопической проекции в точку «настоящего» в 3-х прилеганиях:

Одна-единственная непрерывная замкнутая система «сдвинутых в месте», «в одно» голов-аппаратов (с соответствующими постулатами непрерывного и однородного опыта, непрерывного и постоянно действующего сверхэмпирического сознания и тому подобного, эфира поля наблюдения и тому подобного, а также частный вариант принципа относительности, имплицитированный в прямом опыте как классе систем отсчета). Она скрывает, что мы имеем дело с процессами, свернутыми и ужатыми в «способности-свойства», «субъект-вмещения», «интенсивности», «действенности» (так же как миром идей, которым оперируем в системе мысли, скрыта качественно-символическая или процессуальная математика) — процессами, избегающими пространственности и временной линейной последовательности. Отсюда невидимая внутренняя история («волновое» бытие трансцендирующего усилия, а не длительность и смена в последовательности, что требует ненаглядных элементов анализа эффекта системности)⁷. И траектории мировые (ср. § 5, 5а, 7). События-предметы помещены в их перспективу. То есть есть связности переносом причинной связи в аппаратах отражения (с «реалистическим» соответствием) и есть связности умов «по сознанию», поддерживаемые структурирующим и конструктивным (а не изображающим и знаково коммуницирующим) текстом независимо от реального канала связи (то есть ноогенной машиной-произведением, артефактом), и где факт топологичности соответствия (то есть соответствия в точке с окрестностью) проявляет себя нетривиально. Так, например, китайцы, чьи космологические представления, как говорит Кун, не исключали изменений на «неизменном» для европейцев небе, «зафиксировали появление множества новых звезд на небе в значительно более ранний период. Кроме того,

⁷ Ненатуральность или транснатуральность возможных оснований и их непрерывного воссоздания.

даже без помощи телескопа китайцы систематически отмечали появление солнечных пятен за несколько столетий до того, как их наблюдали Галилей и его современники». Так где же находится наблюдаемая звезда, то есть точка пересечения? (Ср. §§ 60, 87). Нечто в надприродном ряду есть таковое не в смысле, что оно «духовно», «отражательно» изображает что-то в природном ряду, а что оно структурирует своей конструктивностью, в том числе и в естественном ряду, порождая в нем наблюдаемые явления (явления поведения), чисто натурально тем не менее не объяснимые. Поэтому это бесконечность (трансверсальная) отличная от бесконечности непрерывно замкнутой одной-единственной системы. Будут узлы (пунтуалистские) живых взаимодействий, резко меняющих топологию и выбивающих из пространства преобразований. Вообще-то свободное действие тяготеет 1) к полному действию, 2) к тому, чтобы (версус зависимое возникновение) содержать лишь порожденное внутри себя, на своих собственных основаниях (это последнее и ставит вопрос об особом пространстве генераций и о «третьих вещах» как снимающих различие души и тела и так далее — тем более, что уже в законоподобной структуре опыта с ее стоячим, вертикальным временем мы видели, что топологическая связность или когеренция, не спонтанность начальных условий предполагает пространственно ограниченную область и всегда только для таких областей; а в содержании могут быть бесконечное пространство, идеальные объекты, разведенность физических законов и начальных условий и так далее). Иными словами, «пространство» из-за 1) ненатуральности «данности» (и, напротив, чуждой, инопространственной натуральности, если не модулирована), 2) квазиестественности свободного действия (ведь под этим новым принципом работы мы не имеем в виду «дух», действие чистой мысли!): у усилия должно быть какое-то бытие. (Отсюда введение в изучение ума ненаблюдаемых, невидимых объектов, поскольку под «действиями» имеются в виду скрытые движения, их невидимое телоформное бытие, а не акты воли и сознания).

И поскольку транснатурально, то, конечно (ибо натурно-то было бы, по закону языка, одно), разнопространственно (двуединство!), во многих исторических «жизненных» или «живых» пространство-временах. Но — естественно. Вместе — естественноисторически.

§ 9в. Увидев в мире X, человек не мог бы воссоздать свои основания (в смысле оснований системы мысли), и поэтому он не видит. Следовательно, «видимое» не зависит просто от наличия содержания в мире (как бы ждущего своего понимания) и от усилия чистой мысли и воли, на это содержание направленных. И, следовательно, содержание в мире принадлежит потенцированному бытию, а не просто миру «в себе». Если в связи с признанием X я не могу воспроизвести себя в качестве мыслящего о мире, то X невозможно в мире (оно, следовательно, заслонено «телом понимания» и инопространственно). И, наоборот, признание его вело бы к недопустимому уничтожению системы мысли (ср. стр. о «чувствительности» законоподобной структуры опыта, о «видим-не видим» (§ 19) и § 153 о «сделанности» органов, о «чувствующих и понимающих, умных телах»). Нужно рассмотреть воздействия мира, поступающие вне постижимой связи, если уж от воссоздания оснований зависим... Резкое изменение топологии (нарушена связность ума с умом, ума с самим собой и ума с миром), например, в экстремумах мы начинаем воспринимать «внутреннее», не обладающее никакой постижимой связью (ср. с понятием «элементов» в древности; вообще здесь заключена какая-то тайна). И находящееся вне микроскопии аппарата отражения. То есть мы никак не присутствуем последним в колебательных движениях молекул мозга. Преобразование и, наоборот, — не преобразование. Мы не можем, в смысле знания, воспринять то, для чего нет пространства преобразований. [Сознанием, макроскопичностью (поскольку мы должны аппарат описывать) его космологического включения мы отгорожены от мириадов миров в нас; но, повторяю, космологическое включение вариативно]. Перескакивание

(изменение топологии) с устойчивых уровней содержаний сознания (выбивание пространства преобразований) может все разрушить. (Пространство состояний ведь и есть пространство преобразований и n -мерных представлений). (Ср. с дискретизацией и объема мира и объема субъекта, § 23). Разорванная, провисшая нить циклического воссоздания оснований — бесконечные значения. С другой стороны, такие пространства 1) не одно-единственное, 2) могут сменяться (как Планк был прав, говоря: «Так же, как физический процесс в принципе неотделим от инструмента, посредством которого он измеряется, или от органа чувств, посредством которого он воспринимается, всякая наука в принципе неотделима от ученых, которые ее разрабатывают. И так же, как физик, экспериментально изучающий атомный процесс, меняет его течение тем сильнее, чем больше проникает в подробности, как физиолог, разлагающий живой организм на более тонкие части, повреждает или убивает его, так и философ, исследующий, до какого пункта осязаемо понятен априори смысл научной идеи, тормозит импульс науки к дальнейшему развитию». Физическое познание, то есть выявление предельных оснований и условий возможности категорически формулируется в рефлексии, которая неминуемо упирается в плодотворные, как я говорю, тавтологии как конечное, окончательное, а без них нельзя мыслить: убери их — и хаос, на два порядка ниже). И что, если такая связность, что не будет нашей причинности? Но этот компот мы уже имеем в свойствах целостных проявлений сознательной жизни с ее особой, сложной (и изменяющей) топологией. То есть когда хотим описать нечто, являющееся и моделями понимания (законоподобной структурой опыта) и модулями преобразований («малыми мирами», как, например, канон, золотое сечение, музыкальный инструмент пифагорейцев, производящий только истинные гармонии, пифагорейские же числа и тому подобные) = артефакты (платоновские «души», мои монады или, что то же самое, наши с Сашей [А. М. Пятигорским. — Ред.]

структуры сознания в их вещественно-символической части). Самое интересное — это модуль, как он выражен, например, геометрией твердого тела, каноном, золотым сечением, идеальным инструментом и тому подобным.

Мы всегда объективированно рассуждаем об объектах наблюдаемых в оведении выражений мысли, сознании и тому подобном (то есть в нас встроено сидение на двух стульях, мы не можем избавиться от нахождения одновременно в двух мирах — в мире объективированно видимых нами объектов и в мире говоримого чужим сознанием о них, мы никогда последнее не берем прямо), и поэтому в левой части схемы мы говорим, что это — так, в смысле наблюдения извне физических последовательностей явлений. Независимая операция выбора внешних чужому сознанию объектов как его объектов. Всегда наблюдаем независимыми внешними средствами (то есть внешнее задается в независимом виде, известном помимо внутреннего каким-то образом). И, как это ни парадоксально, именно тогда мы не имеем никакого объективного взгляда на сознательные выражения как объект, имеющий историю. При универсальной (а на деле, частной) временной последовательности, «до» и «после» разделены одной и той же точкой фиксированного «настоящего момента» (при наблюдении извне) или пересечения, и все выстраивается в одну линию одного измерения. Но на деле «после» совсем другое (да и «до» тоже, и нет однозначной распределенности

==49

последовательности течения от прошлого через настоящее в будущее). И «точка» скрывает пазуху, полость интервала, где помещен научный предмет, начинающий совсем другие цепи и последовательности (научный предмет пространствен и времен, то есть и наша мысль, которая его часть, элемент, и не чистым умом мы познаем). Помещено эмпирическое тело (базовый слой, сторона научного предмета). Прежде всего, не просто это так (на схеме), а нужно, чтобы всегда было понято, известно, схвачено, что «это так». Парменид: «то, что есть, тождественно с мыслью, его узнающей...» То есть это так и «это так» — разные вещи. Дискретное вырывание из физической цепи (логический индивид — лишь на уровне интерпретации и рефлексии, то есть повторения эквивалентом). Акт интерпретации вынимает из физической цепи и ставит в другое, логическое пространство, где свои последовательности и цепи. И может ничего общего не иметь с последовательностью (ячеечной, линейной) принимаемых восприятию единичных объектов и мыслей о них, о которых мы судим в своей, предполагаемой универсальной последовательности. Активные внутренние преобразования, меняющие события и что-то определяющие в структуре законов (то есть физическое содержание уравнений в смысле различного распределения реальных и мнимых смыслов и выбора начальных и краевых условий). Не догадавшись о преобразованиях [и не поняв, что научный предмет составляет с человеком и его живыми состояниями единое (и сложное для анализа) структурное целое, где эти преобразования имеют воспроизводящуюся и повторяющуюся инвариантную меру порядка (но это не преданная группе мера, а возникающая в самом процессе преобразований, вместе с ним), модулирующую и генерирующую бесконечно (в смысле актуалгенеза), с картинками, атомами, скрытой памятью, резонансом (поскольку резонируем в структурах) и так далее], марсианин, например, ничего не поймет в видимых, наблюдаемых поведенческих проявлениях, на деле натурально необъяснимых, естественным

К оглавлению

==50

М. К. Мамардашвили

воздействием не порождаемых. То есть поскольку монад он не увидит. В качестве знающих X , они — часть (необратимо) мира, в котором имеет место X , и это имеет наблюдаемые следствия, которые для стороннего вселенского наблюдателя были бы поведением (а не знанием и его проявлениями) и которые в то же время природой в физическом смысле не производились бы, то есть не укладывались бы в физические законы поведения мира (например, если бы марсианин мог бы непосредственно снимать показания приборов или получать фотоснимки фантазмов и галлюцинаций в наших органах чувств), представляя неустранимый и несводимый «исторический элемент». И как бы он, зная физические законы, специфицировал начальные условия? (К тому же, эксперимент ведь всегда земное!) Так что, нечто о мире в самом мире (мышление как часть реальности и, следовательно, вне каждого из нас), и настоящая натуральная философия должна уметь брать познания в таком разрезе, то есть фактически составляя континуум и из бытия и из сознания, а не отдельно, где сразу возникал бы вопрос об истине как соответствии отделенному и созерцательно внеположному. Ср. § 39. Для такой философии принцип свободного действия как особой формы активности или генеративных свойств сознательно-деятельных, чувствующих и наблюдающих систем четко выделен (как и принцип самой жизни в биологии, принцип инерции — в изучении мертвой природы и тому подобное) и должен с самого начала приниматься в качестве далее несводимого постулата, с самого начала устанавливающего строй мысли для исследования и понимания конкретных проявлений жизни такого рода систем. Но физическое должно браться лишь так, как оно является частью тела монады, то есть вместе и через генерированное. Континуум «бытие-сознание». То есть на основе двух абстракций: 1) феноменологический сдвиг, 2) порождающие свойства живых сознательно-деятельных систем (с их избыточностью и динамизацией).

§ 11. Ангельское тело (ангелы — индивиды, а мы — нет, мы в лучшем случае личности, но не индивиды). Но именно тело, следовательно, очень пространственно-временно (только, как мы увидим, это другое, неевклидовое пространство-время, хотя и столь же принудительное и различительное физически). Без этих ограничений нет познания, познает не «ум». Под «чувственностью» и следует понимать это тело (тогда речь может идти о расширенной чувственности, а не естественно со-природной и раз навсегда данной). Таким образом, формы, гармонии, вместе с их «телами», живут как отдельные живые существа, организмы (но мы можем мыслить их существование лишь символически, а не предметнонатурально, и не применяя обычных наглядных категорий — скажем, они не умирают и не бессмертны, а мы в них всплываем и из них уплываем). Так называемые «парадигмы» есть лишь их последствия и эмпирически наблюдаемые реализации на уровне индивидуально-психических механизмов и культур. Все от немногих. Кто-то реализовал бытийный эксперимент своей жизни. И этим создал жизнь (как форму, разрешающую приведенные в действие силы) и передал ее другим. Нам остались символы этого деяния, которыми мы непрерывно и вновь и вновь воссоздаем себя в качестве живущих этой жизнью. Здесь незамкнутые целостности и «живое», актуальное взаимодействие (то есть без внешнего и внутреннего в смысле классического разделения). Постулат о его обязательной, далее не анализируемой данности (данности не сознанию, а самого по себе — «должно иметь место, происходить, быть») и вырывает нас впервые из философии сознания, из регулятивных рамок аподиктичности первичной ясности «данности сознания» — должно «само сделаться» (вместо умозрительной лишь непрерывности, что и получило в философии возвышенное название «бытия»). Принципиальный плюрализм. И обязательная дискретность (иначе нет передачи и сохранения приобретенного; точки скрещения и пересечения напряжений, различий и противостояний поддерживают

Одно и отделяют от всего другого, иначе все растворилось бы в каше и не было бы никакой эволюции). (То есть конечность и дискретность — вообще условие, почему есть многое). В монаду нас вводит (и в нее разворачивает) мутация. И для анализа все дело в тех неявных зависимостях и неконтролируемых процессах, которые «до», «возле», «вокруг» этого мутационного всплеска формы (проработочно реализуемой действительными явлениями). Эти связи нечто иное, чем связи зависимого происхождения (например, идеологические, натуральные и так далее). Но чем иное?

§ 12. Разрешающая способность «тел». Миры и перевод с языка одного на язык другого. Понимание и индивидуальные формы. Forclusion — невозможное. Антиномия: видеть А — сумасшествие; нужно сойти с ума, чтобы увидеть А. Интерпретируем вторично (и, следовательно, зависимо), чтобы не сойти с ума (и становимся, тем самым, «вещами» — живая бесконечность умирает). Возможна лишь косвенная развязка, приведением в действие других сил, которые размоют и переключат завязку, сцепление, а не прямое решение.

§ 13. Люди сами создают в объекте условия приобретения знаний о нем, и зависимости познания (как отличающиеся от натуральных) есть зависимость людей от последствий и продуктов собственной деятельности (опредмеченных и объективированных и вступающих в собственные взаимоотношения и зависимости).

Следовательно, содержание знаний неразрывно связано с предметной деятельностью и в ней прежде всего коренится в смысле основных своих условий и продуцирующих знание сцеплении, а не в какой-либо заданной и природно вечной организации ума, «души».

Это значит, что содержание деятельности (= содержанию предмета) производится и существует в исторических формах, что «сетки» и содержательные конструктивные поля мышления историчны, образуют замкнутые горизонты

мысли (развитие есть их размыкание), и что, следовательно, в конкретном содержании знания существуют и действуют генетические мыслительные связи (помимо структурных, одновременных). (Вот здесь и нужно поговорить о сцеплениях и кристаллизациях как истории; поля и горизонты замкнуты, ибо каждый раз логическое пространство, за которым нечего объяснять; но одновременный плюрализм, разбегание этих логических пространств; закодированная возможность множественности есть гарантия против тупиков эволюции; в данный момент мы являемся частью, «телом» жизни какого-то сверхиндивида, монады — но мы в принципе не знаем, какого, наше дело — работать, а логичность есть лишь наша принципиальная неспособность видеть сейчас наш горизонт). Снова пример: Галилей—Кеплер—Ньютон.

Действие этих связей, смен их новыми, точно так же в предметной деятельности коренящимися, и есть внутренняя история (или историчность, временность) истины, образует временную глубину, складку и полость конечной протяженности вечной истины (с операционно-релятивистской точки зрения), образует мои «разнопространственные мешочки», «многие глубины», к которым нет единого (и непрерывного) доступа. Центр тяжести истории, исторических изменений и перестроек лежит, вопреки видимости, не в эмпирическом потоке (который вообще истину не может породить и в котором последнюю укоренить невозможно), а в этих объективациях, идеализациях, предметно произведенных допущениях (встроенных в сам объект, знание о котором мы хотим получить), посылках, онтологических схемах и тому подобное — короче, в том, что можно назвать онтологической, метафизической и экзистенциальной ситуацией проявления свойств и отношений, характеризующих полагаемую в мире физическую сущность. Или «машиной времени», научным предметом (имеющим свой материальный модус существования, отличный как от жизни, так и от мертвой природы), в котором или которым мыслятся эти конкретные свойства,

признаки, процессы [следовательно, это не абсолютные качества и свойства предметов действительности и не заданные интеллигибельные их «сущности», подвешенные в небесной тверди (интеллигибельность вообще есть подвижное свойство с существенной временной характеристикой)]; мы не можем познание и сознание анализировать в терминах абсолютных, в себе существующих качеств и свойств предметов этого познания и сознания]8. Именно эта ситуация или «машина» обобществляется, исторически передается и так далее внутри самого познания, и возможность как-то воспроизводить эту объективную ситуацию является необходимым условием любого последующего («обращенного») изучения предмета как целенаправленного действия и образует связность его различных актов, одновременно совершаемых индивидами. Нужны термины топологии событий знания и процессов. И, следовательно, мыслим в терминах «историй», а не предметов-носителей свойств (как показал Д'Эспанья, будут, например, не все свойства). (Только в воспроизводстве всегда будут необратимые, ненамеренные и непредвидимые завязки следствий изменений, новые физические реализации сознания, из-за которых из мира будут поступать возмущения, и эти возмущения суть смешанные явления, содержащие в себе оестественную психику и потому потенциально говорящие, сообщающие, обратные из сферы или ноосферы). Следовательно, под «исторической связью» мы не имеем в виду влияние, воздействие, передачу, обучение и тому подобное.

8 Таковы же предметы искусства и тому подобное — весь ряд того, что в отношении к воспроизводству является экстатическими машинами. То есть дело обстоит так, что мы мыслим ими или в них (и они экстатически в нас действуют, экстазируют нас), а не так, чтобы они были отражениями внешних вещей, их, так сказать, «копиями», особыми двойниками, существующими в голове или в идеальном мире. Поэтому свойства, атрибуты вещей берутся в терминах «историй» (артикулированных по строению таких предметов). Пространственно развернутая, предметная книга наших способностей, «сущностных сил».

Таким образом, под историей внешней, видимой кумуляции знания, расширением и усложнением или, наоборот, упрощением и обобщением пространства 3-х прилеганий (где мы будем иметь дело со всеми парадоксами и неувязками кумулятивистского, линейно прогрессистского взгляда) лежит внутренняя, невидимая история указанных связностей, история их существования и смены, их временности (Ср. § 8). Это и есть материал и предмет номер один историко-научной реконструкции.

Ясно, что сами характеристики истины (ее вечность и вневременность, тождественность, всеобщность, «ником не созданность» и пребывание независимо от того, мыслит ли ее кто или нет) должны браться и рассматриваться как часть, сторона более широкого целого и движения — развития исторического целого проблемных полей, ситуаций видения и предметных «миров», прорастания и генеративного (с воспроизводством) укоренения основных условий и задач мыслительного действия, его творческой структуры (как свободного действия), не существующей помимо, до и вне того, какие объективации в предметах действительности произведены, какие в них созданы онтологизированные (и обобществляемые) условия и схемы приложения интеллектуального труда, какое проблемное поле этими последними открыто (или же закрыто), какие состояния и правила разрешимости (соответствия) генерируются, какое «тело» расширенной чувственности выстраиваться и так далее⁹. Ими задачи, правила и критерии индуцируются (следовательно, они вовсе не одни и те же, не существуют сами по себе, не имеют в виду одно и то же незнание, чаще относясь к знанию вообще другого рода, короче, — время сообщения и передачи, кумуляции и синтеза неоднородно)¹⁰. Так же как не существует ни-

⁹ Факт создания правил разрешимости очень важен, он придает аргументу соответствия действительную силу; ср. Г. Стайн.

¹⁰ А «времени времени» нет. В этом смысле нет одного мира. Понятие о нем и объединение в него (монизм) может быть лишь динамическим, лежащим в области символического и возможного, виртуального.

каких целей и задач познания до и независимо от характера и типа опредмечивания его общественно-человеческих форм (то есть фактически — указанных «машин времени»), которыми сами эти цели и задачи исторически порождаются, «индуцируются», так не существует и «естественного», логически правильного, само тождественного в пространстве и времени устройства ума в мыслящих субъектах, к единообразному и универсальному упражнению которого можно было бы сводить происхождение наблюдаемых готовых мысленных продуктов и их логические и гносеологические свойства. «Логический», познающий человек, то есть индивид, познающий в наличных всеобщих формах, есть лишь то, чем или каким он сам себя сделал культурно- исторически. У него нет никакой другой сущности, кроме той, которая представляет собой совокупность имеющихся на данный момент кумуляции и кристаллизации общественно-человеческих сил и достижений, развернутую и укорененную «машину времени», нет ничего, кроме содержательной логики, артикулированной в космосе и культуре как реальный, «материальный» (а не просто в голове индивида или в идеальном мире, в пространстве реализуемых индивидом связей дедуктивного построения и выведения наличный) аппарат мысли (которым мы и познаем, а не головой), как историческая система производства. А она меняется с созданием новой предметности (то есть с предметным выполнением различительной способности знания или, что то же самое, с пространственно-временным ее воплощением, участвующим в то же время в бесконечном), образуя временную последовательность и процесс развития в постижении истины. Ясно, что термин «истина» здесь не означает некую истину в себе, к которой по асимптоте приближались бы наши знания, как не означает он и предупорядоченного мира — эти термины должны быть устранены (не вообще, конечно, а из анализа процессов развития и превращения).

Стрела познания

==57

§ 14. Истинностно нагруженными бывают только ситуации в указанном выше смысле, а истина в них — работа формы их (видной лишь обращением в нее), «это так». То есть истина дискретна и конкретна, она прерывает (бесконечную) цепь обоснования, ибо не отсылает к чему-либо другому, чему нечто должно было бы соответствовать в качестве «истины». Произведения (*opera operans*) или «машины времени» не о чем-нибудь другом вне себя. Истина (если есть сдвиг, обращение) говорит сама за себя, является самоисчерпывающейся реальностью, само-основывающейся и самопорождающей (бесконечным, вернее, полным, актуально данным в конечном «третьей вещи» и, следовательно, осколочным со стороны индивидуальной человеческой субъективности). Что значит, что мы уже не можем дальше спрашивать об основании? — основание это, когда нет основания, чтобы было иначе, чем как есть. См., например, в поэзии у Маллармэ, который считал, что слова предшествуют идее, а не идея — словам; поэт — производитель текста, производящего смысл, пишет, чтобы [сказать. (Ср. зависимость: нужно создать, чтобы испытать)] (§§ 122, 124)); тем самым, открытость... получают дорогу не-сказанное, «телесное», контркультура, междувидения... Или у Стивенсона роман — автономная машина, последовательность слов, организующих ситуации не согласно правдоподобию внешнему (к тому еще и меняющемуся от места к месту и во времени), а авторскому смыслу. Но тогда нет собственности на мысль. Мысль такая же тайна для автора, как и для потребителя. Мы все лишь анонимные ремесленники общих монад (имена у нас лишь в силу случайности данных социокультурных условностей, а раньше именованность была, например, мифологической или тотемистской с табу). Отсюда проблема коммуникации, проблема «другого» есть ложная проблема, индуцируемая макроскопической наглядностью нашего языка. Есть этическое, «поведенческое» последствие такой онтологии мысли: настаивать на понимании «другого» (а такая проблема, конечно, возникает в эмпирических

психологических ситуациях и взаимоотношениях) это насилие и метафизическая неграмотность, можно лишь вместе с «другим» понимать нечто третье, оставив его в покое как реальную, психологически-эмпирическую инстанцию, любое вторжение в последнюю должно быть запрещено (себе, конечно), можно полагаться лишь (и надеяться, вызывать) на ее самостоятельное отношение к третьему, то есть к понимаемому (транснатуральному) топосу смыслов, предметных значений, связей и упорядоченностей знаний и так далее, который всегда есть (установившись *de facto* как истина всей ситуации), но который всегда у нас за спиной и выражается (если мы «открыты»), никогда не получая предметного, натурального значения, — по отношению к нему всякая предметность есть «не то, не то...» (это последнее — первичный взгляд философствования до всякого теоретического аппарата и техники его проведения; (см. лекции) и так должна удерживаться вместе (двойственно, как разнонаправленные натяжения концов лука). Лишь такое «натянутое» или «распятое» пребывание на границе есть возможность творчества (в будущем) и понимание (в настоящем). Ведь нельзя творить просто потому, что хочешь творить, точно так же как нельзя испытывать, что хочешь. И это безотносительно к психологии «качеств» ума и души, к биологическим свойствам механизма — сообразительности, памяти и тому подобное.

§ 15. В том, что является материалом и предметом номер один историко-научной реконструкции, существенны полевые характеристики (то есть не содержательные, не указуемые выбором предмета и соответствующей, «разрешимой» операции). «Поле» — поле мысленного действия, функциональное по связностям и аргументативности элементов, очерчиваемое или создаваемое, выделяемое точками пересечений различий, напряжений, натяжений мысли, динамирующей и превращающей силы (напр., между полюсами-пределами), поле продуктивное (в том числе, и в

воссоздающем воображении, к которому — через специальное утруднение и отстранение — применим закон сохранения энергии). Свойства этого поля есть свойства всякой работы с предметами (в точках помещаемыми) и протоплазма жизни особых формообразований — сверхиндивидов (которые и есть субъекты истории, а для историка — конечные объекты, ни к чему другому несводимые и обязательно рассматриваемые внутри своей собственной индивидуальной истории). То есть опять же мы имеем в мире не предметы со свойствами, а «истории» (ошибка говорящих о неотделимости объекта-инструмента, что они не берут ее во времени со-стояния). В поле возникает и существует внутренняя форма, какая-то общая конфигурация поля, на которую нельзя указать выбором тех или иных предметов (или «целочисленная» рациональная гармония, независимая от субъективных миров индивидов; структуры умнее нас, они лишь выявляются теорией, но выявлены они или не выявлены теорией — они есть) — это и есть наш сверхиндивид (если, конечно, дать ему еще и «тело понимания», то есть вместе с последним). Форма и «реализуется», разыгрывая историческую действительность, — это способ рассматривать историю как упорядоченную, а не как хаотически и случайно, эмпирически изменчивостно диахронную. Можно затем говорить о развитии возникших форм. В какой-то мере форма задана, но она не дана как готовая и возникает лишь в исполнении и воспроизводстве «потребителями», питаясь их живыми силами и свойствами поля действия в вышеуказанном смысле. Она вызывает, запрашивает энергию, пароксимально амплифицирует психические и прочие интензивности, деэнтропизируя, тем самым, окружающую среду. (Но имеем, конечно, дело и с вырожденными мыслительными процессами). С одной стороны, психики находятся в направляющих состояниях пространства-времени, «состояниях-пилотах». С другой стороны, инерция (относительная) этих трансцендентальных операторов, через которые бытие одновременно и показывает

и скрывает себя, являясь и открытостью и закрытостью. Инерционные силы. На будущее можно влиять лишь в пространстве и времени, но не на будущее вообще (его нет, есть разные конусы). Следовательно, не чистым хотением, а за нашей спиной создаваемым конусом, действием самого пространства-времени. Влияет не наш выбор (когда есть свобода, нет выбора). В силу завершенности и законченности всякого исторического индивида (выделяющего себя индивидуально как раз неявным и неконтролируемым процессом, являющегося его внутренним продуктом) мы не можем (см. § 5а) произвольным выбором начальных условий влиять на будущее (и предсказывать его). С другой стороны, нечто мы в принципе не можем больше испытать, поскольку не можем сделать исторический индивид не бывшим (а в нем как раз и испыталось необратимое). Но не потому, что, как обычно считают, прошлое не восстановимо, а потому, что оно как раз есть (как прошлое, никогда не бывшее настоящим), но в превращенном виде (порождая проблему чего-то в принципе ненаблюдаемого, но действующего), первоначальный вид которого невосстановим знанием, силами нашего мышления (в виде другого «листа истории», по выражению Уилера)¹¹. А то, что мы можем сказать о действиях (приведя в движение аппарат понятий превращенной формы и тому подобное) не есть теория в классическом смысле слова, не знание о глубинах, стоящих за действием, а высвобождении условий нового сознательного опыта, которое есть «нечто, что должно само сделаться» (что и получило в философии возвышенное название «бытия») вместо умозрительной лишь непрерывности. «Бытия», высвободившегося из тождества с мышлением (ср. § 23а о необходимости Богу отличить себя от себя – не редуцируемым актом жизни, конечнотелесным (особым

¹¹ Постулат: «место происхождения пусто». Поэтому без начала и конца, сочленяющиеся механизмы, машины (с передетерминированностью, неопределенностью и тому подобное), а не «первородная основа», «origine».

воплощением). Строго, нет «понимания» другого, есть понимание общей, неизменной, нас составляющей материи сознательной жизни и ее возможностей. А причина понимания и причина непонимания — одна. Ибо мы понимаем мир в силу физики, и не понимаем другой мир в силу этой же физики. Различия по «телу» проходят и в этом все дело. Степень физического, реального вхождения в мир есть степень нашего понимания его. То есть мир очерчивается и расчерчивается этим, есть наш мир и исторически меняется, констатация чего превращает понятие «ума» в историческое понятие, в понятие, имеющее плотность, телесную солидность (независимо от каких-либо различии тела и души, разума и чувства).

§ 16. Гармонические структуры проблемных ситуаций или полей, ассимилировавших в себе данное экспериментально-измерительное видение и его «органы», «телесные протяжения», — вот, с чем мы реально сталкиваемся в истории и работе познания. Граничные условия и точки в полях, из-за которых эти структуры и устанавливаются как дискретные, пространственно-временные «неизбежности», как цельные, многократно расчлененные движения, осуществляющиеся как одно, хотя и многое (и не зависящие от объемлющего бесконечного многообразия — как бы сингулярности, меняющие из точки последнее). То есть есть 1) строение «машины времени» и 2) ее поле сил, по линиям которого мы движемся и которое разворачивает наш ум в ту или другую сторону. Так сказать, собственные движения, не зависящие ни от субъекта, ни от результата истории и связанной с ним общей координатной системы отчета (но они, поскольку их система отсчета привязана как раз не к координатам, а к индивиду, видны лишь в интервале «бытия-сознания», а не в точках объективированной перспективы видения мира; интервал смазан в точке; а раз сплюснут в точку, то в наблюдении все разбегается в несоизмеримость и исторический релятивизм; если же растянуть точку по ее глубине (в интервал),

то разбежавшееся вновь сойдется (в один объект разных опытов); это в языке историка, а в истории вспыхнет новая сингулярность — развитие («малость» таких абсолютов). Этими граничными условиями и точками, пределами (Одно, вросшее во Многое, и Многое, скованное в Одно) очерченная монада должна браться на фоне (в том числе, и ненаблюдаемом) предметных последствий изменений, производимых человеческой деятельностью, неминуемо разлаживающих ситуации («возмущения» —> «исходное не равновесие», «неустойчивое противостояние»), целое в которых и восстанавливается снова гармонией, ведущей себя как форма (целое почти в аристотелевском смысле).

§ 17. В определенном плане эти формы могут быть эксплицированы как структуры сознания (предметные), то есть как особые вырезки в содержаниях, особое расположение последних. Физические реализации в мире активных предметных структур сознания, то есть в мире апперцепции субъекта, ее активной организации. Мы уже там, откуда к нам приходят, поступают определения наших состояний и наблюдаемые нами «факты», и мы там, во-первых, что-то нарушили и, во-вторых, как-то задали себя («другой мир» — это мир, среди объектов которого нет или неизвестен нам один объект — субъект с его движениями и перспективой и тем самым не выполняется закон: мы там, откуда... и так далее). Но дело в том, что реализации сознания необратимы и осознание затрачивает деятельность «квантами». Не разрушив структуру сознания, мы не можем вернуться (ср. мой «Кант»). Мы не можем произвольно, усилием чистой мысли, без телесного события деструктуриации вспомнить прошлое — так же как не можем подумать любое из будущего. Мы телом отгорожены и от прошлого и от будущего. И лишь строя новое тело, мы получаем свободу изменения (и снимаем себя с крючка прошлого, ибо прошлое вовсе не просто факты, а записи фактов вместе с не стираемым пониманием, а поэтому речь может

==63

Стрела познания

идти лишь о физически сильном расшатывании и об образовании дыры для эмерджентии нового сознательного опыта, но не о рассудочном, произвольном прохождении взад и вперед). Но только живое питает живое. Организмы живут друг другом, смертью или уходом один другого. Рождаемся, убив. Смерть форм высвобождает элементы. Но убиение есть зависимость, вернее, его необходимость есть зависимость. Исчезновение — условие появления. Иначе место занято. Вымершие формы (виды).

§ 18. Итак, мы телом, физически (то есть независимо от доброй воли и чистого усилия мысли) отгорожены от возможной информации и понимания. И в этом смысле последние в другом месте и в другом времени, с которыми у нас разрушены физические связи (или «сигнальные» взаимодействия), без структуриации и синтеза времени мы не можем понимать. И историк знания или аналитик сознания должен иметь понятийную возможность именно так описывать процесс, иначе — мистика. Не случайно в унаследованной манере писания истории, где сам факт истории мысли парадоксален, интеллектуально непонятен и скандален (ибо если мысль — чистая воля понимания, оперирующая универсальной логикой и всеобще обозримыми содержательными аргументами, то почему же нельзя было тут же и обо всем договориться?), пришиваются два подправляющих бантика: зияющая пустота сознания, заглатывающая все новые и новые факты и укладывающая их в пирамиду по оси времени, или же «искажающие» (социальные и прочие) факторы. А уже простым переворачиванием этого получается культурно-исторический релятивизм (замкнутые цельные типы мышления) и антропологизм. Но реакция на глупость не всегда ум. Конкретно же в европейской культуре вырисовался просто нигилизм. Но эта «нечистая мысль» и есть научная мысль; никаких проблем внешних и внутренних, никакой социальной, культурной и так далее обусловленности.

§ 19. Историческая форма и историческое реальное содержание: сказанное в исторической форме есть часть содержательно возможного («содержание» в метаязыке). Должны различать историческую форму знания и ее реальное историческое содержание. Ибо в общий поток истории она включается лишь своим реальным содержанием, которое реструктурируется в моей пульсационной сфере, выражаясь новыми формами-индивидами. Связи в пульсациях. Утверждение, что «действительно, на деле было X», есть форма жизни X, возможная лишь через метасферу.

Различие реального исторического содержания и исторической формы (терминология эта неадекватна, хотя имеется в виду независимое существование формообразования — независимое от его освоения его же участниками) есть следствие того, что познания есть, прежде всего, работа «машины смысла» и множественной сверхиндивидности состояния. Преломления в зеркалах индивидов, которые устроены антропологически, психологически, социокультурно. Они самым разным образом могут представлять смысл и содержание, генезис и значение произведенной мысли. А произведена она по законам формы-индивида и его гармонии (см. § 14). Например, в философии «отчуждение» не потому, что наблюдали капиталистическое отчуждение, а потому, что эта мысль производилась мысленными неизбежностями в устройстве формы-монады. Скорее, увидели отчуждение потому, что эта мысль была (это же явление отчуждения может быть выражено и описано на совсем другом языке, не содержащем этих понятий). Следовательно, символы могут давать или не давать видеть (см. § 57 о том, что для того, чтобы воспринять, нужно было знать, в связи с диаграммой Минковского). Для таких внутренних генераций и нужно понятие исторического познавательного (трансверсального) пространства-времени, то есть для актуалгенеза. Виртуальная возможность (мысль) воспринимаемого, или ее отсутствие и поэтому не восприятие. И то и другое — структура сознания. Видеть то, чего

нет¹², или не видеть то, что есть, — одно и то же (по механизму); увидел то, чего никогда не видел (в смысле: не воспринимал физически) = увидеть то, для чего нет глаз, вообще натурального органа (ср. с определением состояния сознания в нашей «Метатеории сознания» — «не...» есть тоже состояние сознания). Ср. проблему «сумасшествия» (§ 12) и стр. 254 о предаваемой человеческой форме, также стр. 21, 237.

§ 20. Трансцендентальность или бытийность versus социальности, где содержание мысли полностью дается отношением (экономическим и тому подобное), то есть содержит представления, которые имеют источники, независимые от них самих, или которые имеют зависимое происхождение и являются состояниями, сами себя не объясняющими (отсюда пересмотр всей классической позиции сознания, начатый, очевидно, Марксом; у меня состояния будут единичностями, ни к чему далее не приводимыми и ничему ступенькой не служащими («все здесь»), различимыми мировыми субстанциональными точками; как ответ на вопрос: «Почему вообще есть многое, а не одно?»). В бытийном топос теории, лишь в разрезе которого обнаруживаются закономерности действительности versus спонтанно и принудительно надстраивающиеся упорядочения опыта, заставляющие человека зависимо (но с идеологической иллюзией автономности) функционировать. Странное тогда определение: свобода — способность преобразовывать и приводить к такому виду, чтобы продолжать прежний топос, только последний есть возможность, поэтому — изменения (аксиома: нельзя делать одно и то же), новое всегда ново. Преобразование —> развертка свернутого, упакованного (пространство развертки). В том, что задается отношением, имеет место — в силу эффекта надстройки — переворачивание последовательности и сходство с рациональным рассуждением, дедукцией (то

12 «Видеть, чего нет» — в смысле порождающего, генерирующего состояния, а не отражения.

есть с выводением из общих принципов, а не преданных интересов и желаний, на деле лишь рационализируемых) — идеологическая иллюзия. Как же теперь быть с пониманием и рациональностью? Ведь в понимании естественных явлений наукой этого не наблюдается. То есть сталкиваемся с преданными упорядочиваниями опыта, отличными от трансцендентального априори, но говорящими на подобном ему языке, надстраивающимися и систематизирующимися. Но, кстати, протофизика выявляет такие упорядочения и в понимании естественных явлений (то есть *arges coup* иначе смотрим и на физику).

То же самое в морали и личностном действии. Эффекты в нас действия машин. Должен быть независимый топос, вынесенный за пределы социального дела, исторического движения или локально прилегающих норм. Содержание «души» (ума) не должно быть уложено в судьбы мирского дела, должна быть другая конструктивная машина (или основа, сращение), конститутивная для общего изменения личности и воспроизводящая (на стороне личности) эффект морали и личностной позиции в и над потоком меняющегося и никем не контролируемого, или — в познании — эффект понимания и свободного отличия от самого себя как члена натурального инертного ряда [что мы и называем в нашем языке «личностным проявлением»: мы личности тогда, когда (вынуто из себя) являемся стороной монады, ее сущность индивидуирует нас и находится с нами в сложном структурном единстве, а это и есть дать подействовать через себя другим, большим силам (то есть в этом суть индивидуации: ее нет без усиления и амплифицирующих приставок, насадок)]. Нужно соотноситься с чем-то другим. (Отказ от самоидентификации. Свободная идентификация, идентификация с «другим» (Леви-Стросс. Структурная антропология, П, 48). Очевидно, есть иерархия «производящих бесконечность машин». Одни более бесконечно производящие, чем другие). Ср. Декарт о возможности больших и меньших бесконечностей.

==67

Стрела познания

Разница происходящего в структурах и через структуры и происходящего не в структурах и не через них:

Позитивные психические явления или же явления наблюдения, узнавания, восприятия, констатации и тому подобное и в том и другом случае одни. Например, покаяние, стыд, вина, выводы, к которым приводимся, показания, которые должны констатировать, мысли «ага, это так» и тому подобное — все, что как-то разрешает предшествующее движение. Тем более, что внешняя аналитическая деноминация у них одна и та же. Но во втором случае они характеризуются психологической и бытийной нестойкостью (с очень малой вероятностью последующего, условно говоря, конечного состояния, например, гештальта, который, будучи сам тверд, открывает — при постоянном мерцании напряженного усилия — поле согласования и «раз навсегда» понимания массы эмпирических денотатов), характеризуется бесконечным чередованием (в дурной бесконечности), недолговечностью каждого состояния, спонтанной обратимостью предшествующего или разрешаемого состояния¹³ (например, того, из-за которого вина и раскаяние или которое послужило для «ага!» и так далее) и возрождением ситуации «новой готовности» к этому предшествующему (= не извлечению опыта)¹⁴ — когда иссякнет психическая (эмоциональная или другая) интенсивность (в случае, если определенного рода организованность зависит только от нее как природного явления)¹⁵. Дело в том, что человек в нем, в этом состоянии, самом по себе ничего не конституирует и что естественная,

13 Мир возвращается в прежнее состояние былой неупорядоченности. Ср. платоновский мир Эра.

14 При всей убедительности для здравого смысла теории «проби ошибок» она явно не работает, недостаточна.

15 А извлечение опыта означало бы и предполагало бы наличие особого пространства и времени проигрывания, «зияющего подвеса», где и возможно «понятое раз и навсегда» (то есть действительное изменение сознания); религиозные, напр., авторы говорят, как мне кажется, в таких случаях о верности. Здесь как раз и нужна транснатуральная динамизация.

природная (психическая и тому подобная) интенсивность как таковая не сохраняется, падает и колеблется, флуктуирует, и на ней нельзя основать никакие коренные изменения сознания (личности и тому подобное). Это ситуация психологической и бытийной нестойкости, без-основности (основность предполагала бы «несотворенное», «несделанное»). Иное дело в структурах и через них. В том числе, и, например, в религиозной (христианской, в частности). Иначе не на чем зиждиться на напряженному внутреннему акту, который всегда необходим, то есть ему нужна машина усилия, ноогенная машина, ибо естественно-позитивный фундамент (в том числе, психически позитивный, интуитивный, мнемонический и тому подобный) — «песка сыпучей». Ср. так называемые «гештальт-переключения». Но структуры не позитивны (хотя основы или основность лишь в них и через них). То есть в языке исследователя они не могут формулироваться в терминах явлений и корреляций явлений, охватываемых законами «один и один только раз» (сами законы — ближайший к ним уровень). Соответственно, они могут быть совершенно скрытой и во вне неотчуждаемой реальностью настолько, что для Куна, например, «видение» является неструктурным фактом, «скрытым качеством», с которым абстрактной логике, естественно, нечего делать.

§ 21. Проекция фактических отношений на психику индивида (ибо состояния последней сами себя не объясняют, и тогда нужно в обход — через предметные отложения). § 22. Разобъективирующая рефлексия. Или объективирующее отстранение (о физичности этого дела см. §§ 36, 37).

§ 23. Естественные объекты. Развитие естественных объектов, а не эволюция и изменение путем усвоения и понимания идеальных норм, правил, образцов. Чувственность («чистая»), не находящаяся в (дискретных) телах, а развернутая в трансиндивидном пространстве и времени и

Стрела познания

==69

коррелятивная «идеальным объектам» и связям общих истин (но последние нужно будет тогда иначе расчленять).

Генерация разрешимых проблем (вернее, смыслопорождение). Рост незнания, к которому приложимы правила знания. И тень непонимания (которое есть принципиально иное, чем незнание), отбрасываемая генерацией. (Отсюда невидимый другой онтологический мир рядом или в той же «точке» бытия, если слова «рядом», «место» имеют еще хоть какой-то наглядный смысл, ибо здесь нет никакого внешнего отношения).

Высвобождение из связей, их развязывание: нужно высвободить сознание, чтобы описать научно объекты и события, в которых оно было имплицитно. Одновременно получаем теоретические знания о реальных событиях и последовательностях (о «естественно живущих объектах», о «что есть на самом деле») и каузально объясняем (выводим) сознание о них (как вторичную или обратную проработку). Но и реальный процесс в человеческой реальности протекает так же — только продукты здесь реальные явления, а не знания (о знании), versus чисто рассудочные менталистские представления знания (знание = событие, оно имеет свое пространство и время). Только нужно сначала задать их феноменологически, особенно в случае интеллектуальной истории.

Ср. с использованием генеративных свойств жизни в познании. История как (само) развертывающаяся «теория». (Здесь и лежит сращенность человека с миром, отличная от классически полагаемой, онтологическая укорененность субъекта с ее предзнанием структуры бытия, с ее «естественным светом разума»; но вариативность этого космологического включения, его экспериментальная изменчивость в зависимости от типов взаимодействий: движения из (ноо)сферы в точку, из точки — в (ноо)сферу; сужение наблюдательно-ментального и расширение естественного). Пространственно-временные «между» (то есть как «между» индивидами, так и временное «между»). Связующее «между», разделяющее «между». Свернувшееся в структуру

сознания и в свойства артефакта пространство-время. Резюме всего хода можно сформулировать так: не существует никакого отражения (оно лишь смешанный язык натурального представления), существуют лишь чудовищно «тяжелые», «плотные», «упакованные» атомы ума (атомы действия, конечно, — поэтому их лучше называть квазичастицами ума), артефактические атомы-генераторы, являющиеся приставками к нам или насадками на наш ум и пребывающие в ткани «между». Через них все проступает, конфигурируется, структурируется и в виде согласованной мысли воспроизводится и длится, генерируется («что» = «как»), инскрибируется и реинскрибируется. Нужно исследовать формирование иррадиируемых ими сил и полей. Дискретизация жизненного (биоинформативного) пространства артефактами. [Абстрактные прообразы, работающие на порождение, генерацию (ср. Платон). Гипотетические чувствующие и мыслящие «существа» или «мыслеорганизмы». В этом смысле эмпирический субъект может быть стороной или питательной плотью разных мыслеорганизмов, то есть различные части его сознания и психики могут жить в разных пространстве временах, что предполагает дискретизацию и субъекта, а не только мира]. Они ненаблюдаемы. (На них мы проецируем «наблюдаемое» — индивидов). Их квазифизическая, предметная сторона («твердое» — звук, свет, вещественное с массой и тому подобное; см. § 144) находится в сложном структурном единстве с живым существом, с его субъективностью, психическими силами (память, трансляция и тому подобное здесь совсем иные, чем в жалкой технике, которой мы пользуемся). Внутренний (для внекультурного наблюдения) символический аппарат. Вся существующая теория знания и обучения, путей извлечения, хранения, передачи опыта и развития живых существ посредством этого противоречит элементарным математическим соображениям. Так же как наблюдаемому способу жизни культурных объектов (ритуалов, предметов искусства и тому подобных). Но последнее нужно еще увидеть в этом

свете, а в математике можно рассуждать, показав, например, что если бы учились усвоением и переносом в себя и, с другой стороны, физиологическим хранением и длением следов, то никакого реального числа ганглионов мозга не хватило бы для совершения такого количества отдельных и линейно проходимых актов мысли (не говоря уже о том, что эту таинственную психологическую операцию никак нельзя было бы фиксировать ни в каком объективном объяснении). Далее, «качества», «действенности», наблюдаемые в «точках пересечения» соответствий и неразложимые в терминах объектных содержаний, остаются психологической и духовной мистерией (оставляющей лишь религиозно-метафизический выход из той земной случайности, которую это вносит в картину физических законов). Тяготеет к двум мирам — к миру идеальностей и миру физиологии, индивидуально-психических механизмов, между которыми пропасть. Но неразложимые в терминах объектных содержаний, «качества» разложимы в терминах матриц (матричных состояний и матричных структур) человеческого эксперимента и предметно-деятельного бытия «монадо-существ», в сложном структурном единстве и сращении (симбиозе) с которыми находятся реальные живые существа. Нужен язык. описания таких «существ»¹⁶. Жизнеподобность этого предметного мира (требующая критической аналитики сознательных форм).

§ 23а. В этом языке описания термины «точка пересечения», «между», «вне», «многообразие», «преобразование»¹⁷ будут топологическими терминами (то есть

¹⁶ Другое дело, что при выработке этого языка окажется, что для «действенности» будет возможно лишь пространство состояний; но мы уже фактически взяли «квант» этого действия или действительности, так что ничего страшного.

¹⁷ За «точкой пересечения» — группа, без которой нет объекта-референта (одного). «Преобразование» и «связь преобразованиями» (или групповая связь) в смысле непрерывного надэмпирического сознания (и, следовательно, обеспечения «субъекта»: приводить к такому виду, чтобы был топос...).

топологическая непрерывность сознания там, где «точками пересечений» как раз имеем разрывы в согласовании мысли, то есть имеем различия «качеств»; обратим внимание на «близкое» и «далекое» в «многообразии», на «связующее между» и на необратимо «разделяющее между»). Назовем качественное различие (неуловимое, «субъективное», неоднозначное, размазанное при внешней номинативной одинаковости) топосом (мысли). Теперь мы можем первое разворачивать в терминах второго. Сразу же в «зазоре» различия имеем растяжку на целый громадный мир, имеем более серьезные и заполняющие его (в смысле возможности рационального понимания этого) вещи: оно будет эмпирическим (хотя эмпирически же непонятным)¹⁸ макропроявлением: 1) двушаговости экспериментального бытия (на уровне творения нет закона: «Бог» не может отличить знание от того, что он есть сам, от своего спонтанного самопроявления, и все «необходимости», «закон», «регулярности» лишь на последующем шаге, на шаге воспроизведения и сохранения, — Ungrund, из которого и «Бог» или «боги»), 2) двуединства (порядок порядков, ряд рядов многообразии) как первичного факта человеческого интеллекта, 3) независимости «настоящего» от всего остального мира, что = принципу индивидуации (мировые субстанциональные точки — вот, чем или где будут наши «качества»), 4) зависимости только от «сделанного» (куда и как

Номинация наблюдается и понятна, различие дает себя знать и непонятно (и это нечто непонятное мы пока называем «топосом»). Называем «топосом», имея в виду нечто совершенно формальное, ибо «непонятное различие» (в частности, полисемантизм) можно с таким же успехом рассматривать как независимость некоторого состояния от натурального содержания значения в нашем языке. Ибо если оно может выражаться и так и эдак, то значит оно нечто «само по себе» — независимо от содержания. (Кстати, «непонятное» в предшествующих фразах означает... требующее понимания — как чего-то отличного от знания). См. § 48а. Лишь превратив различие в необратимое изменение, мы имеем нечто информативное, намекающее на закон (до сих пор лишь дифференциал был информативным). В случае, когда и неразличимо (предметно, номинативно), и неустранимо.

пошли? — раз так, то...) на месте, от «собственных» скрытых движений и установившихся «масс» (например, они должны быть большими, чем то, что оставлено без внимания), что = принципу относительности (и требует, следовательно, выявлять дискретный и лишь формально характеризуемый процесс в зазоре двух шагов, полагать наглядно неуловимое, но движущееся и напряженное подвешивание «дифференции» — *differanse*; это радикальные последствия того факта, что лишь на втором шагу можем ухватить, ибо это процесс (в зазоре), которому я не могу наглядно приписать никакого агента, носителя и так далее; ср. Декарт, у которого когитальные акты есть чисто формальная материя мысли, к которым не пришпилен никакой эмпирический носитель или субстрат), 5) понимания «сделанным» (а не понимания сделанного) — феноменологической пол ноты, эквивалентности «настоящего» (абсолютного, но неполного в смысле знания) всему далекому (что позволяет обобщенно представлять относительность по всем различным «листам истории» и прервать дурную бесконечность рефлексии). Соответственно, этими принципами можем описать полно и объективно то, что не поддавалось прежде. Прежде всего, важные для онтологии исторического последствия:

а) Первичный факт «открытого мира» (а именно — двушагово устанавливающегося мира, в котором «истина», «закон» и тому подобное являются терминами языка последствий, а не абсолютного прообраза его устройства, регулятивного и для «Бога»), который мог излагаться и обсуждаться (например, у Декарта) лишь в терминах соотношения «полноты божественной воли» и «закона», «свободы установления» и «истины», то есть проясняться религиозно-метафизически, может теперь обсуждаться на чем-то позитивно наблюдаемом, расчленяться в терминах анализа реального явления, а именно, существования и действия особого типа природных взаимодействий — экспериментальных взаимодействий, внутренней стороной

которых является самоформирование и эволюция путем обучения некоторых чувствующих и сознающих существ, неотделимо связанных с объектами этих экспериментов и повторно воспроизводящих, «проигрывающих» мир, природу в измерении деятельности (идея Бога будет тогда, скорее, последствием этого позитивного факта или его симптомальным самоназванием). Это дает более содержательное определение и расчленение так называемого «исторического элемента» (как внутреннего и отличного от универсальных физических законов), не отбрасывающие его в никак научно не артикулируемую, нерасчлененную область «локальных актуализаций», «случайного», «произвольно единичного», чисто диахронно изменчивого, текущего и так далее.

б) В соответствующей исторической онтологии мы не будем иметь объектов и их предикатов в качестве чего-то лежащего где-то в готовом виде и ожидающего познания, а будем иметь растяжку их в «истории», в «мировые точки факты», где эмпирические значения-предикаты (и соответствующие задачи соответствия, разрешимости и тому подобное) потом, после движения, ибо сначала должен установиться двинувшийся, качнувшийся в зазоре «производство-воспроизводство» мир. Отсюда необходимость анализа в терминах «процессов» и «событий», ухватывающих эти движения в зазоре и скрытые предпосылки воспроизводства и дления, пребывания.

в) Иным будет понятие истины (поскольку нет преданных источников мысли — что-то делается или не делается источником мысли): временность, бытийная имманентность истины как вечного настоящего. Нечто есть или становится истиной, а не устанавливается в соответствии с истиной, то есть потому, что так сделалось, а не сделали или установили в соответствии с истиной. Если нечто высказывается истинным лишь в интеграле двух шагов (а не есть с самого начала), то мы, тем самым, начинаем снимать абстракцию логической бесконечности (и готового, завершеного Мира сущностей, смыслов, законов)

и устранять натуральное представление вещей из суждений об их сознательных выражениях или «отражениях». И тогда проблема истины есть проблема воссоздания (в объективном смысле, а не в смысле представления) историческим индивидом своих оснований в потоке воспроизводства и повторений (истина как она установилась), а не проблема соответствия некоторому внеположному и неподвижному X (лишь свободное явление есть истина, а оно должно непрестанно делаться снова и снова). Тогда понятна и проблема эволюционного инооснования, полилинейности эволюции и так далее.

г) Из самого же принципа относительности¹⁹ вытекает странное (и чудовищно для истории важное) ограничение его: для «движений» и «процессов» (продуктом которых являются связности и динамические силы связей и лишь затем предикации)²⁰ приходится постулировать абсолютную элементность (и абсолютную, хотя и неопределенную по числу, размерность, «размер»). То есть возвращаясь к идеям § 23, получаем упомянутые неклассические квазичастицы ума (то есть «атомы» действия), но в следующих выражениях последствий. Продолжение реальных явлений в мире (измерении) деятельности (в деятельности с «вещами», в монтажной их «сети», в бесконечном эффекте испытующего подвешивания ими мира, в динамике инерциальных эквивалентов того, что было спонтанными природными проявлениями, в одновременном формировании

19 И из пост-предикативности эмпирических значений (которые, следовательно, разделятся на трансцендентные макроязыка и абстрактные феноменологически реального; ср. феноменологическую теорему и двойственность языка историка), то есть из индивидуации мира в субстанциональных точках (но что весь мир в каждой точке? — это следовало бы из постулата «вся мысль в настоящем»; ср. Лейбниц).

20 Эти связности и силы должны браться как мгновенно возникающие или устанавливающиеся, то есть без подразделений в реальном времени и пространстве — так же как, например, в эксперименте ЭПР электроны, разлетевшиеся в разные Галактики, будут коррелированы, то есть точки пространства должны рассматриваться как «слипшиеся» в другом, где метрические понятия неуместны.

или упаковке и схематизмов эстезиса, продуктивного воображения, и здесь, «на месте», мгновенно определяемых законов всего мира и так далее) переносит — этой дискретностью самооснования (выделенность, но не делимость, мгновенность, но не текучесть) — абсолютные, «внутренние» (силовые) определения на эти исторические индивиды (форма + тело) как какие-то особые аналоги «вещей в себе» (чистые формы форм, порядки порядков, силы сил) с соответствующими чертами: «само через себя существующее», «само через себя понятное», «не имеющее предикатов, а формирующее их», «предпосылка или основание, не имеющие предпосылок или оснований», «само определяющее себя к действию» и так далее, что, конечно, требует весьма осторожного обращения.

§ 24. Расчленения для истории знания: прошлое — расслоенное пространство-время. Конусы прошлого и будущего. Абсолютно безразличное прошлое и абсолютно безразличное будущее. Участки, непроходимые одним непрерывным движением. Пульсации. В конусе будущее не безразлично. Оно из нашего состояния вырастает, им индуцируется в отличие от неорганического будущего, будущего непрерывного действия и «зависимого происхождения». И мы, безусловно, пытаемся воздействовать на прошлое. Высвобождение прошлого. Прошлое, которого никогда не было или которое никогда не было настоящим (как в топологии сложного цилиндра линий, которые никогда не выходили на так называемую поверхность Коши), и будущее, которое уже есть. То есть движение из будущего и рождение им прошлого. Высвобождение возможностей, которые в прошлом были закрыты. Сжатие в точку и расширение. Поле и универсум объектов истории (сферическое или объемное их представление): их пространство=время; независимые содержания и их отношения в полях (то есть имеющие структуру состояний полей, а не теорий); разрешимость; понимание; экспериментально-предметное тело («тело понимания»); свертка и миграция по этажам; расслоение и надстройка время-

Стрела познания

==77

пространств; генеративная сила систем; квазипространственная развертка системности. Мы уже действуем нашим экспериментальным (и культурным) телом. Анализ этой реальной (и неизменной) деятельности, а не происходящего в голове (и не просто в логике). Не законы эволюции, а механизмы деятельности, ее саморазвития в полях. Для этого развертка или помещение трех плоскостей (реальность — аппарат отражения (совокупный) — сознание) в сфере полей. Это будет абстрактно-формальный предмет исторической мысли, дающий универсум.

§ 25. Необходимое расщепление (я имею в виду расщепление «интерпретированности», которая обычно берется en block, — первичной является символическая, а второй — макро; обычно упираются только в последнюю и поэтому «интеллектуализируют» восприятие и тому подобное): с одной стороны, артефакт, с другой — он же материя, физика (к Леви-Строссу о том, что для того, чтобы переживаться, то есть быть событием, нечто должно быть понятым — тем или иным образом). Нужна физика, эстетика в кантовском смысле. Но она нужна и для того, чтобы происходили события. [Ср. у Бергсона «непосредственные данные сознания, которые, будучи частью природы, не могут позволить ее превзойти». Но в действительности мы усиливаемся — сверху Богом (математика, идеальности), снизу — предметно-деятельностной машиной, порождающей природой как «эстетикой», усиливаемся эстетизмом. Познавательная, уплотненная реальность, восполнение ее, доведение, завершение избытком транс... Завершение бытийной (= ненатуральной) напряженности. Преодоление физики, ее просветление, инскрипции в ней (и затем их своя жизнь) — человеческая физика]. Леви-Стросс: «...социальная дифференциация, которая лишь тогда может быть пережита, когда она понята» («Тотелизм», стр. 142). Или, например, разнообразие и умножение в связи с демографическим ростом: «...но для того, чтобы это разнообразие и умножение могли повлечь за собой технические

и социальные трансформации, необходимо, чтобы они стали для человека объектом и средством мышления». То есть то, для чего найдены определенные вещи, которые суть и предметы и способы их образования, и вещи и формы понимания (и анализа) актуализируемого ими мира возможностей. То, что имеет или не имеет событийного значения, в зависимости от отведенного ему места в пространстве символа. И наоборот — возможности символа (закрывающие и открывающие).

§ 26. То, что они (Фейерабенд и др.) называют «нагруженностью теорией», есть чаще всего предметные образования сознания в моем смысле (это в метаязыке они оказываются «теорией», а не в языке-объекте). Такое представление — продукт примитивного представления о данности в сознании. И о субъекте. На деле, нет «нейтральных» ощущений, данностей, есть лишь то или иное (конечное) пространство и время (то есть пучок согласования через топос или в топосе). И если нет «нейтрального» (самого по себе), то нет и одного, а многое.

Кстати, из теоретического framework, не вытекает, во-первых, никаких знаний (то есть из «поля» в моем смысле), а лишь то, что необходимость и всеобщность узнанного обязаны этому framework, во-вторых, это не теория, а «намерение» (тенденция), растянутое во времени (которое не есть ни психологическое время субъекта, ни время дедукции и построения теории как текста индивидом) и трансверсально бесконечное (в последовательности это уже историческое время этапов, ритмов и так далее, эмпирически наблюдаемое, а не время-эстетизм символа, но пребывающий в первом объект рожден в самом времени-эстетизме). Поэтому и субъект, не совпадающий ни с какой эмпирической личностью. Функция поля.

§ 27. Понятие мысленных фигур (фигураций), а не понятий. У сознания есть предметно-систематическая действительность (или имплицированность) — перцептуальные

системы, система тела-либидо, система языкосознания вообще, система мифа, система психологического «я», культурно-семиотическая система, приборно-измерительная система и тому подобное. И нет никакого другого сознания, то есть нет никакого хитрого «внутреннего механизма», никакого сидящего в тайниках индивида существа, ускользающего от любого контроля. И в то же время оно, сознание, не есть это, эти системы (есть не вещь), поэтому единственный путь — путь метафоры, метафиксаций теории, но не для того, чтобы решать позитивные психологические задачи (например, «понимание», «коммуникация другому или с другим»), а чтобы создать условия интуитивного и самопроизвольного рождения и переживания опыта или состояния. Саморазвивающиеся объекты (по смыслу слова: когда мы говорим «саморазвивающийся объект», мы говорим — что-то знаем мы, а что-то знает он, и это в принципе; не можем до конца описывать без понятий отрицательной символической метафизики).

§ 28. Мысль (идеал) — реальность. Наложение законов социомеханики на это отношение, превращающих его. Но basta тогда, пора быть человеком реального, конкретного, «включенного» разума, то есть иначе строить мысль и мысленный идеал, строить с учетом этой возможности. Но об этом знали и древние, подозревая социомеханику в «накоплении невидимых следствий» и пытаясь мифологически нейтрализовать непрерывность действия. Техника редуکتивно-предметного анализа и (раз)объективаций — непсихологического рефлэктирования на реальных феноменах, где теория получается путем обратной проработки освобождений сознания, параллельных самому появлению предметов теории как покинутых сознанием, расцепившихся с ним и, следовательно, поддающихся квазипространственной (обратной) развертке (с конечной ее растяжимостью) = появление новых объектов. Обоснование — самообоснование.

§ 29. Орган видит (то есть рождает, организует ситуации, из которых извлекаемы уже затем правильные структуры, что и есть видеть, иначе мы не видим), слово говорит (то есть рождает бесконечное число правильных и осмысленных фраз). Это безобъектное сознание, то есть неограниченное, бесконечное — и как раз неинтенциональное (ср. проблему созерцания у Шеллинга). И бессубъектное — «оно» понимает. (Конструктивный принцип понимания, правильного видения). Бесконечное тело в сфере сознания (что позволяет нам в проблеме «человек не понимает как раз то, что делает с пониманием» отвлечься от понимания чем-то самого себя). Ср. «эстетическая бесконечность» Валери.

Слова «смотреть другими глазами» имеют для нас буквальный (то есть не просто ментальный) смысл, как и выражение «мыслить другими органами мышления» (ср. у Вернадского). Чувственность, «тела», которые нас организуют и воссоздают в качестве тех или иных, видящих то или это, являются продуктивными носителями нас в этом качестве. Versus примитивное различие между телом и душой, между разумом и чувствами, между эмпирией и теоретической дискурсией (все будет распределяться иначе, не совпадая).

Символ - индивид (так же как логический акт, число — ср. рассуждение у Риккерта — с той разницей, что последние воспроизводятся неограниченное число раз, сохраняя единичность и себестождественность, но это лишь для Бога; без допущения актуальной бесконечности они, в нашем рассуждении, не являются в строгом смысле индивидами — такими, как эстетическое пространство, например).

Вещь (видимая, слышимая, осязаемая) —> безобъектное (и бессубъектное) сознание. Бесконечность и вечность. Символы это вещи (или вещественности) безобъектного (то есть бесконечного) сознания.

§ 30. Фиксированный «настоящий момент», «теперь». На деле, как показывает Бом на материале исследований

психологов, воспринимаемое не является отражением мгновенных ощущений, а результатом сложного процесса, дающего непрерывно меняющуюся конструкцию, которая представляет собой наше видение. Не одни лишь «сигналы чувств» в данный момент времени, а структурные черты восприятия (структура versus конкретность элементов), основанные на последовательности абстракций, полученных из энного количества прежних восприятия и проинтегрированных. [Время здесь конструктивный принцип (такая последовательность, вернее, их не разлагаемое деление — continuity — и дает возможность увидеть порядок в мире)].

И взаимодействующих в данный момент (разложимо ли? и как или каким целостным свойством представлено взаимодействие, а оно именно представлено, ибо неразложимо?). Это значит, что видимое по структуре не может быть приписано самому последнему ощущению, мы не можем упорядочить по (частной) временной последовательности (ср. со сражением мангусты и кобры у Венера). Значит, время не есть время этого момента и последовательности таких моментов (что ж, оно отвечает гораздо большим промежуткам?)²¹. Время-длительность отличается от абстрактного времени как раз связью с пространством (топологическим), с протяженностью и расположением структуры и, следовательно, отличается многомерностью (то есть = одному только измерению). Интегрирование, синтез времени. А не «фиксированный настоящий момент» (в этом смысле как сознательные существа мы живем в вечности и, во-вторых, неиндивидуально). Но такая связь времени с пространством, его «размазывание» по измерениям последнего подчинены определенным ограничениям: 1) будут мнимые значения, 2) объединение не универсально (реальный, физический смысл только для

²¹ А, вообще, срабатывают ли здесь различия «большее» и «меньшее»? Соответственно взаимосвязи и свойства неопишуемы в наглядно-предметном языке. Поэтому и нужна наша диаграмма, а не в буквальном смысле.

одного пространства) и нужно контролировать наглядные под-
сказки и искушения макроязыка.

§ 31. К проблеме высвобождения прошлого: в пределе абстракция полной реализации (или полного действия); но полная реализация даже малого невозможна, возможна лишь символизация ее чистой возможности. То есть реализация невозможна при жизни. Тогда высвобождения прошлого можно рассматривать в терминах смертной завершенности. То есть амплификации того, что было лишь исчезающе малыми флуктуациями. Иначе как случиться мысли впереди нас?! Смерть формы или вида есть прекращение онтогенеза определенного рода. А живая форма пожирает все больший ареал среды (обменивается деятельностью) и «выдает» все больший порядок, понижая окружающую энтропию и тому подобное. Эти энергетические или термодинамические метафоры обладают определенным удобством. Их можно продолжить и так: новый порядок, следовательно, только из амплификации беспорядочного фона предшествующего порядка. Обращение к беспорядку (нет непрерывности) и убивает предшествующую форму, то есть полностью реализует ее, превращая в вымерший вид. То есть в то, чего нет нормально в сфере нашего понимания и что мы должны реконструировать. Тела-то, «физика» смертны, а раз мы понимаем телом (до всяких ментальных, сознанием и волей контролируемых состояний видения мы уже работаем и действуем нашим экспериментально-культурным телом, наводящим многое в нашем видении), то нет единого, себе тождественного и универсального чистого понимания, чистого духа, вольно парящего независимо от пространства и времени (а без понимания есть не знания, а вещи). В этом смысле мышление Маркса (или то, как мы его поняли в 50-х годах) было исторически первым серьезным мышлением без Бога — не в смысле дешевого атеизма, а в смысле отсутствия в основах научного мышления посылок и постулатов, общих с теологически-абсолютистскими образцами, то есть с логическим

==83

Стрела по.ншня

пространством квазирелигиозного концепта сверхмощного божественного интеллекта и обнимаемого им статичного мира натура натурата, с предварительно предположенным порядком (базовые абстракции «хаоса» и «порядка» должны, следовательно, вводиться нами иначе).

§ 32. Из автономии «машин времени» мы черпаем неэнтропию и этими же актами повышаем энтропию, поскольку производим изменения, имеющие ненамеренные и необратимые последствия. Перестройка машин и так до бесконечности [в континууме со-бытия, то есть события знания как понимаемого обстоятельства дел в мире, со-бытийствующего «в настоящем» со многими другими «понимательными точками» и с моей, со мной (в этом смысле вечное настоящее)]. Сдвиг («обращение»). На сдвиг нужна сила. Силу порождает создаваемая машина. Но на создание машины тоже нужна сила. Как же быть? («Машины времени» — ноогенные машины, то есть дающие, как природа, думать, дающие нечто для мысли). Эту ноогенную машину можно называть и «произведением», «порождающим артефактом», «орега орегans». Во временной «сумке»

отсроченного действия, которую я рисую, мы должны, следовательно, расположить машину времени, «ноогенную машину». Это, так сказать, в сумке с несомкнутым верхом и видимости прямого (абсолютного) контакта (он затем у нас сомкнется в смысле недоступности того, что внутри) внешнему наблюдению, которое прямо видит воздействие объекта (удваивая мир). Хотя в действительности вовсе не он действует, а «локально» (в удвоенном мире можно

перенести и требовать симметрии действия; но есть ли переносимое?) В ней и помещается экстатическая машина, «orga organs».

Мир «факта» (факты размазаны в мир). Структура должна формировать и артикулировать мир факта (как мир событий-смыслов и процессов), так называемой «данности». Например, целый психосоматический ландшафт тела и тому подобного (как показано психоанализом) для установления простого факта различения полов — как иероглифы во плоти (и даже криптограммы), расписавшие тело, телесные проявления и функции, объективные события поведения окружающей среды вещей и людей, собственного поведения и происшествий (факты биографии) и тому подобное (все это слышимые, видимые и так далее явления, любезные сердцу бихевиориста, и называемые им единственно «объективными»). «Культура тела» (столь мало понятая в силу спиритизма и психологизма!). Актуалгенез.

§ 33. Какая структура, откуда? Чем дается мировая точка-факт? (Конечно же, речевым смонтированным пространством и топосом производящих «машин=произведений»). Канализация через форму. И назад, оседание конспигитутивным для субъекта эффектом этой проработки.

Это не рассудочными актами, головными умствованиями делается, происходит — вот почему приходится, из языка событий и процессов, строить диаграммы пространства-времени (с расположением в нем мировых точек фактов и мировых линий наблюдателя), монад=индивидов и пульсирующей сферы, ноегенных машин и «тел понимания» и тому подобных. Этим не имеется в виду, что это сама реальная действительность познания и истории, а лишь строится диаграмма, позволяющая говорить и описывать, интеллигентно представлять особые явления и свойства ума (как исторического объекта или субъекта истории), особую, свойственную ему «физику», тот факт, что теоретически-научные отражения предметов происходят

не переключиванием (постепенным, по хронологической оси времени) их «объективных мыслительных содержаний» в голову в местах воздействий на нее этих предметов, в местах, где один-единственный субъект наблюдал бы вне себя и изучал устойчивые, дистинктные предметы, обладающие свойствами и качествами, предметы и события «в себе», как бы ожидающие быть познанными в этих своих готовых качествах и свойствах, но — как события, феномены во времени смысла и понимания (для истории познания это последнее кажется тавтологией, но это не так, просто трудно очень феноменологический срез схватить человеку, феноменологическую абстракцию, а она единственно открывает онтологию истории, нужно лишь понять «феномен» в смысле существования). Это время протянуто пространственно, в пространственную протяженность (но вовсе не в непрерывную реальную), и с этим ничего не поделаешь. Не артикулируется мировой факт-точка (а он есть) актами понимания в психологическом смысле, не строится он потребностью и волей понимания как «скрытым качеством» (которое может быть развитым и мобилизованным или же неразвитым и быть в состоянии «психической астении»; см. Жане, у него же «потребность и способность синтеза» и тому подобное).

§ 34. Понять феномен в смысле существования означает, например, схватить то, что состояние не есть представление классической психологии и гносеологии: нельзя отстраниться от бытия в нем к представлению (что, наоборот, в феноменологическом смысле, является отстранением от представления). См. § 86 (См. также § 106). Бытие в нем неименное в смысле субъекта. «Оно само понимает» — способ редуцировать понимающие акты в языке исследователя-историка или гносеолога, способ говорить на языке, в котором нет зависимости от состояний исследователя. «Состояния» — абстрактная эмпирия историка или гносеолога, то есть имеют реконструктивный характер. Они должны обладать и феноменологической реальностью,

то есть субъекты должны в них быть (или не быть), должны обладать «внутренним» в смысле собственного времени и пространства, выступающих внешне для исследователя в качестве знаменитого «феноменологического препятствия» (которое, конечно, соблазнительно редуцировать извне). Но феноменальность сразу остро ставит проблему объективации (в языке историка знания или аналитика сознания). Все, что можно сказать (при совместном рассмотрении физических и сознательных явлений), феноменологически полно (или лишь феноменологически полно). Изнутри языка-объекта все объективируется в реальном непрерывном протяжении (если отвлечься от сложностей неклассического символического аппарата анализа в теории относительности, квантовой механике, психоанализе и тому подобных). И это можно наблюдать извне по реальному поведению с вещами (собственно поэтому и есть универсальное пространство 3-х прилеганий). Но где объективирует аналитик действия, которые несомненно есть и которые не суть содержание, в понимающей связи с которым аналитик с самого начала находится как человеческое сознательное существо? Он не может объективировать в том же реальном топосе наглядно-предметного языка. А, следовательно, не имеет знания о знании. Поэтому и возникает вопрос о символическом протяжении («собственное время» и тому подобное), в котором можно было бы различать и которое было бы условием знания о знании. В языке-объекте символ или символический эстезис есть непосредственная жизнь сознания и непосредственно понимаются. А в языке анализа они вводятся как понятия через континуум бытия-сознания, сферу и тому подобное. И как сказал кто-то: «тот, кто берется расшифровывать символ, делает это на свой риск».

§ 35. Не в коммуникации, а в «телесном» embeddment символически артикулированное знание о поведении мира (отличное от определяемых и коммуницируемых значений, являющееся их условием и порождающей основой,

«незнаемо знаемой») и неотделимое от языковой конструкции, или, вернее, «языка тела» (хотя и отделимое от субъекта). Общение — равно проникновение в него, обращение в него, конституирование себя им, а не понимание друг друга. «Не существует отдельно от тела» — означает, что в том числе и в языковых правилах и нормах. Существование этого как топоса, места общения, конституирующего общающихся, и порождает иллюзию, что средства коммуникации сообщают о самих себе, содержат себя, а не о чем-нибудь другом вне их.

§ 36. Должно случиться реальное развитие, иначе мы не можем овладеть этим, и все выступает прежде всего на уровне рефлексивно неразложимых образований, темных и застойных для рефлексии точек (но пока это есть, есть и жизнь). А после акта развития уже можем, после сдвига можем объективировать (и, следовательно, убиваем предшествующую жизненную форму), но на сдвиг нужна сила. Мы стремимся вступить во взаимоотношение с прошлым, а оно в разнопространственных мешочках (то есть генетические связи еще должны продействовать в функционировании). Развитие это то, в силу чего реализуется прошлое, деструктивное для до-развития. И сознательная наша жизнь не в универсуме полного знания (полного бытия) и абсолютной (бесконечной, божественной в пределе) мощи интеллекта совершается. Феноменологическое выделение (жизненного) мира (мира развития и превращения)²². И мы должны научиться рассуждать научно о таких предметах.

Переключение «гештальта» — неструктурное событие. Да, но пока у нас нет пространства и времени, кроме абстрактного и однородно абсолютного (то есть изменения здесь неразличимы по отношению к системе отсчета; какова же различительная система отсчета?). И наоборот — пространство и время есть способ структурно рассмотреть то,

²² Этот мир-космос. А раз космос, то гармонии, корреляции и симметрии без непрерывной (реальной) пространственной протяженности, формулируемой транзитивно каузально.

==88

М. К. Мамардашвили

что иначе не имело бы структуры. Но это только формальное (= содержательное) представление возможной структуры. И, во-вторых, структуры у нас сразу же распадутся на микро и макро. «Тела-органы» генерируют продуктивно воображаемое, на которое замыкается созерцаемое. То есть реальное по отношению к воображаемому. Вектор состояния. Его переопределенность или недоопределенность.

Сохраненный первичный хаос. Прошлое стучится нам в окно, прося высвобождения. Высвобождение прошлого.

Найти чувственный опыт, независимый и внелогический. Бесконечное число полей созерцания, из которых — лишь некоторые реальны по отношению к определенным телам-органам, которые и генерируют замыкание, являющееся непосредственным видением, чтением законов в явлениях, а не продуктом интерпретации данных на уровне их рефлексивного воспроизведения и повторения. В зависимости от замыкания будем в разных пространствах. Мыслью должно овладеть телесно, телом, породить ее физикой [то есть предоставив дело выполненному физическому устройству, в котором или которым что-то делается само, а не нами, не нашей произвольно выбирающей себя мыслью и хотением чистым; когда говорят о «произвольно выбирающей себя мысли», то имеют в виду мысль, решающую быть какой она есть на основе содержательных и логических соображений, то есть добровольно и бескорыстно считающуюся с законами вещей, подчиняющую себя им как преданным, предсуществующим (то есть и бытие полно и знание полностью определено), хотя на деле лишь ретроактивна аналитичность и непрерывное развертывание логической мысли, и в нашей области абсолютное²³ не может входить в существенные начальные условия вопреки простому допущению актуальной бесконечности

²³ Абсолютное здесь = сознание как форма (не могу не знать состояние своего ума и через него знаю или имею ясное понятие вещи). Как отличить это от догадок в абсолютных терминах о внутреннем («мы сами»), знаящем, в какой точке истории оно находится (молчаливое допущение всяких разговоров о предшественниках-кирпичиках)?

Стрела познания

==89

(как в силу феноменологически-редуктивного запрета, так и в силу принципа относительности и независимости локального, без чего не может начаться естественноисторическое изучение духовного и ментального), и то, что есть «мы сами», неизвестно, где оно и когда, и есть, следовательно, неявные зависимости и нет предсуществующих законов вещей, с которыми просто надо было бы считаться, — кто их знал бы и откуда возвещал бы нам?].

§ 37. Речь идет о «разрушении» структуры (на возвращающемся по эту сторону «очевидной данности» куске линии пульсации) как в силу того, что не можем проанализировать и выявить просто чистой мыслью (ибо скрытые искомые условия входят элементом в те самые понятия, посредством которых мы их же пытаемся выявить), так и в силу телесности этого сдвига в сторону, телесности «развития», необходимости физически разыгранного в нем отстранения — что-то должно «само сделаться», бытием, а не нами. Помимо телесной нашей развитости (а она — то, чем мы понимаем, а не то, что мы понимаем), на уровне собственно знания и понимания нам дано лишь символическое знание и понимание бытия в указанном выше смысле. Мы знаем и понимаем его лишь символически (в смысле работы «Символ и сознание»). Ведь то, что вносит интеллигибельность, само неинтеллигибельно или владеемо нами на иных, не объективных основаниях. Эта «иноосновность» и воспринимается на уровне обыденного представления как «революционность».

Не разрушив структуру сознания, то есть без события, называемого «развитие», мы не можем вернуться. Должно быть физически разыгрываемое отстранение. А классики как раз предполагали такую обратимость, предполагали, что можно проходить взад и вперед в любых направлениях. На этом основывался анализ и синтез различных сторон явления (разложение и синтез воспроизводство на собственных основаниях). «Время» не учитывается, различные стороны явления описываются одновременно. Но весь вопрос в том, можно ли заметить и зафиксировать необратимые

изменения указанного выше рода внутри или изнутри структуры сознания? Заметить, то есть поставить «развивающееся событие» в транзитивную аналитическую цепь, — поставить естественный объект (каковым и является саморазвивающееся событие), упаковка в который происходит не относительно универсального абсолютного сознания и относительно последнего не обнаруживается, не различается, не разлагается (и наоборот: очевидно, именно как различительный принцип классикам и нужны были абсолютные пространство и время). Нет. Внутри мы не замечаем движения, изменений в принципе (как процесса, а не дискретных его результатов), как и в эйнштейновском космическом корабле. Мы не можем зафиксировать свое собственное движение, свое изменение состояния или необратимые события «реализации» сознания в отражаемом бытии, то есть те «объективизации», которые рефлексивно как раз необъективируемы (то, что наз. «мы сами», неизвестно, где и когда и, добавлю, кто). (См. ранее о Маллармэ и о понимательном «не то, не то...» (§ 14). И, соответственно, в обратном симметричном выражении этого обстоятельства, мы формулируем принцип относительности для всего рефлексивного уровня, для всякой объективизации, на рефлексивности основанной (то есть абсолютное никогда не входит в существенные условия). Отсюда, кстати, вытекает однородная и стационарная Вселенная, или статичный мир идеальностей, сущностей. Но за тем, что представляется точкой, растянуто стоит «Время» (которое, очевидно, есть схема указанного выше изменения, движения). И, соответственно, у нас, наоборот, — нечто аналогичное расширяющейся Вселенной. Временная глубина, временная «пазуха», «складка», «полость», очерчивающая сингулярность [о которой, очевидно, нужно говорить, что она, как («квантовое») состояние, без какого либо классического «где», «когда», «кто», ибо оно само есть и «где» и «когда» и само (себя) понимает]²⁴. То, что в одном

²⁴ Вернее, более точно будет сказать, что это квант действия без «когда» и «где» и пространство его лишь пространство состояний;

==91

Стрела познания

срезы точка, а другом срезе — интервал (эмпирический) сферы «бытие-сознание». Например, какой смысл некоторых вопросов, если условия физически не имеют места (имея в виду условия приложения понятия понимания, объективизируемые неререфлексивно и затем рефлексии же не поддающиеся) и не «реализуются» одновременно с концептуальными утверждениями? Это первый смысл «несообщаемости» миров. Такая «несообщаемость» просто вытекает из определения того, что вообще осмысленно. Здесь мы имеем дело с пространством и временем, являющимися превращенной деятельностью (которую нужно высвободить из превращения) и локализуемыми событие-феномен, являющимися формальным «как», состоянием содержаний (а не каким-либо содержанием). Формальное, но не дедуцируемое «как» (ср. Шеллинг: история-то, что нельзя априори конструировать).

[В связи с неразличимостью, о которой говорится выше, и принципом относительности интересно замечание Бора: «Мы висим в языке. Мы подвешены в языке таким образом, что не можем сказать, что верх, а что — низ». Мы завершаем другое (а не себя), чтобы быть какой-то возможностью. И нет времени времени. Мы должны завершать бывшее, чтобы самим быть возможными (с какой-то точки зрения это и есть реинкарн)].

§ 38. Конечно, и классики включали экспериментальную деятельность в определение бытия, инкорпорировали опыт (физически реализуемый) в концептуализацию

ний; но раз так (то есть раз мы без внешнего отношения «когда» и «где»), то допустимы (а в языке описания обязательны) онтологически многие миры там же (невидимые один другому в смысле тени непонимания, отбрасываемой пониманием); «там же» будет означать запрет на термин «рождение» в абсолютном (не феноменологическом) смысле — в каком-то смысле они, эти миры, все есть, не рождаются, не умирают; то есть «там же» — не термин наглядно-предметного (или даже математического) языка. Лишь с имплицитной здесь идеи возможности может начаться теоретическая «наука» (?) о сознательных (феноменологически, культурных) явлениях, объектах.

==92

М. К. Мамардашвили

(возможную)²⁵. И собственно с этого они и начинали, считая (Кант), что мы можем о мире знать и высказывать объективно лишь то, что может быть схвачено в ситуациях, которыми владеем концептуально активно. Мы ничего не можем говорить о мире вне ситуаций экспериментальной его расчерченности, независимо от последней. То есть то, что мы осмысленно говорим о мире, зависит от такой ситуации и ее наличия (см. § 128). В классике эта зависимость была. Но раз уж абстрагированная и заданная в связностях непрерывного и однородного опыта, она была универсальной и неограниченной²⁶. Способность осознания бралась как мыслимо максимально возможная и универсальная (охватывающая весь мир из одной точки) с фундаментально одно-единым созерцанием. И поэтому можно было обратимо двигаться и взад и вперед, и вправо и влево. И извлечение информации сознанием в квазифизической его позиции («включенной») было для них подвидом событий в мире как он дается рефлексивным дублированием его отражений и полным определением явления знания и наблюдения (в аппарате ли отражения или в интерпретирующей голове), поэтому оба ряда описываются на равных правах (ср. однородность микро- и макромира в классической физике). Определяемое по переносу причинной связи; оно же трансверсально является стороной монады. То есть на деле то, что и как дается в деятельностно-предметном знании, дается другим родом событий, чем те, в которых происходит аналитически обрабатываемая развертка больших систем. То есть «интерпретированность» в одном случае — одно, а в другом — другое, их надо расщепить и различить. Имеем дело с Янус-фактами и Янус-онтологией; где движение от «элементарного» на одном (к нам повернутом) лице, есть

25 Что достигается преобразованностью или наличием «группы», лишь после чего возможна обратимость.

26 Саморефлексирующая итерация могла не замечаться, как мы не замечаем давления воздуха.

Стрела познания

==93

«произведение» совершенно другого движения на другом (нам невидимом) лице, как двустороннее домино [и мы сами это домино (с мнимыми соединениями)]. К первому нет прямого доступа. Проблема здесь в том, чтобы, сузив абстракцию наблюдения и предельного осознания, расширить естественное, отдать ему кое-что из человеческих операций, то есть оестествить последние (в смысле наблюдателя, неизвлекаемого в качестве субъекта).

Таким образом, первые, то есть события предметно - деятельностного знания, — в четырехмерном континууме, с мнимостями сознательной и ментальной жизни, располагаются одновременно и по четвертой координате (+ к трем реального, евклидоваго пространства моделей), а вторые, аналитически связываемые, происходят по эту, реальную сторону предметно-знаковых моделей и могут быть отделены в абстракции (что и говорит об исходной двойственности, разнородности микро и макро). Отсюда чудовищное высвобождение абстрактного математического и формального аппарата.

§ 38а. То есть есть гносеологический пример янус-космологии. Движение здесь (описываемое расчленением: формализм (математический аппарат) — теория — модели — семантика — интерпретация — чтения приборно-измерительных показаний) — эпифеномен движения там (в той мере, в какой речь идет о реальном движении и работе мысли, не отождествляемых с абстракциями, в которых они рассекаются). То есть возможно иначе организованное расчленение той же системы, того же объекта анализа: как множества элементов поля. (А фактически — в понятии пространства состояний и тому подобное).

§ 39. Особая эмпирия: не отраженные «факты» (например, наблюдаем то, что мы знаем, было кислородом) является ею; события помещаются в другой континуум (континуум сингулярностей, где решается одним наблюдением *versus* индукция, которую предполагает отношение «факт — значение»). Или для «событий» у нас другой

континуум. Составленный континуум, чтобы мочь говорить о них в качестве таковых. Теория = особая действительность средств, не отделимых от объектов как предметных кристаллизации деятельности же. Бесконечное тело и его актуализация, или мировые тела и их актуализация (очевидно, первые будут в сфере сознания). Конечно, актуализация (для воспроизводства деятельности) через сферу сознания, что требует метасознательных сопровождений, фиксирующих или создающих в том числе и пространство-время (превращенное пространство-время деятельности; во-первых, события-феномены не в одном и том же времени и пространстве, во-вторых, должны быть хоть в каком-то времени и пространстве этого рода, в-третьих, переход из одних время-пространств в другие; то, что имеет смысл, имеет его внутри и для данного пространства времени, для каждого своя особая глубина вечности versus одноразовый акт творения). Априорные механизмы этой актуализации и реализации («априорные», то есть зависящие от предпринятого, от движения в мир и в мире и сознания-схемы этого движения, индуцируемой состоянием поля, а не от «обучения»): человек стоит (присутствует деятельно) там, где объекты (то есть за их представленностью ему же, за их ему предстоянием, мы уже там, откуда к нам приходит нечто (и приходит, следовательно, не всякое), и наоборот — есть специальные предметы, ставящие его туда, в и за объекты (в континууме воспроизводства деятельности) и являющиеся памятью (записью) нашего пребывания внутри мира (то есть мира, который содержит и объект и говорящего), от которого мы затем извне, во внешнем стороннем наблюдении воспринимаем интеллигибельно именно то, а не другое. Эти специальные предметы и выступают как сознание по отношению к психике, прорабатывают ее, на них мы рефлектируем свою сознанием и волей организуемую и контролируемую деятельность мышления и рассуждения. (Сознание1 и сознание2; символы = память предпринятого или

==95

Стрела познания

его заместитель при утопленных обстоятельствах). В поле связки — «мы видим лишь тот мир, из которого мы вместе с ним идем к тому, что от него извне мы интеллигибельно отражаем (другого мы не видим)» — индуцированы мнимости, которые в аналитическом ряду объективированных представлений науки могут вводиться специально и контролируемо, а в человеческой реальности (в том числе и в научном познании, взятом в этом разрезе, то есть феноменологически) фонтанируют спонтанно, проявляют себя естественно и, значит, несводимо к работе субъекта, являясь, тем самым, завязкой на космос, а не на внутренний мир. Демонстрацией этому в теоретическом знании является тот факт, что к предметно-деятельностному знанию — а оно есть — и к сознательной содержательности у нас нет прямого доступа, они не выходят на уровень рефлексивной науки и философии в них же самих и не могут быть выведены прямо логическим способом (философия специально создает символы для этой сознательной содержательности, и это — символы во второй степени). Далее, поскольку мы не делаем привязки их появления к индивиду и субъекту, то, следовательно, в структурах предполагаются механизмы самореализации, это — самоконструирующаяся реальность, питающаяся живым трудом индивидов (проработки суть космические состояния; из ноосферы поступают к нам ответы на наши движения, ответы, расшифровывая которые мы развиваемся, то есть снова посылаем что-то в ноосферу). Для понимания этой самоконструирующейся реальности и говорим о «бесконечном теле», «мировых телах», их «точках пространства-времени» (имеющих состояния и структуры) и так далее.

Революция = их распад и реактуализация деятельности (versus пространство-время превращений). Актуализация из «нуля», где все возможности, виртуальный мир всех возможных миров (пример деструкции и распада: проблема редукции волнового пакета).

§ 40. При привязке к субъекту — пространство и длительность состояния (или «состояние» как пространство и время), то есть пространство и время деятельности и ее воспроизводства (а не содержаний и объектов). Это помещение вечного в конечное (во временное) творением, то есть «производящим производением», натурой натуранс, вернее, *ореганс* *ореганс* (ср. «тело христово»). «Время» здесь: симультизирующий синтез дискретного времени («дискретного», то есть не содержащего связи моментов без сознания — ни один определенный последующий момент не вытекает ни из какого определенного предшествующего, а раз связь появляется лишь с сознанием, то значит привлекается какая-то «содержательная» длительность, пребывающее (а, следовательно, эмпирия), ибо сознание — всегда «сознание о...»). Синтез дискретного времени = вхождение (в принципе конечное) в длительность символов, длительность, не имеющую ни начала, ни конца. То есть условия дискретны и конечны (так сказать, граничные условия): есть многое (предопределенность) и каждое из многого имеет свою линейную развертку в последовательности, а времени на все и вместе как раз нет (хик Родос, хик сальта), и к тому же никакая последовательность не синтезирует сама — откуда быть этому последующему моменту? Воспроизведение своих собственных оснований и удержание многого в вариативном одном (установление направленного или связанного времени), сковывание Многого в Одно и вращение Одного во Многое. (Развитие форм уже внутри направленного времени). Следовательно, сами по себе ни время, ни пространство не имеют никакой метрики или не являются вещью в себе (эфир интуиции есть лишь непрерывное и трехмерное топологическое многообразие).

Ср. декартовскую «дискретность времени». Лишь особый характер воспроизводства («второго шага») дает длительность, дление, внутри которого может осуществляться познание и его развитие (и, следовательно, дает «эмпирию», конечное — Бог как бы должен отличить себя от себя). Но столь же существенна для вообще возможности

==97

Стрела познания

изменения и развития переопределенность (или недоопределенность) символа. Многое есть, следовательно, потому, что мы конечны в символах бесконечного.

Невоплощенный Бог не мог бы познавать, *that's why there is something rather than nothing*. А, следовательно, не мог бы развиваться, и наоборот, развитие, потому что воплощение. Ничто не усваивается, но воспроизводится и повторяется лишь преобразованием, изменением усваивающего, то есть далее повторение (сохранение) одного и того же предполагает изменение сознания, а тем самым виртуально — наличие конгениального агента новых мыслей, вкладов; повторяем лишь измененной деятельностью, что обратно симметрично соответствует факту, что готовое знание не передается. [В строгом смысле нет дления, пребывания (созданного или существующего) как такового. Нужен дополнительный принцип, что прекрасно понимал Декарт.] Так называемое воспитание социальной средой есть чистейшей воды спиритуализм, предустановленная гармония и инстантизм (предполагаются скрытые неуловимые акты и тому подобное, перенос в себя чистой мыслью). (См. §§ 41, 72а, см. также § 23). Ничто само собой не может длиться, продолжаться, но нужно быть живым, это особый жизненный акт (не исчерпываемый, как у Декарта, сознанием себя в воспроизводимом сознании, то есть сознанием как формой; Гуссерль это чувствовал, когда говорил о живом, невозпроизведенном, функционирующем сознании, но продолжал рассматривать его как особый род сознания — иррефлективного, дорефлективного и так далее — внутри субъекта). Но это тоже воспроизводимое сознание (хотя и самовоспроизводящееся — монадически, свободно), располагающееся структурно, а не какой-либо особый интимный слой, ставящий неразрешимые (и гуманистически насыщенные) проблемы в сопоставлении с когитальнш схватыванием на себе форм. Этот дополнительный принцип и есть принцип свободного действия (монадичного по своему строению).

=

§ 40а. Именно деструкция (мы не просто чего-то не знаем, или узнав, меняем формы, а мы в кризисе, неконтролируемо фонтанируем ирреальные, структурно-проекционные представления); и деструкция потому, что была не абсолютная реальность, не черты мира и предметов «в себе», а структура, с ее допущениями и тому подобное, имевшая проекцию во внешнюю реальность 3-х мерно протяженной плоскости, которая (проекция) вышла теперь из-под контроля внешними воздействиями, свидетельствами (познавательное пространство 3-х прилеганий есть проекционное познавательное пространство, но опытно контролируемое), которые более не интегрируются, интеллектуально не синтезируются, поступая вне какой-либо понятной связи (непоступление вообще — частный случай в экстремуме отсутствия интеллигибельной связи).

§ 41. Необъяснимая устойчивость свободного явления как исторического индивида (организованного и упорядоченного многообразия, тысяч и тысяч единичных актов мысли в разных местах и в разные моменты времени), находящегося в постоянном движении и изменении, необъяснимая согласованность очень длительных и пространственно далеких изменений. Это проблема, если не придерживаться, конечно, абсолютистского и, по сути, чисто менталистского взгляда, объясняющего устойчивость и пребывание по времени обучением и образованием через усвоение (извне) знаков и смыслов, определений, идеальных значений, ценностей и норм, идеальных систем готовых правил — в предположении (скрытом или явном) неконтролируемых и неуловимых духовных актов «нормального» восприятия и чистой мысли, своего рода чуда ассимилятивной транссубстанции²⁷. (Ср. §§ 23, 40, 136 и

²⁷ Более того, онтологически идея подчинения законам вещей, сообразования себя с ними предполагает «третий глаз». А на деле сравнивать не с чем. Идея интенциональности (эквивалентного понимания «сделанным» и ни с чем далее не сравниваемым, поскольку «сделанным» произведено само начало, не нуждающееся в дальнейшем и дополнительном понимании, поскольку оно само —

Стрела познания

==99

далее). Но это лишь остатки психологизма (понял, не понял, усвоил, не усвоил, догадался, не догадался, имел способность, не имел способности... — как описывать все эти скрытые качества?!). Иначе как силами (динамически), независимыми от нашего ума и предполагаемых скрытых качеств, нельзя объяснить (в том смысле, что о последних нельзя контролируемо рассуждать; ср. §§ 50, 99, 138 о смене языка описания и «не существовании» ощущений). Но это ни силы объективного строения предмета (кто его видит? а если видит, то это абсолют), ни силы заложенной внутри субъекта «программы», «плана» и тому подобное. И устойчивость является чудом, и пребывание объекта во времени не является само собой разумеющимся.

В основе указанной выше невозможности мышления лежит фундаментальное и простое, Декартом когда-то схваченное, онтологическое обстоятельство: нельзя считать, будто есть идея, предшествующая (по природе) во-левому определению (Бога), — так что «*cette idee ait porte Dieu a elire l'un plutot que l'autre*».

Нет никакой идеи, представляющей благое или истинное, необходимое или пренебрежимое, требуемое или, наоборот, отбрасываемое, заслуживающее веры или нет и так далее, как предмет божественного понимания «до того, как его (Бога — М.) природа конституировалась как таковая определением его воли». Это, несомненно, первая формулировка принципа относительности *versus* абсолют (третий глаз) и тождество бытия и мышления. Из него вытекает явление самопричинной устойчивости или самоподдержания и, поскольку воссоздание «сделанного»

условие понимания и понимающая материя) и «порядка порядков» как существования, состоящего в мыслимости всего другого, снимает этот порочный круг, известный уже Сократу, не говоря уже о новых, таких, как Спиноза. Ср. § 29—36 об устранении из рассуждения натурального представления вещей, как и § 114 о локализации «самим себя понимающим» и § 97 об экранизации. Нужно указать еще на предположение само-пребывания трансцендентного мира. Психологизм — обратная сторона трансцендентизма, его двойник.

=100

М. К. Мамардашвили

является одновременно элементом циклического космического круговорота (способного выбить космическое включение), — принцип развития.

§ 42. Если нет этой машины (и ее тела), то ничего не будет происходить и структурироваться, в том числе не будет запоминаться, кумулироваться. Но в силу этого же есть нереализованная часть (она и есть и ее нет; ничто не ждет понимания; нет зависимости от последующего решения), что и выливается в разнопространственность и разновременность. Есть пространственно-временные сумки, мешочки с несомкнутым верхом. Реализация означает оставление нереализованного актуализацией в инопространственных и иновременных сумках, пазухах, с содержимым которых нет связи и к которым нет доступа.

Таким образом, исходя из того, что (1) никакими внутренними («внутренними», то есть из самой же теории взятыми и только из нее) средствами физической теории и никаким их продолжением мы не можем придти к событиям «мыслей», «формул», «вкладов» этой же теории, к которым нет непрерывности, что нарушает чистоту всеобщей (не знающей скидок и обстоятельств) логической дискурсии (и обоснования) «внелогическими» (неявными и неконтролируемыми) зависимостями и процессами, которые не «оговариваются» абстракцией логической бесконечности и которые не показывают себя как истина («истина показывает и себя и заблуждение»), исключая тем самым конвенцию (и, следовательно, заставляя предположить, что эти события — объекты в особой действительности²⁸, и что (2) тем более можно рассматривать теорию как функциональное отправление экспериментального тела, «органа», которое выделяет теоретическую мысль, как печень выделяет желчь, — мы приведены к необходимости феноменологической абстракции и редуцирования

²⁸ В этой абстракции не имеет значения, если кто-то по каким-то причинам или обстоятельствам не может составить себе понятие. Отвлечение от возможности построения. «Понятия в себе», «мысли в себе», «истины в себе», «истина, показывающая себя и заблуждение».

Стрела познания

==101

(эпохэ) объективаций, через которую нам открылась бы особая действительность, в свете которой усложняющий язык «неявных зависимостей» и «неконтролируемых процессов» имел бы простой логический смысл и получил бы простую онтологию, ставящую все на место (в этой онтологии, скажем, бытие не полно и так далее). Слишком много вспомогательных и дополнительных вещей, варьирующихся от случая к случаю, от места к месту, от группы исследователей к другой, так сказать, *ad hoc* («неявное знание» и всякие другие пособия гипотез — «телесные» *embeddments*, «укорененные» — значения которых не вводятся заново теорией на ее собственной основе, укорененные словари-тезаурусы, относительно которых гипотеза сложна или проста и так далее). (Ср. § 44а). Более того, не только «неявное знание» (или «заднефонное»), но и вообще бесструктурные события (вроде гештальт-переключения), да и вообще незнание (в силу переопределенности). И еще, более того, может не быть независимого *evidence*.

Нужно, следовательно, заниматься (и строить в качестве особого объекта, особой действительности для объектов, обладающих познавательным «эффикас») системой деятельности, структурами производства. Структуры порождают (творят) и пространство-время «вкладов». Последние осуществляются лишь пространством-временем, которые являются символическими состояниями («пониманиями»), и развиваются в историческом времени, творимом структурами. То есть осуществляются состояниями сознания как формальными «как» структур (ср. с категориальной, нечувственной интуицией у Гуссерля и формой как возможностью структуры у Виттгенштейна), а затем уже структурным расположением содержания. Без этого понимания нет знания, а есть лишь вещи. То есть нашим предметом являются предметно-деятельностные машины (и тела) понимания. Развитие и превращение отличаются от обычных (или обычно изучаемых) физических процессов тем, что они не в универсуме полного знания (= полного бытия) и гипотетически божественной

М. К. Мамардашвили

==102

мощи интеллекта осуществляются. Бытие неполно и конечен человек, но он производится как постоянно не наличный и постоянно воссоздаваемый виртуальный пониматель и делатель чего-то вполне определенного (не в непрерывно-детерминистическом смысле).

§ 43. Конечная представленность (превращенная) бытия — парс про тото — в точке, гарантирующая рациональность (несколько иная, чем та, которая описывается абстракцией «выполнения понятого»). Бесконечное должно быть дано конечным и сразу (непосредственно) понятным образом. Как предмет формальной способности, позволяющий одновременно непосредственно различать. Пифагорейцы видели числа (до развития какой-либо абстрактной математики), или видели числами? Вещи (символы) -> символизируемые ими мнимости сознательной и ментальной жизни. «Третьи вещи», конечные артефакты, являющиеся понимательной материей или понимательными заместителями, их нет в природе, природа их не производит (например, желания, фантазмы, аналоговые модели) и в то же время они не спиритуальные сущности, бесплотные призраки. Речь идет об интерпретативной превращенности действия вещей. Вмещение его (разрешающая способность) -> затем порождение, генерация (то есть речь идет о порождающих свойствах психики и сознания, а не отражающих). Это и когерентное или когерирующее действие. Когерируя, амплифицирует все могущее быть связанным (использование понятий в непредвиденных проблемах, извлечение части бесконечных следствий, реализация или актуализация потенций, добавления и тому подобное — ведь в науке никто не повторяет просто!), оставаясь в одном пространстве (пространстве состояния) и заполняя его²⁹. Многие содержания в одном

²⁹ Образ прогресса, соединения усилий и тому подобное как реальная движущая сила деятельности ученых есть вторичная структура этого (то есть это структура сознания — вторичная, третичная, а не просто движение прогресса).

Стрела познания

==103

состоянии³⁰. Все близкие части системы (как по структурным различиям уровней, «способностей» и тому подобное, так и по ряду различных проблем и предметов) приведены в нечто, как раз и называемое «состоянием». Уплотняющаяся квазичастица ума вбирает в себя время (а пространство — овременивает) и когерентно, согласованно распространяет излучение знания (пространство преобразований и распространения состояния, характеризуемого в качестве состояния сознания «субъекта» независимо от дискретных наблюдаемых индивидов, и, следовательно, это не то пространство, которое индивиды видят во внешней действительности и которое обладает фиксированными реальными характеристиками). Я ведь имею в виду связность умов (пространственно-временную), а не просто пространственность мнимых вещей в созерцании одного ума (ср. § 127). Это связность, согласованность по координате 4-го измерения, трансверсально. Пространство — установление связности (через и в символе), возможного контакта (в терминах континуума «бытия-сознания», а не отдельно того или другого, например, не контакта мыслей индивидов). Так же как мы не можем хотеть и выбирать «правильные» мысли, таким же чудом является и согласованность все-таки установившихся «раз и только раз» мыслей во многих сознаниях, которые могли пойти тысячами иных путей и которые представляют собой хаос с обрывками и клочьями всего и вся на многих уровнях и во многих временах. Лишь экстатические ноегенные машины могут давать такую когеренцию в процессах. Время и пространство суть операторы такого рода процессов, состоящих из набора элементарных процессов. Термины «4-е измерение», «мнимости», «внутреннее познавательное пространство-время» («внутреннее», не в воображении субъекта

³⁰ Лишь бессодержательное всевременно и держит усилие, без которого нет согласованности. Без усилия оно — фетиш, а без него усилию не на чем держаться (а держаться на чем-то надо, ибо, по определению, свободное действие есть выпадение из натуральной повторимости сцепления причин и действий).

==104

М. К. Мамардашвили

та, а по отношению к объективированному ряду утверждений о мире, расположенных в гиперплоскости 3-х прилеганий) и тому подобные суть язык описания проявлений работы такой машины, механизма, системы, которые (проявления) иначе описать нельзя. А это явно работа механизма, экстатической машины. Есть один объединительный уровень, на котором наука видна не как уникальный феномен (а сопоставима с искусством, моралью, правом, религией) и может изучаться в «семье», а также из которого разворачивается вся специфическая (и развивающаяся) целостность (особую топологию выражающая), а именно — вровень отношения к жизненным созидательным явлениям и к изобретательству на этом уровне, то есть к феномену «человек» (к производству человека и его мира).

§ 44. Порождают не воздействия (закрепленные отражениями, нашими психофизическими силами и качествами), а машины. «Тело» (или «телоформа») должно вырасти, индивидуально-психический механизм должен проработаться сознанием (сознанием¹ в смысле «сферы сознания»), приставить к себе насадки и амплифицироваться его инскрипциями — и тогда что-то породится. Породится в том смысле, что «человеческий объект» («причина») — «третья вещь», первичная символическая жизнь сознания, которая никогда не предстанет сама, — пришлет своего заместителя, понимательную материю своего отсутствующего присутствия: сон, метафору, желание, аналоговую модель, телесное видение, фантазматическое предметное значение (где мышление и есть действительность, где что-то из действительности есть «ходячее» мышление; но не в смысле унаследованной философии сознания с ее Я = Я), бесконечно (независимо от текучести интенсивностей чувствительных состояний) обновляемый познавательный эффект. Эти порождающие свойства психики и есть расширенная чувственность (но к тому, что в порождениях, что знаемо в них, 1) нет прямого доступа, 2) нет внешнего авторитета полного бытия, полного предмета, — это, действительно,

Стрела познания

=105

«бесконечное тело» в сфере сознания; конечно, пульсирующее вместе с ней). Не природа порождает желания и тому подобное (то есть они не в пространстве реактивной рецепции и трансляции воздействий), и не человек выдумывает, составляет, желает. Их причина — «человеческий объект», понимающая тем или иным образом материя, артефакт. Но никогда не данный в первом лице. В этом смысле, напр., максвелловские модели суть порождения символического сознания, а не само это сознание. Они — производные первичной основы воображения, состояния (являющегося пространство-временем) и структуры сознания, располагающей уже содержания. Сначала нужно ее вместить, а потом пойдут порождения, жизнь в структурах, попадания в них и тому подобное (но к элементарным объектам здесь мы не можем придти ни извне физическими объективациями, ни изнутри ссылками на скрытые качества, способности, потребности и тому подобное). Или иначе: желания, фантазмы (как и аналоговые модели, дающие понимание вещей вместе с пониманием значений их знаков) производит не природа — в этом вся проблема. То есть проблема в создании того, что само будет порождать желания, стремления, идеалы и тому подобное и тем самым вырывать из естественного инертного хода вещей, из натурального потока сцепившихся причин и следствий (ср. § 106). Так и в познании: мы не можем хотеть думать то, что думаем, и потому подумать это. Не мысль нужно породить, а ее источник. Порождение порождающего (создание создающего): проблема не в том, чтобы выбрать мысль или породить ее (мы этого не можем), а в том, чтобы создать то, что породит (может быть!) мысль. Созданное создающее и есть «состояние». Это термин из числа терминов, которыми описывается факт работы ноегенных машин, артефактов и тому подобных, стоящих за «событием», которое и есть наш предмет. «Состояние» — его первая связность.

§ 44а. К известному в порождениях (ср. также § 86) нет прямого доступа (оно работает «само» в том смысле, что

значения даны понятным вещественно-пространственным расположением и, соответственно, нет идеально-значимо формулируемых правил) — это значит, что знание как состояние не определено непрерывно и полным образом (ср.: область определений не покрывает область значений). В движении по знанию упираемся в «укорененность» (словарно-тезаурусную), которая, наоборот, со своей стороны скрыто определяет выборы и решения, в том числе о простоте гипотез (относительно себя). Обречены тогда на *ad hoc*-ность (ср. § 42) и на бесконечно расходящиеся релятивизации а 1а Уорф (ср. § 16). Не проще ли тогда обернуть дело и начинать с «укорененного» (и, следовательно, с «неявного», неконтролируемого» и тому подобного), строя для него термины особой действительности квазифизического действия полевых сил мышления, ее живущих «естественной» жизнью объектов (особого типа — саморазвивающихся) и имея в виду реконструкцию одного предмета различных опытов (а не различных предметов одного опыта)? Состояние тогда — пространственно-временной индивид и так далее. Меняем здесь онтологию — например, бытие неполно и так далее.

(1) В состоянии растяжка *hic et nunc*, момента «между»,

(2) *i*-мерно протяженная величина (там напичкано все: и действие картины мира, и ограничивающих посылок, и здравого смысла, и топоса закона, и воображения, и так далее и тому подобное),

(3) свободная вариация меры,

(4) независимость от движения источников опыта и их направлений и, следовательно, неаддитивность знаний (здесь нужно рассмотреть вопрос о симметрическом распределении времени),

(5) дискретизация субъекта (отказ от абстракции одного-единственного субъекта, наблюдающего устойчивые, «выделенные» объекты с определенными свойствами) — как в картинах мира, так и в нем самом. (Ср. с мышлением в терминах неизменного и неподвижного «эфира» наблюдения,

Стрела познания

==107

гипотетического Сенсориум Деи, каковым является заполненность «выполнением понятого» всего того, что охватывается системой координат, — один-единый субъект или опыт, покоящийся относительно этой абсолютной системы и связывающий изнутри.)

Аддитивность: например, измерение здесь отменяет результаты измерения там (если и то и другое в накрывающей плоскости 3-х прилеганий). Но у нас состояние — волна-пилот: ничего нет впереди. Поэтому если где-то в будущем пункт знания А или неизвестный (но оказавшийся существенным) закон, то, в действительности, явление-знание не зависит от движения к нему и нельзя прибавлять, складывать и тому подобное (нет симметричного распределения времени между связями): получаем аномалию — не можем обращать во времени зависимости.

§ 45. Но если мы понимаем, желаем и так далее «телом», то и платим мы телом, этой платой, кстати, и является патогенное (бессознательное). В силу взаимодействий как выражений сопротивления «естественного» преобразованиям и изменениям, в силу развязанного процесса. И должно погибать от развязанных последствий. § 46. Конечная вмещаемость, предоставляемая артефактами, «понимательной материей», «телом» (так, реально в науке всегда конечное число операций и решений — но каких? и почему этих?). Пространство, содержащее одновременно и объект и говорящего, — такие пространства различны. «Растяжка» интенции (см. §§ 27, 140, 141). Интенции, направленности сознания, формируемые предметно-практической включенностью и артикулированностью деятельности в самом мире, нами извне созерцаемом, обзриваемом, изучаемом. Снятие (и представленность) последней на уровне понятий в виде символов заместите лей³¹, устанавливающих строй, схему, стратегию, характер

³¹ Представляя топологию события знаний и понимания (то есть материально ее выполняя нашими силами), они структура

тер действий, тип (правило) связи эмпирии и теоретической структуры, связь конструкторов описательного языка и формализованных теоретических утверждений (нечто вроде порождающего принципа бесконечного числа «правильных» образований, которые вовсе не усваиваются перебором), — связь, наглядно как-то (и с возможностью на ней рефлексировать себя в качестве говорящего эту правильную формулу) данную, не разлагаемую и несводимую. Такое, материально (а не как чистый витающий дух) основанное, «сингулярное» узнавание необходимо не только в подобных программах-предметностях сознания, но даже и для дедукции, для дискурсивной цепи (с другой стороны, явно, что опыт и обучение невозможны путем перебора и имитации и что эмпиризм такого рода дезавуирует эволюционистский взгляд).

Это уже действие превращенного пространства-времени, отражаемого обратно в натурально воспринимаемую эмпирию конституированием и интегрированием опыта. Схемы, стереотип действий даны наглядно как «предметности» сознания. Воспроизводство и трансляция вмещенного —> порождение, творение. Вечная память = вечное тело (ср. припоминание как вхождение в тело Христа).

§ 47. Мировые линии и состояния вокруг точек на них. «Машины времени». «Машина» потому, что (1) в нее нужно попасть, (2) раз попали, она производит действия, эффекты в особой действительности, в «том мире», не имеющие зачастую никаких реальных аналогов. Два языка: один, базовый в «том мире», другой, наслоившийся в евклидовом пространстве 3-х прилеганий, где формы

руют сознание (ср. § 139). Они не имеют значения сами по себе, как таковые. Поэтому, раз сознание структурировано, что угодно может trigger it off. И поэтому же символы исчезают, уходят в глубину («архаическую») под развитием формального аппарата мысли. Но все-таки сначала качественная символическая математика, а затем — формальная абстрактная. Ср. с явлением ранней хропотопичности (слитности пространства и времени) как у начальных форм памяти у ребенка, так и, на начальных уровнях функционирования, у всякой новой (то есть формируемой) деятельности.

=109

Стрела познания

должны проецироваться на соответствия, разрешимость. Фундаментальная двойственность и разнородность. Первый слой скрывается под интенсивным развитием второго, как качественная символическая математика скрывается под интенсивным развитием абстрактной математики. Лишь в исторических «точках роста», в геологических разломах становящегося («молодые науки» и тому подобное) мы видим действительный механизм и строение. Но только в слое трех прилеганий мы можем однозначно и недвусмысленно формулировать и сообщать понятия и описания. В другом слое сообщается и распространяется иначе — неязыковыми способами и формами, передается и сообщается «единичностями», принадлежностью к ним или не принадлежностью — при сообщении («неязыковыми» — в смысле необъективируемыми в виде идеальных значений знаков и знаковых структур, определений и готовых систем правил). Иначе³² не было бы истории: можно было бы сразу обо всем договориться и не договориться было бы непонятно — ведь наука рациональное предприятие и доказанное знание есть доказанное знание, логические и содержательные аргументы всеобщезначимы и всеобязательны и не зависят от того, признает ли их кто-то или нет. Поэтому и вынуждены обращаться к «внешнему». То есть факт истории, выставленный за дверь, допускают через окно и оказываются перед неразрешимой проблемой. Вынуждены о «внешнем» и тому подобном мыслить в терминах «отклонений», «бесконечного приближения» (в силу посюсторонней, несовершенной эмпирической природы человека, его социальности и частнокультурности и тому подобное) и тому подобное. Но это старая просветительская точка зрения. Кроме того, раз ею предположена «истина в себе», то не спасает и линейное выстраивание истории и нагромождение суммируемых знаний в пустом зеве ума: это прокалывается основным парадоксом истории — если бы исторические явления знания в своем

Не говоря уже о сложных онтологических соображениях — время, индивидуация единичностей «разом» и так далее.

==110

М. К. Мамардашвили

случаии зависели бы скрыто от знания всего (и от соотнесения с последним — кем осуществляемым?), то не было бы вообще никакого знания нигде и никогда, мы не знали бы ничего. К черту это скрытое качество!

§ 48. Пространство преобразований, сохраняющее генерированную (то есть ни в одной эмпирической точке наблюдения не воздействующую из самого объекта и точно так же никак не преданную в терминах какого-либо вселенского наблюдателя) меру («неизменное число», «правильность», «норма», «решение», «предмет таков», «надо так», «выбор») — расположение как «близкого» и «далекого», «разделенного» и «неразделенного», «между», «связного» и «несвязного», «внутри» и «вне», «полного» и «дырявого» и так далее и тому подобное. Отвлеченно от изменения, последовательности, одновременно (в смысле вертикального, «стоячего» момента времени). Различительное (как условие знания) расположение таких мер, взятых как «система точек», элементы топологического пространства, являющееся условием возможного взаимодействия. Но каково время этой «одновременности», «одного времени»? Она растянута, конечна, со-стоит.

«До» ---- « между» ---- «после»

/

«сейчас» (ср. 10)

(под «временем» имеется в виду несодержательное строение, формальное «как» изменений; но никакой способ установления временных отношений не может нарушать смысл (определение) термина «временное отношение»).

§ 48а. Эту одновременность (равноправность моментов времени), квазипространственность что-то должно держать в пространственности, одновременной протяженности. Реальное непрерывное пространство этого не может.

С другой стороны, чрезвычайно важна эмпиричность состояния при независимости его от объекта, предмета

(оно — никакое из содержаний!) (ср. § 124). Оно не потому, что таковы предметы, и, следовательно, представляет собой различимую, далее несводимую единичность, индивидуальность, ни к какой системе (например, предметов, в которой извне были бы различимы законы — например, марсианином) не приводимую и имеющую во всяком возможном языке-логосе, который двойствен по определению, статус актуальных («случайных») начальных условий (ср. с недедущуемым «я могу» § 80)³³, а в то же время — многократно-расчлененную всеобщность, индивидуально-единично данную множественность (см. § 138) общего. Одного (то есть внутреннюю связность, не спонтанную, как бы из центра — монадную), поскольку речь идет о созданности виртуального источника именно этих актуализаций (см. §§ 44, 80) как их возможности, ноопоссибилии. «Субъект» здесь есть локус возможных эмпирических субъектов. Различима и для универсального наблюдателя (историка) и принцип различимости внутри самой себя. Эта внутренняя связность прежде всего трансцендентальна или метаязыкова, то есть задает самообраз деятельности, организующий ее и 1) символизирующий способность, источник, 2) нелокальный в смысле «эпистемологически далекого», 3) освобождающий поэтому от зависимых возникновении (которые универсальными силами индуцируются). И все это экранировано. О единичности: дело не только в независимости состояния от объекта, шире — факт, независимый от всего остального мира. И ее феноменальность в простом классическом смысле: сама о себе говорящая, сама себя в себе показывающая.

Снова, уже этим путем, с этой стороны, получаем, что, чтобы могло начаться естественноисторическое понимание и изучение мыслительных явлений, из начальных условий последних должны быть устранены всякие натуральные представления их предметов (всякое нечто, известное им свойственное «само по себе», в силу положе

³³ Вот я и получил мою особую разновидность начальных условий — «согласованных начальных условий» ... для гармоний.

==112

М. К. Мамардашвили

ния, в силу различающих и идентифицирующих «скрытых сил», «качеств», «способностей» и тому подобное). Лишь то можем допускать, что можем породить на собственной, созданной основе. Но этого нельзя сделать, не обобщив операционно-релятивистский принцип на неоднородности и сингулярности. Решив при этом проблему различимости и локализации (которые связаны). К сказанному выше: принцип индивидуации = принципу неотделимости. Он тогда и разрывает тождество бытия и мышления (то есть эфир «выполнения понятия» в полном бытии).

«Время» здесь — пространственно-предметно видимым (различимым непосредственно) смыслом представленная симультанность-синтез (синтез времени, возможность не перебирать в последовательности то, что и не проходимо в конечное время или чего вообще нет). Время — схема смены, перехода, движения, захвата движением разного в Одном. Вернее, время — схема возможного изменения, преобразования в то или иное состояние. Но сначала «качество» должно быть представлено пространственно как предельное или граничное условие взаимодействия (то есть не в том смысле, что оно пространственно, а в том, что представляется в нем — например, в «чистом»). За счет того, что в пространстве осимультанена схема направляющего изменения (свободного, самопричинного преобразования, а не рассеянно причинного) versus неконтролируемые, утекающие изменения. Для нас его (а вместе с ним и весь поток) держат символы. Это связанное время, потеряно оно или обретено. (Но у него и самого есть какие-то возможности.) С другой стороны, задание места, смотря из которого мы видим предмет таким (а не другим). Символ является этим местом. Время здесь — не движение, не последовательность, а временное состояние (символически, трансверсально), законченный и заверченный снимок бесконечно-многого (как раз не будет однозначного распределения прошлого, настоящего и будущего). А последовательность теперь уже будет по континууму событию (где прошлое, которое никогда не было настоящим,

==113

Стрела познания

прочие странные связности). То есть (как сказано на след. стр.; см. также § 9—96) прикрытые накрывающими точками «между» (которые на деле не есть одна и та же точка пересечения) эмпирические «тела глубины» должны быть вынуты из них и для них должно быть составлено, задано, построено их целое поверх и поперек непрерывно сбитой внешней реальности цельного физического мира, данного нам классическим описанием-спектаклем, субъект-объектно разграниченной рефлексивной структурой знания.

§ 49. Виртуальные предметности <-> возможный человек (субъективно-деятельные силы). Возможный мир <-> возможный человек. Зов, обращенный к возможному человеку, ко всякому возможному человеку и во всякое возможное время. Не вневременное, а трансвременное, не внеисторическое, а трансисторическое. Продуктивное воображение — выйти в поле «Божьего усилия» и прорезонировать с ним в продукте и изменении сознания. История как «среда», порождаемая такой «выразимостью» или «зримостью» самого мира (ср. Мерло-Понти).

§ 50. Тогда в континууме «бытие-сознание» несколько иной срез и вневременных истин идеального мира. Иной, поскольку все время предполагается их непрерывное воспроизводство на некоторой оперативной основе. До этого можно было предполагать ее необходимость (и указывать на нее) лишь в объективациях утверждений [то есть для того, чтобы последние были знаниями, а теперь нам нужно, чтобы они были событиями, явлениями мысли, делать их не только эмпирическими, но частями явлений, состояний, что означает уже другую эмпирию — в первом случае они об эмпирическом, а теперь сами эмпирия; а раз эмпирия, то (versus ментализм, спиритуалистические сущности) изволь пространство и время, иначе невозможно знать об этой эмпирии, и это не различительное пространство время содержания (с его расположением в «настоящем моменте» воздействия или наблюдения — здесь всегда пред-

положен объективируемый ряд в универсальной абсолютной системе отсчета), а различительность в измерении «третьих вещей», «третьей субстанции», в бытии мышления]. И сейчас мы идем к условиям объективации, которые сами не объективируются, являясь условиями самой возможности объективации. Континуум событий (и процессов), а не вещей и отражений. В разрезе последних первые не появляются в непрерывно связующей последовательности. Их континуум может быть составлен лишь совместно из бытия и сознания, что является другим измерением по сравнению с объективизированным рядом. У нас не будет статичного мира сущностей, идеального мира в классическом смысле (см. § 39).

§ 51. Не существует никаких ощущений, никаких «sensations». Существует лишь сила, со-рождающаяся среде и артикуляции формы-тела. Амплифицирующие приставки. В наших приставках воспринимаемая природа возрождается, живет заново, еще раз. Уже в экспериментальных устройствах и тому подобное. [В моем смысле, следовательно, не существует и никогда не существовало неэкспериментальной науки (если вдуматься в экспериментальность самого положения сознательных существ и в зависимости испытываемого от создаваемого)]. Так и превращенная феноменальная форма. Она тоже есть независимый эксперимент (в смысле дублирования и повторения в собственных контролируемых условиях). Феномены —> воспроизводство в мире культуры (?). Как выделить этот мир с его эмпирией? Его объекты (события) ведь и не в голове и не там, где жизнь отраженных содержаний, и не в идеальном мире. Как выделить эту проекцию? И объекты (естественные, я имею в виду)? Такой же ли это континуум сознания? При этом еще трансцендентальность пристроек или «насадок» на наш интеллект (что вообще имеет место не только в познании, где эти пристройки или насадки специально рефлексивны, вернее, на которых субъект отрефлектировывает себя в качестве познающего именно данным образом). Они, как и везде, дают амплификацию и

==115

избыточность, в силу которых бытие, показывая себя, в то же время себя и скрывает. Отсюда и исходная множественность. Структурирование места непрерывного воссоздания. Реконструкция себя в у-топосе (как проводника бытия — чтобы оно сказалося).

§ 52. Строением и состоянием должно обладать и время-пространство. Наличие у сознания (то есть у связи «знак — физический смысл, предм. значение») состояний и структур. Или же, наоборот, как было в классике, объекты лишь находятся в сознании (как своей универсальной, далее не разлагаемой мере и условию своей объективированности) и тем самым не дают о нем никакого понятия. Оно само их различительный принцип. Поэтому изучение этих объектов не может быть изучением сознания. Поэтому у меня, наоборот: по предметам знать сознание — то, что интенционально, а не то, что знает себя (но в то же время сознание невозможно изучать как объект, и это должно компенсироваться метапозицией). Наличие у мыслей и высказываний выполнении и реализации («кем-то где-то и когда-то») должно обнаруживать себя и как состояние (конечное, квазифизическое состояние) — иначе мы не знаем, что они значат. (Причем «состояние» чисто полевое определение, а не содержательное; форма, как говаривал Виттгенштейн, есть возможность структуры и «картина может отразить всякую ту действительность, форму которой она имеет» — 2.171. — то есть форма отражения есть общее отражаемого и картины³⁴. Там, где поле сил искривлено, — состояние (почти замкнутая петля в перпендикулярном пространстве). «Единичные представления» (формальная интуиция) или созерцательные сращения предметностей сознания

³⁴ Картина может отразить все то, с чем она имеет общую форму (генеративную форму). То, что внутренне связывает «мир» (законами трансформации, переносов, перестановок, инверсий и тому подобных), — структура. Форма есть возможность структуры. В этом смысле мы и говорим, что она «прежде всего бессодержательна», не имея при этом в виду оппозицию формы и содержания.

{замыкание воображаемого на созерцаемое, созерцаемое в пространстве воображаемого) —> состояния сознания как «геометрия» или «хроногеометрия». Гетерогенность в инд. завершенности и целостности, имеющей собственную историю: и воображение и математика, и понятие и экспериментация, и образ и знание, и видение и аффект (не говоря уже: и внутреннее и внешнее...) (ср. § 77). Быть в состоянии сознания = «я вижу сам» гуссерлевское, «само себя в себе показывает» (не дедуцируемое «как»). В отличие от воспроизводимого в транзитивной цепи всегда и везде. Но структуры сознания, в которые ход через состояния сознания, уже не привязаны к субъектам или субъекту.

В дистанцировании преобразование или перекодирование. (Внешнее актуализируется лишь если информация вводится с помощью кода, приспособленного к системе). Постоянная инскрипция и реинскрипция понятий. В чем? «Как» — пространству = наличию (или отсутствию) преобразований и их связности. Не дедуцируемо. И наглядно. «Я могу».

Что такое «как» временное? «Могу» ведь есть также продукт развития способности, свободное проявление деятельной функции, имеющей «орган» и зависящей от синтеза времени (дискретного) или «разделенного» в смысле Декарта). Например, зависимость свободного проявления от завершенной (то есть квазипространственно симультируемой) последовательности versus спонтанные эмердженции и рассеяния в не охватываемых последовательностях и нелинейных пересечениях. Они-то бесконечные (в смысле неопределенного многого и не просматриваемого в далеком, в боковых, линейно не развертываемых пересечениях и тому подобных, мы не знаем все законы и не могли бы ничего сказать, используем неосознаваемые и неизвестные зависимости и так далее и тому подобное), но смысл завершен — символически. Метафорически: «обратное течение времени». Конституция «здесь-определения» в зависимости от «там-определения» и так далее. Иными словами, произведение производящей бесконечности, которая есть не пред-

Стрела познания

мет, а эффект действия «сделанной» вещи (странной, в том числе и вперед вынесенной испытующей и измеряющей множественности с передачей и распространением внутри нее осознаваемых явлений, ибо хотя восприятие принадлежит индивидуально-психическим механизмам и только ими осуществляется, содержание его не определено без общения и, более того, без давания действовать через себя в точке большим, чем сама, силам)³⁵. Функция этого действия или «машины времени» тогда прежде всего в создании дистанции (неутилитарной и ненатуральной), которая бесконечно обновляет матричное состояние мысли (как, например, в случае эротики, а не порнографии, — призыв желания или желание желания, в случае искусства — эстетическое наслаждение наслаждения, которое только и есть наслаждение *versus* эстетическое потребление так называемого предмета искусства)³⁶ как познавательный эффект, как понимание, которое само не дедуцируемо и в то же время предмет которого, тем самым, никуда не утекает, не распадается, не зависит от психической интенсивности как таковой и которое бесконечно открыто (все время многие и новые экземпляры). Я назвал бы эту дистанцию интервалом в континууме бытие-сознание и определял бы состояние сознания через этот интервал. (Чтобы дать эквиваленты пространственно-временным характеристикам

³⁵ Исключительная численная редкость такой «вещи» по сравнению с громадным числом возможных конфигураций путей и связей мысленных параметров поля. Интересно было бы здесь сравнить статус универсального физического закона (предполагающего бесконечные классы предметов) с такими «всеобщими единичностями» (предполагающими малое конечное число объектов, в содержании которых как раз и высказываются первые!). Проблема здесь 1) в отличии матричных (направляющих) состояний от других, 2) в рассмотрении того, как существование закона включает иное соотношение с начальными и граничными условиями, чем его формулировка (ср. § 147). В конечном счете все это выходит на проблему символических вещественных образований как индивидов (кстати, их еще меньше, чем именных парадигматических экземпляров). Как видим, элемент итерации не устраним из определения такого рода явлений.

как «местам» и орудиям, операторам воспроизводства). Объективирующее дистанцирование. Обучающиеся системы, то есть питающиеся порядком. Самоконструирующиеся и саморазвивающиеся извлечением порядков. Итак, мы познаем не головой, а во вне артикулированными машинами как органами (так же как художник сознает или мыслит через предметы, предметами, а не о предметах, которые оказываются изображенными). Организация машины, ее фантазмов, значений, сцеплений, силовых линий и тому подобного, ничего общего не имеющая с кондиционированием и стимулами (мы не можем прийти к элементарным явлениям ни извне физическими объективациями — ибо эти предметные конструкции не будут иметь операционального и конструктивного смысла в терминах сознательной жизни, — ни изнутри своего рода интроспекцией, ибо явления наслоены и иерархизированы, смещаются наблюдением и обладают эффектом феноменальности). Для построения (и последующей жизни) «тел», «саможивущих» (в том числе — самомыслящих) предметов, «естественных объектов» нужны состояния сознания и структуры, в которые эти состояния нас вводят. Но это содержание может выбиваться. И будет оставаться голая структура (собственно тогда мы и узнаем, что она была), развязывающая теперь деструктивные силы, деструктивный процесс.

§ 53. Если видение есть, то человек не может зафиксировать его в качестве такового — ему неоткуда получить о нем информацию. Волна=пилот: впереди ничего нет. Пока мы знаем, наблюдение не извлекаем (из абсолютной полной суммы информации). То есть мы не знаем, где мы сейчас; не знаем прошлое, настоящее и будущее (в смысле течения в последовательности), а знаем предметностями сознания (не нуждающимися ни в каком прикидывающем «третьем глазе», а лишь в экстазирующей интеллектуальной протоплазме личности и обмене с ней на месте), а это и есть вечность. Ибо что такое веч-

==119

Стрела полнания

ность, как не то, что в какое-то мгновение не знать, где ты находишься? — К сожалению, это только мгновение и длится. Но это мгновение имеет большие теоретические последствия, то есть больше теоретического значения для понимания жизни и истории ума, чем все другие наблюдения.

Поэтому знание и понимание могут в какой-то момент разойтись. Лишь на уровне «больших систем» и появляются несоизмеримости.

С другой стороны, видимость «теоретической нагруженности» эмпирии. Дело в том, что предметности мы формулируем (когда рефлекслируем) всегда на теоретическом языке, но это язык метатеории, а не теоретический язык в объекте, предметности же не являются рассудочными конструкциями (например, пространство, время, символы, квазивещи и тому подобные), пространство и время суть недедусируемые (и определением не даваемые) «как» (еще и при непостоянстве отображений, преобразований и непокрываемости области значений областью определений, при «качестве», так сказать, — опять кантовская «не-рассудочная конструкция!»). Просто у эмпирии и теории один источник, из которого они черпают (и он и в том и в другом случае не есть просто мир, а мимезисный артефакт). И тем самым эмпирия и теория различимы лишь в контексте, конкретно, а не абсолютно. Ср. § 26.

§ 54. Реконструктивный характер («абстрактный», «абстрактные эмпирические объекты») операционально задаваемых состояний наблюдения, разрешающих эмпирически действительно понятия и позволяющих их коммуникацию в тождественных и универсальных условиях, или порожденный (генерированный) характер этих состояний. То есть извне, со стороны исследователя-историка, это реконструктивно, изнутри — генеративно (следовательно, и там, и здесь нет ничего похожего на нейтральную и чистую «данность»). Однопространственность только с эксплицитным включением времени (то есть ограниченной возмож-

==120

М. К. Мамардашвили

ности изменения наблюдения и его распространения по пространству)³⁷. Тем более, что чтобы извлечь Б, приходится так переформулировать (а это — изменение, движение субъекта) субъект, что он не может извлечь А, и, следовательно, и наоборот. Разрешимость и связь с условиями восприятия, в принципе относительные для разных систем отсчета (вернее, пространств), не поддающиеся неограниченному подразделению (то есть выражению до конца в языковых правилах и нормах), содержащие абстрактные свойства эмпирических объектов, реконструируемые или генерируемые и «испытываемые» на основе известного, а не видимого (соответственно, наличие нереализованного, неиспытанного, непережитого — потому, что непонятого, то есть неизвлекаемого на основе этого известного). И важное — переопределенность или недоопределенность этой связи. Физические условия содержат (не содержат) условия применения понятия понимания (см. стр. 312 дисс.).

§ 55. Абстракция являющегося знания versus абстракция бесконечности показывает, что не учитывают:

1) нет «данностей»

2) субъект производится (косвенная, вынужденная констатация этого: «должно умереть, сойти со сцены поколение», — но это на деле не психологическая или педагогическая проблема)

3) знания — не рассудочные сущности в голове или в идеальном мире.

§ 56. К проблеме наличия (или отсутствия) в физических условиях условий применения понятия понимания: революция = восстановление последних в условиях дест

³⁷ То есть фиксация наблюдения происходит и во времени смысла и понимания (а не в «настоящем моменте» воздействия), вернее, во времени поля наблюдения, в его состояниях, в конечных пространственно-временных областях, где его параметр — связанное или связующее время — есть оператор для «направляющего состояния». Время в этом смысле может быть определено как мера (мероизмерение) возможностей пространства (имея в виду, конечно, связанное пространство состояний и путей).

Стрела познания

==121

рукции. То есть революция это такие процессы, развязываемые открытием, которые 1) вызывают при попытке помыслить это открытие такую деструкцию, 2) восстанавливают условия понимания, то есть условия мыслимости. Это одно и то же в разных выражениях. Установление чего-то нелогическими или внелогическими (незаконными) средствами — не просто факт резкого изменения, а форма его имеется в виду.

§ 57. При использовании информации (то есть прошлых фиксаций сознательных наблюдений) иное, по сравнению с классическим правилом: чтобы воспринять, нужно было знать (например, знать правила относительности, диаграмму Минковского), и, следовательно, наоборот — что-то не было в действительности пережито, испытано, потому что не было понято, и, следовательно, этот опыт нельзя использовать классически (перенос по всему полю наблюдения, одновременность сознательного знания), что ставит иначе вопрос о способе бытия испытанного во времени (его надо еще действительно пережить и дать ему этим существование во времени; прошлого уже нет, но оно никогда не было настоящим (выталкивание прошлого и втягивание будущим)).

В аппарате философии меняется фиксация места деятельности (которой только и могли даваться — через субъекта — ноуменальные характеристики, негативно символические): оно не в человеке, не в головных целеполаганиях, а в предметах, в чувственно-сверхчувственных экспериментальных агрегатах. Та часть символов, которая утопает в вещах, утопает именно в них. И именно им отводится роль ноуменов в символическом отрицательном мышлении. Башляр, как мне кажется, именно в этой связи говорил о «ноогенном» ноумене, то есть о мыслепорождающей сущности мысли. Следовательно, не рост информативности, а рост ноогенности. (Как раз из меньшей по количеству информации может извлекаться больше порядка).

§ 58. Неизвестное в инопространственной области (в «абсолютно безразличной для нас области», в терминах

==122

М. К. Мамардашвили

физики). Резервуар случайного. Но производимого самой наукой и поэтому сопоставимого с научным знанием.

Непредсказуемые события непонятны (в объективированном видении). Непредсказуемые события непонятны в феноменальном универсуме.

§ 59. Абстракции: 1) упорядоченное состояние (беспорядочное появление которого мало вероятно), 2) порядок только из порядка, 3) феноменологичность (редукция объективации), 4) в силу феноменологичности, неполнота бытия, 5) трансцендентальность воспроизводящих приставок в дырах бытия, 6) история как среда, порождаемая таким выражением бытия (мандат развития, творчества); символическая среда обитания, среда синтеза, 7) реальное событие (явление), а не знание (события мысли таковы же, как любые другие события свободного действия). Только через сознание мы выходим в инвариантный (относительно способа представления) мир, а оно не универсально и квантовано. Следовательно, множество ковариантных вырезок.

Встроенная в сознание не локальность (поэтому и нужно от особым образом задаваемой онтологии идти к сознанию, а не наоборот). А бытие неполно. Структура сознания располагается в этой неполноте, заполняет эту дыру бытия — в смысле условия превращений и развития. Полон лишь континуум «бытие-сознание», то есть бытие и сознание, взятые вместе. Но мы в нем и для нас как обучающихся и развивающихся есть состояния-пилоты, впереди которых нет чего-либо (неполнота), а с точки зрения его самого все уже есть.

§ 60. Прошлое еще существует, то есть в каком-то смысле оно еще не случилось, и надо дать возможность ему действительно случиться, «разродиться» наконец. «Время» смысла (осмысленности) и понимания (вернее, то, что мы называем временем и что, в действительности, является каким-то свойством или параметром, формальным состоянием поля наблюдения). Время понимания — не данного содержания данным субъектом, а наличия символа, ква-

Стрела познания

зипредметности, возможности актуализации символом мыслей. События происходят не только в пространстве эмпирического бытийствования содержания и «настоящем моменте» наблюдения, но и во времени пространстве смысла и понимания в указанном выше смысле, то есть в едином континууме бытия-сознания³⁸. «Что же на самом деле, что же действительно?» — имеет смысл только в этом континууме. То, что можно сказать о событиях, происходящих не только в физическом пространстве, но и в пространстве смысла и понимания, относится *ipso facto* и к истории мысли, к способу жизни событий этого «мира»: еще не случившаяся мысль («прошрое») живет во мне, и в этом все дело, а не в эволюции, предвосхищении, повторении или памяти. Это способ жизни мысли, а не эволюционная схема во времени. Это ее саморефлексивность, которая мне кажется эволюцией и развитием. Смысл, ищущий себя. Это бытие культурного явления (а не память и тому подобное). На деле, отразиться в символическое пространство-время, найти себе в нем место — значит, самоосуществиться. Но никогда полностью. И, следовательно, способ бытия явления, а не память о нем. Поэтому речь и идет о живых существах, хотя и не эмпирических индивидах в человеческом смысле, и они исключают средства наглядного языка.

³⁸ Где существуют, где находятся, например, наблюдаемые (Галилеем) спутники Юпитера? (Ср. § 87). Я имею в виду «существование» вещей как таких, о которых что-то говорится нами (научно или ненаучно) на тех или иных основаниях, о которых мы говорим или не говорим то или иное на тех или иных «разрешающих» основаниях (то есть это и есть логос как закон говорения в этом смысле), а не вообще существование вещей. Речь идет о пространствах, содержащих и объект и говорящего. Наблюдаемые явления происходят не абсолютно, а в таких пространствах. Согласно обобщенному операционно-релятивистскому принципу. Ср. § 10, где показано, что эйнштейновская точка пересечения (точка «между») не есть одна и та же точка пересечения (в смысле топологии, меняющейся от точки к точке). Более того, накрываемые ею глубины могут быть вынуты и составлены в свое целое (но так же незамкнутое, как и объективизированный внешний ряд). Или незамкнутое как раз в отличие от объективизированного ряда?

§ 61. Соображения, вытекающие из анализа фундаментальных взаимосвязей сознательного опыта и природы. (Ср. Кант; познание было бы невозможно, если бы природа «была дана сама по себе независимо от первых источников нашего мышления» — 3.710). Что и есть трансцендентальный аргумент.

Разница исторического и логического понимания содержаний и операций. Время как средство анализа и повторения в первом случае. В универсуме деятельности имеет место это первое (причем вовсе не на стороне историка). «Сам знает» versus логическое понимание истин и значений.

Конститутивное отложение = навсегда (например, понятое понято один только раз и раз навсегда). Это важная вещь, отличающая действия свободной генерации в структурах как от невечности вещей, так и от невечности психических состояний (и от вечных истин). Особая устойчивость и вечных истин и опытных ситуаций.

§ 62. Абстрактно-наглядные сочленения, связки сторон всеобщего предмета. «Созерцание» и «схватывание» до формулировки связи понятий и выводов теории. Именно в той мере, в какой связываются предметные воплощения и результаты деятельности, образуется мыслительное поле, в котором целое воспринимается раньше анализа частей (и более того — правильность и очевидность абстракций, в рамках которых этот анализ будет осуществляться рассуждением), предваряя формально-логическую связь понятий и всего целого мыслительного действия (общей идеей и стратегией решения, которые не излагаются при изложении решения). Наглядная символизация предметов и сторон предметов, позволяющая «разом», «моментально», «интуитивно» схватывать (и обработанная на эксперименте и создании предметов). Чувственно-конструктивная (то есть чувственно-сверхчувственная) модель, конструктивное поле созерцания, управляющие восприятием вещей. Снятие противоположности эмпирии и суждения, «идеи» и предмета. Это предметная форма культуры (а не предмет,

==125

Стрела познания

данный извне). Эмпирия сама по себе не есть творческий принцип, не содержит его. Самообусловливание человеческой деятельности (через предметные воплощения и последствия). То есть всеобщий предмет саморазвивается (познание есть эффекты этого саморазвития в головах). На его стороне лежат условия, при которых и на которых анализ будет осуществляться в формах рассуждения и доказательства.

Неважно, как назвать эту предметную форму — «творческим продуктивным воображением» или «интуицией». В качестве интуиции она — превращенная форма деятельности, снимающая путь. Создание квазинаглядности и непосредственной очевидности избавляет от необходимости каждый раз фиксировать происхождение исходных идеализации, их отношение к наблюдаемым явлениям, но более того содержит и дополнительный эффект — машину развития. Зависимость последнего от переопределенности или недоопределенности. Только развитием мы можем извлечь то, что есть. Абстрактные прообразы («атомы», квазичастицы ума), работающие на порождение, генерацию (Платон). Восстановить соприкосновение с первичным хаосом и снять превращенность — новое развитие (ибо каждая машина бесконечности конечна, не может быть беспредельно растянута в своем действии). Мир «вздрагивает» и каждый раз — через состояние — инаправлен.

§ 63. Эвклидово (абстрактное) пространство трех прилеганий (то есть в нем и от того и от другого и от третьего)³⁹, в которое разворачивается то, что ест в конечных областях моего пространства-времени, в моих «направляющих состояниях». Но при таком взгляде иначе видится и

³⁹ То есть выражения должны 1) иметь физический смысл, 2) соответствовать чему-то в субъективности, в аппарате отражения и его возможностях (моделей, созерцаний и тому подобных), 3) выполнять какое-то значение из идеального мира. И, следовательно, точками нашей абстрактной плоскости являются смешанные, трижды протяженные состояния («величины»).

==126

М. К. Мамардашвили

идеальный мир, вернее, на ином срезе — в нем видна вариация абстрактных (математических) структур теории. А на другом краю — культурная ниша пространства трех прилеганий, куда оно «вложено» (а в него, в свою очередь, вложены пространства-времени). Набор абстрактного пространства из точек $n3$.

Фон, облако прошлого (существенно влияющее на будущее — отсюда видимости движения из будущего, «втягивания» будущим). Эффект отключенных пространств и их судьбы. А до этого для объектов, которым негде в себе записывать свои предыдущие состояния, мы имели явления и процессы, вся «память» которых = информация, содержащая в абсолютно однородном пространстве-времени, в котором они протекают. Воздействие целого на части с помощью пространства, то есть выполнения предельного понимания, ситэ (как категориального пространства, наделенного структурами предельного перехода и логической бесконечности), равного полному предмету, полному бытию. Все они завершены, восполнены в пространстве наблюдения, в предельно понятом. И, наоборот, язык события и процессов делает все относительным, инскриптивным — в случае, когда есть записывающие квазиобъекты. Логическое пространство \leftrightarrow квазифизическое (то есть выполнимое определенными вещественными средствами) пространство. Но если ввести неметризованное категориальное пространство отображений и надстраивающихся расслоений, то расчленение и того и другого будет несколько иное, через феноменальный мир идущее к саморазвивающимся системам и их пространствам — к их особой (теоретически строяемой) действительности. Мои «третьи вещи» будут здесь элементарными выделенными объектами, ситэ которых — прерывчато-непрерывная сфера. То есть = универсуму полного бытия. Плюс внутри — дискретные, квазифические пространства. Связи и их развязывания, замыкания и размыкания, кристаллизации и снятия кристаллизации. Внутреннее информационное пространство-время. Есть

==127

Стрела познания

дискретные пространственные многообразия (к тому же еще расслоенные), могущие быть отключенными одно относительно другого, и есть прерывчато-непрерывное пространство всех этих пространств, только в котором или через которое можно выявить накрывающую гомотопию первых [например, установлено — см. Ж.-П. Серр. Сингулярные гомологии расслоенных пространств. В сб. «Расслоенные пространства и их приложения», М., 1958, стр. 32 — что если мы установили разделение зависимых и независимых слоев, то характер такой зависимости должен все время сохраняться, что удивительно совпадает с моим анализом надстраивающихся явлений и расщеплений! И вообще — по К. Телеману («Элементы топологии и дифференцируемые многообразия» М., 1967, стр. 296 и следующие) — свойство накрывающей гомотопии выделяет из всего многообразия структур, зависящих от других, параметризующих их структур, класс инвариантных проекций, сохраняющих свой характер при произвольных непрерывных деформациях этих структур параметров; это свойство накрывающей гомотопии позволяет ввести в произвольные собрания объектов связности и инфинитезимальную метрику; это важно, ибо, если у меня на уровне пространства-времени¹ невозможны произвольные собрания, то сферическое, пульсирующее пространство пространств как раз характеризуется такой произвольностью и требует дополнительной связности и метризации]. Смена ситэ не есть смена культур, ситэ это то, что в нас онтологично (versus ~~пространство-время~~ пространство-время¹ (или состояние сознания, Урбильд как пространство-время) есть формальное «как» квазиобъектов. Квазиобъекты — физические реализации сознания, «бессознательные» по отношению к макроструктурам. Их различная (и возрастающая) информационная емкость (или емкость абстрактно-символических протяжении, модулирующих преобразования предметов как интеллигибельных). Эта емкость всегда как минимум на порядок выше, чем содержание элементов. Генеративная

==128

М. К. Мамардашвили

сила + организация последовательности versus произвольная эмерджентия. Новые симметрии и гармонии (которые «вырезаются» Урбильдом, скрыто работающей «картиной мира», машиной гармоний и развития).

§ 64. Со стороны мира — «возмущения». Новые понятия суть найденный способ объективирования «возмущений», в которых дает себя знать непокорная самостийность реальности, ее самозаконность. Каждый раз конструкция субъекта. Таков же и механизм смены теории: извлечение информации (уже проявившей себя в качестве таковой, то есть «смешанного» явления), неизвлекаемой без новой теории и ее субъекта. Все это не менталистские акты, а жизнь, телесные деяния. Значит ли это, что развитие в принципе рефлексивно? Выше о внутреннем пространстве: воспроизведение на своих (самим создаваемых) условиях — именно в этом смысле физическая реализация сознания.

§ 65. Мы действуем, познавая, но лишь образ этой деятельности позволяет нам извлечь информацию из произведенного действиями — так же как мы считаем, а сосчитать мы можем, только имея образ времени (времяоператор, хронон). Отсюда (рефлексивная) однопространственность и принадлежность одному времени — вхождение, тогда эта информация. Например, не реальное число, а оператор. Ср. пифагорейскую единицу. То есть образ времени сам есть время (в смысле времени состояния, а не умственного рассудочного построения или времени как последовательности).

Мы видим вещи (в смысле «понимаем как...») в своем пространстве и времени, то есть в пространстве и времени нашей первичной символической сознательной жизни.

§ 67. Хронотоп, то есть связь времени с пространством, его превращения в пространство и наоборот, подчинены определенным ограничениям: 1) вносятся мнимости, мнимые значения, 2) связь не универсальна, то есть мнимости имеют интерпретацию только для одного простран-

==129

Стрела познания

ства. Следовательно, расцепление объекта и модели (человеческой) в пространстве-времени (всегда каком-нибудь).

§ 68. Орган зрения не есть глаз, а чувственная ткань, простирающаяся в мир вне отграниченной, видимой дискретной формы тела индивида. Но это именно «проработка», а не детерминизм: нет вынуждения к человеческому, нужен всегда дополнительный принцип «поддерживающего воплощения» (для которого нет наглядной механической модели). В проработке сознанием психики (и материи) и образуются органы, образуются квазивещественной укладкой, инскрипцией понятий и значений (живущих теперь своей собственной, неконцептуализируемой жизнью) и не существуют вне «проработочной» сферы сознания каким-либо натуральным образом (хотя проявления их действия и наблюдаемы со стороны физически, будучи, тем не менее, естественными законами не объяснимы). Это и не материя, и не дух. А в составе космоса есть. Штуки (артефакты) бесконечного, испытующего характера. И вот, вместо того, чтобы гадать о внутреннем...

То есть речь идет не собственно об органах чувства, а об органах понимания и действия. Термин «органы» к ним применяется в силу их физикоподобности, в силу функциональности отправлений, не требующих прохождения через рефлексивную инстанцию, через некий «третий глаз». (Они в «среде свободного становления» versus актуальная бесконечность и один-единственный абсолют).

§ 69. Как ни парадоксально, без допущения, что человек всегда логичен и всегда мыслит точно, мы не можем рационально понять историю. Для теоретической истории не существует глупости, ошибок или заблуждений (как инстанций объяснения) — так же как доказанное знание есть знание и существует независимо.

§ 70. Предоставленное самому себе, игре вероятностных механизмов (флуктуации и пр.), свободное действие не происходит (ничто предоставленное самому себе не ве-

дет себя свободно, то есть ему не вырваться из инерции естественного, «заведенного» и тем непрерывного хода вещей с его накоплением невидимых следствий). Ему нет места, поток механистически непрерывен и в нем нет «причины» (в смысле лейбницевского основания) что-либо делать иначе, выпадать и вырваться из непрерывного действия (антиномии которого, кстати, прекрасно показаны Кантом применительно к естественно-причинной картине мира; несколько другой аспект выявили древние индусы в связи с проблемами личностного спасения и реализации тотальности сознательной жизни; впрочем, в античной греческой традиции было и последнее). Нужна сильная или сильно структурированная машина (машина преобразований или преобразовательная машина), самим свободным действием подставляемая под себя, чтобы энергия флуктуаций, громадного числа единичных разнородных мысленных актов (эта брешь детерминистического мира) становилась энергией, питателем свободного действия. К тому же, с точки зрения содержания возможного свободного изменения, течение абстрактного времени, как видно был еще Декарту, никак не связано, не содержит никакого синтеза: ни один последующий его момент в этом плане (хотя само время плотно и непрерывно) не вытекает ни из одного предшествующего⁴⁰, то есть полное

⁴⁰ Поэтому речь и должна идти о синтезе времени: направленного порядка нет ни в естественно становящемся ряду показаний аппаратов отражения (ведь наблюдения осуществляются последовательно или в последовательности) — последний размывается временем и в нем повторяется ошибка, забвение, не видение, а если есть и мы его наблюдаем осмысленно и согласованно в разное время и у разных субъектов, то это значит предположить уже наличной воспроизводящуюся экспериментальную ситуацию, а она как раз еще должна быть введена (и когда будет введена, процесс нельзя будет обратить), — ни в последующих «чистых» соображениях, выводах, сравнениях, сопоставлениях, дискурсиях, осуществляемых мыслью под черепной коробкой, ибо как нам хотеть мысль и потому ее иметь?! — процесс может остановиться и прекратиться вовсе на любом месте до конечного состояния; не время его связывает и не какая-нибудь реальная связь в вещах-предметах мысли (она ведь должна установиться «один раз и только один раз» как

==131

Стрела познания

отсутствие индивидуальной определенности (ср. в квантовой физике о нарушении в энергетических взаимодействиях эквивалентности ситуаций со временем, если эволюция во времени будет определяться в теории не преобразуемыми волновыми уравнениями). Поэтому речь об амплифицирующей или усилительной машине, «машине времени», «ноогенной машине»⁴¹. Тогда можно говорить о свободном действии как особой форме активности, принципиально выделенной, как я говорил, и личной в мире в связи с существованием в нем сознательных существ, способных на опыте учиться и развиваться посредством этого, то есть превращать и размножать себя во множество других, подобных себе существ.

§ 70а. Напряжение (трансцендирующее) — время (синтез времени; он внесение вечности во временное, но вечности динамической, на напряжение держащейся). Напряжение -> историческая сфера или сфера исторического как порождаемая среда выражения и жизни этого напряжения, как бытие усилия в смысле Канта (что, кстати, = «религиозному» происхождению истории). Специфическая активность как признак мыслительной жизни (отличающий производимое жизнью от мертвой природы, не жизни). Синтез и история как его среда («божественная протоплазма» синтеза). Здесь мы должны найти экстенсивное (конечное) выражение для «действительностей», для качественной субъективности, интенсивностей, раз в этом процессе), а транснатуральная сфера сознания, сознание, синтез времени, беспредметное сознание возможности нас самих в качестве знающих и понимающих то или другое). Элементы многообразия (соответствующие определенным жизненным мгновениям), без необратимого соединения которых нет никакого учения на опыте, временем, наоборот, разобщены. А когда вновь соединены, то имеем двуединство или двумириность, состояние двойного бытия, ум на грани двух миров («на пороге как бы двойного бытия» у Тютчева). Но за определенными пределами накопление таких преобразований (важнейшие из них ведь являются символизирющими!) развязывает деструктивные силы (через которые природа как бы показывает разницу между собой и нашими символизациями).

==132

М. К. Мамардашвили

бесконечных, если их брать в качестве субстанциональных мировых точек (а не математически безобъемных, какими они предстают на гиперплоскости 3-х прилеганий, — в этом смысле круг замкнулся: мы вернулись к той проблеме, которую наука нового времени, в полемике со средневековым аристотелизмом, решала применительно к изучению физических тел, только теперь все это применительно к анализу сознательных явлений, вернее, логическому пространству совместного рассмотрения и физических и сознательных явлений). Напряжение — это жизнь в мире потенциалов, а не актуалов, и поэтому всегда возможность чего-то иного, непредсказуемого, бесконечного в этом смысле слова. [Но (ср. § 106) у меня «действительности» как раз конечны, растянуты по пространству и t области; бесконечность есть лишь отсутствие внешнего (и внутреннего) авторитета и источника]. В мире потенциалов, то есть в мире полного действия или через него, соединены все миры. История, ее поток рождаются самим поиском истины, то есть являются ее множественной растяжкой, стоянием одного (лишь в этом смысле нельзя в одну и ту же реку ступить дважды: если свободен и полон в А, то всегда будет другое. Б; если что-то действительно говорится, то в принципе нельзя сказать одно и то же). Но здесь нет времени, оно против потока реки. Так сказать, вечная молодость. Вот и непрерывность появилась:

одно неотлично от другого, старое — от нового, между ними нет времени. То есть не можем расчленять по времени, линейно увязывая моменты с последовательностью реального протяжения. Если я абсолютно понял сказанное Гераклитом (или Ньютоном), то, будучи другим, оно неотлично от него самого (непрерывно и вечно) — время гомогенно плотно и его нельзя воспринять. И оно же (то есть говоримое в свободе, в предельной полноте действия) прерывно — в силу «конечного вращающегося», в силу того, что для того, чтобы это было, надо «запрокинуться назад» и дать породить себя впереди (то есть совершенно особого распределения прошлого, настоящего и будущего), поскольку мы свободны лишь в смысле акта создания акта

==133

Стрела познания

мысли и последний, следовательно, не определен и не подразделим до конца. Тогда можно получить пульсирующую сферу, континуум бытия-сознания.

§ 71. На напряжении достроение мира, восполнение, завершение и дополнение ситуации, построение реальности, которой не было, версус наличная (символы, задающие строй мысли и понимания *versus* изобразительные элементы). Амплификация «возмущений» и лишь на этой основе завершённая последовательность (символическое время и пространство). Но сопротивление реальности (самостийной и самозаконной). Снова на напряжении разложение наличного мира, раскалывание порядка, раскалывание и преодоление мира. Из осколков мира, из изобразительных элементов, развязанных из своих обычных и естественных связей, осколков «реальности» строится картина мира (не обязательно всего мира, так... картинка). Тексты, то есть имеющие смысл материальные образования и композиции из них. Они характеризуются избыточностью (динамизирующей) *versus* изобразительность, включают обязательно конструкции, не имеющие никакого реального аналога. Тело квазиобъекта представляет собой алфавит, то есть всегда конечный список смысловых единиц и правил их композиции. Снова сопротивление реальности любым своим представлениям, в том числе и самопредставлениям. Это как бы ответ сферы сознания-бытия на наши вмешательства (ответы, в принципе поддающиеся пониманию, интеллигибельные).

(Но нужно для начала различить, выработать понятие, в котором можно было ухватить и мыслить факт такого сопротивления, — то есть различить фактические отношения и представления о них. Этот шаг впервые сделан Марксом в своей области.)

§ 72. Но вернемся к сопротивлению (и флуктуациям). Создание экспериментальной, испытующей макроструктуры, усиливающей его, — это может быть как самоусилением, таким и усилением другим со стороны; во всех

случаях две разные природы, новый принцип, то есть в машине времени что-то должно быть другой природы, чем реплицируемые ею (уже на ее собственных бесконечных основаниях) вещи. Внесение избыточности или же экспериментальная динамизация, осуществляемая живыми, сознающими существами. Условие перехода к новому порядку, интегрирующему большее число фактов и тому подобное, то есть развитие. Асимптотически исчезающие флуктуации ведут к радикально новым чертам (порядок из амплификации беспорядка), новым структурам и симметриям (с нарушениями на предшествующем уровне — например, симметрии между поступлением информации и ее извлечением, симметрии «я», времени и тому подобное). Последние могут быть инкорпорированы лишь через сферу (то есть через сверхпространство по отношению к символическим эстезисным пространственновременным протяжениям). То есть факт развития требует этого понятия или постулата (динамическое условие, в отличие от превращенности и кинематического формализма, лежит в интенсивности в указанном выше смысле, в сцеплениях и кристаллизациях, в накоплении и работе невидимых следствий и борьбе с ними усилием полного действия, верхушка волны которого и несет на себе «существование» вещей, их дление в воспроизводстве). Вселенная пульсирует, там, где макровзгляд видит пребывание, на деле пульсация. Основания (свободного действия, свободного явления) должны быть бесконечными. Но подставляются они на место натуральных всегда конечным образом.

§ 72а. Есть принципиальный разброс явлений (индивидуальное). Но невозможность контролируемо представлять изменения условий повторяющихся массовых явлений (результатом какой и является их статистика) имеет не гносеологический лишь смысл, но и онтологический, касается элементарных процессов, индивидуальных явлений (физика показала, что последнее имеет смысл, лишь если термин «явление» означает «нечто + способ извлече-

ния информации о нем», то есть относится ко всему целому ситуации наблюдения). Это ясно из постулата понятности в пункте 4 «Трактата». Хотя мы ничего не может сделать здесь такого, чтобы нечто обязательно подумалось там, и, по определению, производителен лишь труда производства силы — в одной экземпляре (готовое мы лишь усваиваем, а не производим); не задается ли исторический индивид тем, что на изменения условий накладывается избыточность и пароксимальность в интервале отсроченного действия — как бы контролируя неравное равнодобавленным?). Хотя невероятно, чтобы это подумалось (при вынуждениях инерции, дискретности времени, хаосе субъективности и индивидов), тем не менее думается и зачинает все более вероятные состояния порядка (что прямо обратное росту энтропии). И статистикой закона больших чисел описать этого нельзя. Необъяснимая устойчивость: столь сложно организованное и при этом устойчиво воспроизводящееся явление-многообразие не может производиться случаем и селекцией в слепом разбросе. Необъяснимы как устойчивость, так и множественное строение устойчивого. Если не придерживаться, конечно, чисто менталистского взгляда, предполагающего неуловимые акты «нормального восприятия», чистой мысли, обучающейся подчинением себя усваиваемым извне идеальным значениям, сущностям, нормам и ценностям. К тому же, нет основания или причины для свободного действия и случайно само собой оно произойти не может (ср. § 70, 94): в том смысле, что инертный ход вещей в себе вполне основан и не содержит причины, чтобы было иначе (в том числе и неизвестной причины). Случайно, «само собой» произойдет как раз не свободное явление, закон больших чисел будет производить явления внутри одного класса. Следовательно, за появлением индивидуальных явлений не может стоять машина, бросающая кости. Вероятность равна нулю, и тем не менее все более вероятные состояния (в силу этого же постулата понятности). Познание, то есть появление индивидуальных явлений (каковы, безусловно, познавательные акты и

содержания), не может быть продуктом игры в кости. Напрашивается представление, что для того, чтобы случайные процессы могли производить законы, чтобы хаотически и в не выводимой связи появляющиеся индивидуальные построения или конфигурации мысли могли содержать упорядочения (довольно жесткие!) в объективизируемом ряду, должны быть все-таки какие-то направляющие или канализирующие траектории, «самосогласованные пучки» действия (стоит еще раз вздуматься в невероятность согласованности и устойчивости такого чудовищного множества разнородных актов). Нас ждут структуры (в точке, где мы воспринимаем и оцениваем, выбираем и решаем), которые нас «учат», «подсказывают» («природа» как guide). А не чистая статистика и слепой разброс, подвергающийся селекции или перебору. Их действие за нашей спиной, вернее, из-за спины вперед, в так видимое, выбираемое, решаемое, и есть естественное действие. Пространство — потенциалы порождения, генерационные потенциалы и функционалы (вернее, различительное расположение потенциалов). Быть в пространстве (я в этом пространстве, он не в этом пространстве...) = понимать, ибо пространство — условие всякого понимания. Всегда уже расчлененная понятность. Но двойственность в самом сердце сознания (янус-факт или янус-онтология?). Состояния сознания, независимые от сознания, и поэтому описуемые объективно. Качественно различные «действенности» как субстанциональные мировые точки.

Таким образом, речь идет о творимом — с предпосылаемой топологией (метрика потом). Это теория одного творящего акта, одного события, события. Вся проблема в том, чтобы показать топологию (вернее, хронотопию) в «порядке порядков», в «законе законов».

Ряд нитей, какие нужно было бы тянуть:

1. «Данность» не есть первично ясное понятие описания работы ума или его истории. Она лишь сторона исторического индивида или «размазана» по нему.

2. Генерированность (а извне — неконструированность или абстрактные эмпирические свойства и предметы); поскольку факты — это янус-факты на границе соизмеримого, а разница представлена в фактах мнимостью, символической «понимательной материей».

3. Исторический индивид — физические и сознательные явления (выщеленность этого как принципа и различия). Наличие «внутреннего» (внутренних продуктов, «собственного» пространства и времени), экранированного по отношению ко всему остальному миру. Таких состояний нет в числе или среди физических действий.

4. Космизм.

5. Внешнее и внутреннее (в смысле отношения к видимому в стороннем или вселенском наблюдении): внешняя непонятность, «космическая чудесность» продуктов, наблюдение поведения с видимыми, слышимыми и так далее знаками-вещами ничего не дает, можно знать словарь и не знать мир, надо с чем-то другим, ухватывающим внутренние продукты, научиться обращаться так же объективно, то есть не обращаясь к неконтролируемым допущениям механизмов, полагаемых в тайниках индивидуального сознания и даже самым индивидом неконтролируемых в его «чувстве сознания»; какой-то иной перевод внутреннего во внешнее с учетом сдвига и топоса.

6. Дихотомия законов и начальных условий в содержании объективного знания, и как выглядит она в феноменологическом срезе знания о знании, в континууме «бытие-сознание»?

7. Наложение организованной машины на их изменения и гармонизацию (связности организации условий производства знания).

8. Действия мира на нас определять с самого начала в континууме «бытие-сознание». Не можем чисто и отдельно выделить ни то, ни другое.

==138

М. К. Мамардашвили

9. Множество сознания в смысле топологии (а не эмпирической множественности). Пространственно временной синтез многообразия, его бытийная хронотопия.

10. «Невидимая» история как среда или протоплазма кристаллизации; следовательно, механизм содержания в точке. Но это именно история, то есть упорядочение ни содержательно, ни аналитично. Лемма к феноменологической теореме.

Короче, если все предшествующее можно резюмировать тезисом: ничто не ведет эволюцию извне, то нужно добавить, что нет и эволюционного вызревания состояния (наличного): а) мы в цепи превращений, а не вне (ср. § 78, 98, 106), б) порядок в мире — о чем знали уже Декарт, Витгенштейн и Гуссерль — не преддан (в феноменологическом смысле). То есть порядок знания и понимания дискретен (по отношению к нашей попытке вывести его из мирового ряда или же из рефлексии). Дискретность (или дискретная выделенность) исторического индивида. Можно ввести лемму к феноменологической теореме (к тому, что упорядочение и не логическое и не содержательное): мы не можем предполагать, что знаем мир, который воздействует на субъекта, то есть знаем его помимо сообщаемого (самим же субъектом), мы в этом же ряду и не можем непрерывно восстановить (явление знания и наблюдения не только не определено полностью в момент явления, но и его определение не непрерывно; а когито такую непрерывность предполагает). Обратимость — необратимость.

§ 73. Развитие есть не то, что мы понимаем, а то, посредством чего мы понимаем (или: только развитием мы можем выявить то, что есть). А это значит проявление способа бытия (в отличие от небытия изменения). «Развитие» — человеческий термин. Третьи вещи являются особыми также и в смысле особого способа их схватывания: нечто мы усваиваем развитием, а не открытием и усвоением

==139

Стрела познания

истины, и в этом смысле наше познавательное отношение к третьим вещам является особым, как и сами эти вещи. Глобальный со-бытийный континуум, глобальное пространство-время. Это космо- и микроанализ. Три взаимосвязанных условия специального континуума (событийно-бытийного) развития: 1) накопление «невидимых следствий», расшатывающих симметрии и ввергающих нас в непонятное абсолютное будущее — в силу множественной событийности того, что макро-взгляду кажется одним событием, 2) факт нулевого высвобождения (соприкосновение с первичным хаосом), виртуальное априори и его генеративность, 3) сверхпространство для новых черт (вернее, эти обстоятельства требуют, для правил связности, изображения (монад или полей) через одно сверхполе пульсирующей, прерывчато-непрерывной сферы). «Вечно живое» — закон неслучаия: события не случились, они длятся, со-бытийствуют друг другу (то есть в этом смысле есть все, никогда не составляя законченного целого).

§ 74. Единица подхода —

— событие

(вечно живое, безразличное к тому, что было, и определяющее, что будет; тянущее за собой прошлое и предопределяющее будущее)

— волна распространения состояния (это формальная связность)

— естественные объекты (структуры), сверх-индивиды (имеющие форму-сущность и тело). (Они устроены определенным образом, и то, как они устроены, так они и развиваются.) Первая связность события (со-стояние) есть форма в смысле возможности следующей связности события — содержательной структуры (но это именно структура, а не предметное расположение содержаний).

Versus самому себе равный, единый, «высвечивающий» ум, в котором в определенной последовательности (фиксируемой по шкале абстрактного хронологического

==140

М. К. М амардашвили

времени) выступали бы объекты, обсуждаемые, аргументируемые, критикуемые на основе некоторых «данных».

§ 75. Распространение состояния и вместе с ним генеративных условий смыслопорождения (незнания, к которым приложимы правила знания, то есть упорядоченности представлений); суть ведь порядка знания состоит в его способности порождать или потенциально в себе содержать другие упорядоченные и интеллигибельные состояния, вернее, объекты, которые интеллигибельно могут быть проведены в состояние (по определению: знание есть способ производства других знаний), принцип интеллигибельности новых связей.

§ 76. Из-за надстроенности (идеологичности) потеря объектами естественности, выплеск неконтролируемых сил и процессов (дающих, в частности, переносы из языка описания в язык-объект⁴²; можно контролировать эти переносы вопросом: а понял ли бы дикарь, о чем я спрашиваю его общество, культуру и сознание? — и не обманывает ли он меня сознательно — злобное коварство?). Невозможность определенных вопросов в силу операционно релятивистских критериев. Ср. рассуждение Вигнера о том, не подсовываются ли нам начальные условия.

Ограничение возможности наблюдателя быть субъектом (то есть автономным и конечным деятельным источником содержаний, что допускало бы перенос себя в любую точку поля наблюдения в качестве сознательного носителя происходящих там событий). Они были в одной цепи, а теперь — нет. Диаграмма события. Через состояния сознания, независимые от сознания (здесь сознание¹ и сознание² — в мета-смысле и в языке-объекте; неизбежная двойственность языка). Затем структуры и так далее. У сознания есть пространственно-временные состояния (вернее, состояния, являющиеся пространством-

⁴² Таким переносом является, в частности, представление «редукции волнового пакета» актом сознания.

==141

Стрела познания

временем воспроизводства деятельности и мира). Поэтому должна быть приведенность в состояние. И поэтому же нельзя будет выстроить в один временной ряд. С одной стороны, отсутствие предопределения. С другой стороны, будут лишь готовые симметрии и гармонии пульсирующей сферы (с расходящимися в каждый данный момент подпространствами — то есть без абсолютной одновременности и без возможности развертки в каком-либо непрерывно-одном реальном пространстве, проявлением чего является не аддитивность, не транзитивность, не дистрибутивность и так далее), а не статичный, упорядоченный мир, расположенный в единой последовательной цепи. Versus самому себе равный, единый ум, в котором, как в прозрачной нейтральной пустоте, выступали бы (по перемещению точки «настоящего момента») объекты, открываемые на основе определенных «данных».

§ 77. Система (множество) -> ее отображения (множество), являющиеся элементами самой же системы (в свою очередь производящими множества) и закодированные в индивидуумах рядом превращений (или трансформаций)⁴³.

Сама система реализуется с тем ее сознанием, которое имеется у составляющих ее элементов (каждый из которых внешней, или, что то же самое, она как целое является внешней действительностью по отношению к каждому и какими-то своими сторонами отраженно входит в их внут-

⁴³ Многосвязность в «малом». Гетерогенное «все во всем», вне классического разделения внешнего и внутреннего. Выделяемые здесь элементные объекты должны тогда рассматриваться как «третьи вещи». Гетерогенность: здесь все — и математика и семантика, и форма и интерпретация, и синтаксис и парадигматика, и абстракция и прагматика, и чувственность и значения (инкарнационная сила языка), и восприятие и аффект, и тело и душа, и разум и воображение, и теория и эмпирия (у них один источник), и понятие и эксперимент, и мысль и образ (образы, «несущие знание») (ср. § 53) и так далее. Конечно, в «живых вещах» (третьих) все это в терминах возможностей, POSSIBILITY, а не актуально вещественно или идеал объектно (например, восприятие — являющееся одновременно возможным аффектом, эмоцией). Состояние есть состояние многих и многого.

==142

М. К. Мамардашвили

реннее). И эта реализация неотделима от этого сознания. Любая абстракция, которая постулирует внешнее в качестве определяющего (и тем самым задает его в независимом виде, известном помимо внутреннего каким-то образом) должна оставаться и работать в рамках этой неотделимости (неотделимости объектов от внешних условий их наблюдения или актуализации). Единая внутренняя (и меняющаяся) топология.

Все это связано с не-непрерывностью сознательной фиксации и передачи наблюдения (то есть с невозможностью вычерпать деятельность непрерывно-одним движением при необратимости укладки, давшей это сознание, этот (априорно) интендируемый предмет). Для абсолютного наблюдателя время укладки теряется, выпадает. Топологически это — разрыв. Развертка не может быть произведена (то есть там точка, а не время) при единообразно и универсально фиксированном — наблюдательно и экспериментально — разграничении субъекта и объекта, ибо на деле вместе с условиями отражения, с «фактами» (рецептивно закрепляемыми и транслируемыми), содержательно принятыми решениями и выбранными операциями фиксируется и место наблюдателя, фиксируется «я» — фиксируется процессом распространения состояния (то есть переходов в него) в определенном выше смысле, «волны понимания» (чего-то определяемого по полю (конечно), а не в точке), условий генерации (а не отражения), имеющей прообразы («атомы»), которым я и приписываю черты протяжения. Вот этот процесс перехода и целостен, не делим неограниченно (фактически, квантована генерация или денатурализация, с ее «атомами» ума, квазичастицами, а дополнительно — свойства волны для «кванта действия» в терминах распространения усилия и напряжения). И нельзя развернуть этот процесс теми же актами, какими разворачивается (объективированное) содержание внележащего спектакля перед глазами этого «я». А с другой стороны, в спектакле зияющие иррациональные дыры — дыры «неестественного». Тем более, что собственная жизнь этих объектов (если они взяты феноменологи-

==143

Стрела познания

чески) однопорядкова с актами наблюдения (что и создает «ситуацию микромира», принципиально инородного макромиру). Действительно, язык событий и процессов отличен от языка предметов и их свойств (и логических свойств человека). Относительность versus абсолют (то есть само себе через себя понятное). Континуум для событий может быть составлен лишь из бытийных и сознательных определений вместе. Его «элемент» — 3.

§ 78. Органы-тела (и формы-сущности, интерпретируемые через них) живут в континууме бытие-сознание (универсуме деятельности), а не как натуральные свойства психофизического индивидуума, взятого независимо от деятельности и извне противопоставленного отражаемой природе, бытию.

§ 79. Лемма: мы не можем предполагать, что мы знаем мир, который воздействует на субъекта (то есть знаем его независимо от того, что он нам сам сообщает). И, соответственно. Вселенная, в которой нет следов всех событий (как бы «событий в себе»).

§ 80. Принцип неотделимости: наши научные суждения как такие «объекты», которые являются элементом ситуации, производящей нас самих в качестве имеющих эти суждения, мыслящих мыслимое в этих суждениях (то есть в качестве могущих промыслить это мыслимое), в качестве находящихся в состоянии созданной порождаемости, не отстраняемом от бытия в нем к психологическом представлению или «представлению» в гносеологическом смысле. Через первосвязности состояний события и могут быть помещены в континуум бытия-сознания, непрерывного воплощения [через «феноменальность», конечно, — «я могу» в момент времени в смысле конечной, растянутой одновременности, в мировую линию которой все помещено, со-стоит (вертикально и вечно), то есть возможный мир не в смысле всякой возможности, а в смысле мира «всякого этого могу», вечно живого могу «другое», бесконечно мало отличное от того же]. «Распространенная», растянутая оче-

видность («я» могу», «чувство уверенности, несомненности» в смысле определения живого — «я всегда могу другое»; см. §§ 44, 52), как состояние сознания, являющееся определенным пространством, вернее, пространственно-временное состояние самого континуума, бытия-сознания (просто до структур мы еще о бытии не можем говорить, а говорим лишь о «субъекте» как локусе возможных эмпирических субъектов, индивидов, то есть локализуем последних и их акты; все локализовано — в отличие от рефлексивного субъект-объектного пространства). Ср. § 86.

§ 81. Принцип индивидуальности (цельной и завершенной — в смысле, конечно, сверхиндивида) или неотделимости — (симптомальное) проявление особенных свойств строго определенного и в природе выделенного типа взаимодействий — экспериментальных взаимодействий с участием сознательных и чувствующих живых существ, «экспериментально», «испытующе» развивающихся в этих взаимодействиях. Тип взаимодействий с его симметриями и инвариантностями, то есть отсутствующими до установления формы этого взаимодействия. [Наука есть лишь дальнейшее усложнение этого и превращение в специальную процедуру и институт (что не отменяет того, что научное мышление все равно продолжает оставаться одной из жизненных форм). Но не вдаваясь дальше в вопрос генезиса науки, можно (и следует), уже имея науку в составе культуры, задаваться вопросом о том, что пространство и время, в которых мы объективируем наши утверждения о явлениях, таким взаимодействием порождаемых, должно быть феноменально связано, неотделимо и едино с «собственным» временем и пространством существ, с ними как внутренними продуктами, внутренней понимающей хроногеометрии. Но как идентифицировать операции узнавания последнего, не ссылаясь на «просто ум» историка?] Это очень сильное ограничение, завязка-удавка на возможные частицы, исключает термины события в абсолютном смысле из языка аналитика.

Стрела познания

==145

§ 82. Символические состояния, которые являются амплифицирующими к нам приставками (они создают основу порождающих свойств психики и тому подобное) и пространственно-временно довершают нас (в том мире), локализуя нас в качестве мыслящих и аргументативно общающихся, в качестве видящих то или это, в качестве находящихся в поле проблемной ситуации (а она и есть текст, объемлющий изложенный текст теории и не сводящийся к нему: текст картины = тексту картины, текст теории Ньютона Ф тексту теории Ньютона и существует в поле, функциональном по аргументативности своих элементов; отсюда видимость неиндивидуальности научных продуктов в отличие от художественных, поскольку последние не аргументируются по полю и содержат целиком свое живое существо внутри своей дискретной сделанной формы).

§ 83. Чтобы изучать природу (общество и тому подобное), ее надо сначала в каком-то смысле превратить в язык, в сообщение, адресованное нам на каком-то языке (алфавит которого нам известен... ср. с понимательностью символа по отношению к эмпирическому событию, без которой последнее не является творческим принципом и ничего не развязывает, ничего не детерминирует, ни к чему не толкает). И потом... дать ему на себя подействовать. Мы посылаем туда, чтобы оттуда пришло воздействие.

Иными словами, развитие идет организацией источника развития (в данном случае — источника сообщений данных, фактов), каким-то объединением с ним читающего (и говорящего) алгоритма анализа сообщений (алгоритма, являющегося определенным запасом знаний, набором названий объектов и их свойств и смысловых связей между ними). Такими объединениями или агрегатами являются «третьи вещи». Это пространства, содержащие в себе и объект и говорящего. Их нетривиальная топология выражается специфической целостностью. О последней мы говорим в терминах вещей, рассматриваемых как пространство. Значит, это вещи особые. Ибо в физике ди-

М. К. Мамардашвили

хотомия вещи и пространства. Не является ли, например, геометрия Уилера лишь введением нового символизма, языка, вынуждающего об особых вещах говорить в терминах пространства и даже протопространства? В качестве состояний эти «третьи вещи» элементарны (неделимы). Квазичастицы (пространственно-временно протяженные) ума. Они — эмпирические «тела», вернее, тело-формы. Или иначе — они суть пространственно-временные расположения, конечные квазифизические протяженности (квазифизические, как и Сенсоримум Деи, но конечные). И не являющиеся рассудочной, волепроизвольной конструкцией. Квазипространства суть тезаурусы, или тезаурусы пространственно-временно протяжены. Они конкретные («материальные», «исторические») априори, априори организуемые (априорные «сведения» об источнике информации). В этом смысле, например, время¹ есть априорная (большая или меньшая) возможность изменения через такие тезаурусы. Возможность 1) приведения в состояние или 2) преобразования другого или предшествующего состояния. Это движение, процесс внутри интервала, а не сам интервал и точки. То есть это «интервал» (инвариантный) в континууме бытие-сознание, а нашими глазами это — состояние (стоячее время). Следовательно, сообщение через «третьи вещи», через квазиобъекты. (Они и являются базовыми тезаурусами.) В зависимости от их возможностей — бесплодность, тупик, буксование на месте или же, наоборот, пополнение новыми значениями, добавление новых связей или изменение и исключение старых. Чем сложнее априорные сведения (тезаурусы) об источнике информации, тем больше мера информации, содержащейся в источнике. (Измеряемая, следовательно, на выходе после изменений, перекомбинаций). Это видно, если проецировать один и тот же источник на все более сложно организованные пространственно-временные квазиобъекты, субстанциональные мировые точки. Фактически, эта мера генеративности. В более сложных или «удачных» (в смысле символа) точках больше возможностей для изменений. Семантическая информация в поступаю-

==147

Стрела познания

щих к нас данных (то есть их информативность), выросши до максимума, затем падает. Объекты становятся неинформативными. Нужен новый или другой тезаурус. Многие мерцающие (несопоставимо мало длящиеся) абсолютные системы отсчета. Они разглажены в абстрактный пребывающий ряд, где как раз не должно быть одной единой абсолютной системы отсчета. Выходим из положения системой запретов и ограничений.

§ 84. Ср.: видим в зависимости от известного. Но это «известное» не есть интеллектуальная операция, а есть состояние некоторого (любого) «кто-то когда-то и где-то» (субъект X, напр., не имеет отношения к состоянию Y) от точки к точке локально (а не дальное действие «выполнения понятия»). В этом смысле само это состояние есть пространство-время (или: «состояние пространства и времени» — это эквивалентные выражения) в отличие от эмпирического абстрактного нахождения индивида в пространстве и времени — Аристотель в Греции в таком-то году... Это информационное пространство и t «внутренне» по отношению к тому, что мы объективируем в терминах волей и сознанием контролируемых утверждений, актов и их связей, субъект объектных по своей структуре (то есть разграничивающих объект и субъект и неумолимо покоящихся на этом) и наглядных (макроязыково), что и есть слой соответствия. Это «внутреннее», следовательно, и непсихологично. Существенно топологично.

§ 84а. Такая топологическая связность — иной вариант сохранения в теории (ср. Гейзенберг) принципа мгновенного действия или дальнего действия (действия на расстоянии): оно не от точки к точке в смысле предметов-носителей свойств (ср. с рядами, для которых нет «качества», многообразиями которого эти ряды являлись бы, — многообразиями в смысле «множества», ср. § 109), а организовано в тотальности (уже с иным предметно-атрибутивным распределением, языком событий и процессов вместо языка предметов и свойств и так далее — так что, и «локальность», «слепление в точку» здесь в другом смысле). Это

==148

М. К. Мамардашвили

топологическая локальность, «близость» в трансверсальном (мнимостном) измерении, вместе со всеми другими, а не локальное соседство абстрактных точек в евклидовом однородном и изотропном протяжении или в развертке предметоносителей свойств, составляющих множество. Да и «точка» здесь эмпирична. И главное — информационные силы не действуют от точки к точке (при описании процессов превращения и развития). Вернее, действие силы сознания по конечным пространственно-временным информационным протяженностям, областям.

Конечно, и здесь объекты инвестируются инерционными силами, из которых придется в свою очередь высвободиться или их коллапсировать так же, как ранее пришлось высвободиться из первоначальных натуральных сцеплений. У произведений, культурных изобретений как предметов «второй природы» есть тоже своя инерция, натурность, поскольку мы — естественные существа, хотя и самосозидаемся, изобретаемся (проникает инерция, инвестируя конечные, по определению неполно реализующиеся выполнения бесконечного, полного). Затухнет как демон Максвелла. Поэтому и есть развитие. То есть оно есть, раз есть вообще свободное действие (наблюдатель) и 2) оно содержит антиномию в самом своем сердце, антиномию вещественного, эмпирического и транснатурального. Свободное действие то, которое должно делаться снова и снова. А раз так, то будет развитие, творение нового, по-старому не сделаешь. И есть бытие, для которого нет вообще наблюдателя, то есть такого, который мог бы быть субъектом. Например, мы имеем обряд в первом смысле как машину избыточности и пароксимальной динамизации, вырывающую человека из инерции естественного ряда вещей и вводящую, ставящую в надприродный ряд (то есть человекообразующую силу), и имеем обряд во втором смысле как инерцию культуры, как автоматизм, как формализм, как имитационный и «непонимательный» механизм, все более опустошающийся (и опустошающий).

И сразу же следующий вопрос: как «пришло в голову» (I) в определенный, датируемый момент времени ис-

пользовать эту механику человекообразований через надприродный ряд (с неотъемлемым от нее избыточно-непрагматическим или «метафизическим» свободным элементом) в целях суждений (и контролируемых, опытно и логически, рассуждений) о мире «как он есть», возникновение теории, умозрения — философии и науки?

§ 846. В рефлексивном же (накрывающем) пространстве или слое разрешимые эквиваленты (разрешимые наблюдательно и операционально, «здесь и сейчас», в любом «здесь и сейчас») неограниченно воспроизводятся в любых местах и датах своих единичных реализации, выполнении мыслью единичного — они это делают по определению условий своей осуществимости в качестве научных (то есть они вне времени или в одновременном, аддитивном мире, лишенном часов и календарей). Фиксированный «настоящий момент», самотождественно перемещающийся по волне хронологического времени и в каждой точке перемещения охватывающий весь мир (в смысле абсолютной одновременности, в смысле временной неразличимости всех событий в этой точке). Множество континуально и непрерывно. И может быть взято произвольными выборками подмножеств. Эти выборки не меняют природу объектов. Но за этими операционными образованиями, каузально описанными и поставленными в транзитивно-аналитическую цепь, уже есть предположения, лежащие в мире деятельности (а не в содержаниях объектов), отличном от рефлексивных дубликатов — эквивалентов (ср. § 42). В этом мире мы не можем произвольно создавать подмножества, не меняя свойств объектов, ни произвольно набирать начальные условия каузальной связи (то есть отвлекаясь от активных внутренних взаимодействий). Неустраняемая временная характеристика последних, их изменчивость во времени (в фундаментальном смысле «вымершей» или изменившейся, превратившейся и не наблюдаемой «здесь и сейчас» причинности; объяснение ею не может быть проверено, недоказуемо, неразрешимо, не может быть ис-

==150

М. К. Мамардашвили.

пользовано для приложений и предвидения, а макроязык требует разрешимости; следовательно, в последнем — запрет на некоторые вопросы, нейтрализующий неконтролируемый перенос в язык-объект, так сказать, операционно-релятивистское ограничение, делающее какие-то понятия и вопросы неопределенными или бессмысленными — действительно, какой смысл, если условия физически не имеют места и не реализуются параллельно с утверждениями, или чего-то просто нет, то есть топология другая уже?). Конечная протяженность по времени, с которой должны соотноситься свойства истинности утверждений. То есть их всеобщности и универсальности и их прогностические силы. А изнутри, со стороны исторического явления смотрит, выглядывает своя конечность. Пространство и время, являющиеся превращенной деятельностью и локализуящие событие-феномен в плане состояния, дающего формальное «как» объекта («Субъект» есть формальное «как» объекта). Как соединяются эти два в принципе разнородных языка: язык операционности и наблюдательной неограниченной воспроизводимости (основанный на лейбницевском: «свойства вещей всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь») и язык изменившихся или исчезнувших причин? Последний должен ведь быть выведен на уровень формулировки в первом, если мы желаем быть научными. Иными словами, в науке мы по определению классичны. В применении к познанию принцип Лейбница можно переформулировать так — причины говорить то или иное всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь (иначе вообще не было бы смысла дискуссировать). Причиной считать так-то, говорить то или другое являются факты и логика (Лейбниц, не пользовавшийся в философских построениях языком когито, не случайно давал онтологическую формулировку когитальным принципам, то есть тому, что Кант в этом случае назвал бы «одним сознанием»)44. Но при

44 Лейбницеvский принцип и получил у Канта название «вечность общей причины» как определения времени в качестве свойства Сенсориум Деи.

==151

Стрела познания

смотревшись к природе того, что есть «факты», «данные», к существованию условий, которые не будучи логикой, сами суть условия возможного применения логики, к физической непустоте (прозрачной) нашей головы (заполненной квазифизическими органами понимания и являющейся в своем действии их функциональным отправлением), к наличию в ней «естественных единиц», не подлежащих непрерывности деления и изменения и, главное, произведя феноменологическую абстракцию, мы видим полость, «пазуху» превратившейся или исчезнувшей причинности, которую заполняют квазиобъекты, артикулированное, простертое в мир тело (орган) понимания, посылающее детерминации в сознание и в то же время лишь представляющее метонимически отсутствующую причину. То есть полость, пазуха превратившейся (с тех пор к данному моменту) причинности и есть квазиобъект, четвертое состояние. «Превратившейся» в двух смыслах: 1) она никогда не была настоящим, уходила в прошлое и в будущее, сама имея в настоящем лишь своих представителей и заменителей, 2) мы ее превращения, не могущие восстановить начало, переходы (то есть само движение как таковое, смену, а не результаты) и так далее. И наоборот — небылость прошлого можно считать причиной пульсации. Тысячи революций. Пульсация (и только пульсация — иначе прошлое открыто) делает что-то неразрушимым прошлым и что-то возможным будущим.

==152

М. К. Мамардашвили

Подвижность границы между объективирующим языком и глубиной, фоном «нас самих» и открывает поле, пространство для истории.

§ 85. Таким образом, внимательное прослеживание фундаментальных взаимосвязей природных явлений и явлений сознательных показывает неустранимую двойственность исторического языка (как и онтологии исторической мысли), соединение в нем двух в принципе разнородных вещей, впервые делающее осмысленным и принципиально важным весь разговор о принципе соответствия. Слой

/ \ / \ / \ / \
/ \ / \ / \ I \ /
\ / \ / \ / \ /

будет всегда и везде (или то, что я называю пространством трех прилеганий; в нем в свою очередь для найденной элементарной и всеобщей сущности строится логическое пространство — что можно и должно знать, на какие вопросы должен быть ответ, чтобы описание было полным и простым; из него, конечно, не вытекают и не дедуцируются никакие законы, но если связываемые ими явления фактически имеют место, то их связь есть закон в силу свойств логического пространства). Абстракция бесконечности в логическом анализе науки (как и в построении самой логики). Акт понимания, совершаемый «здесь и сейчас», есть функция от потенциальной бесконечности понимания и актуализирует ее (то есть в «здесь и сейчас» актуализированная каждый раз бесконечность — бесконечность бутылки чернил и листа бумаги). Различимость и отождествимость вверх — по отношению к абсолютному пространству и времени, и вниз — по отноше-

==153

Стрела познания

нию к чувственной активности. Пространство и время как условия знания (принцип знания, то есть не знание о пространстве и времени, а вообще условие знания об объектах). Движение волны «здесь и сейчас» и воспроизводство — так, что отношения различимости, отождествления, транзитивности, рефлексивности, аддитивности, постоянства причинно-следственной последовательности (как и субъект-объектного деления) и тому подобное. Нормы и правила 1) гомогенности, 2) замкнутости (преобразования производят элемент этого же множества; пространство трансформаций, сохраняющих один и тот же предмет; производство вещей, однородных с уже существующими; отсюда группы преобразований и симметрий), 3) полноты, 4) инвариантности причинно-следственного разбиения. Это нормы «от Бога» — о них люди не договариваются, они суть свойства этого поля и люди лишь понимают (или не понимают) их. К тому же они не формулируются эксплицитно в виде языковых правил (то есть можно сказать, что это работа образцами, состоящая на деле в передаче и воспроизводстве тела, то есть фактически, в вечности тела и в «вхождении» в него)⁴⁵. Более того, если же они формулируются, то формулировка оказывается натуралистически антологической — абсолютные пространство и время, Сенсориум Деи, дальное действие, мгновенность, или бесконечная скорость распространения взаимодействий, «природа инертна» и тому подобное, а в применении к субъекту — «идеи врождены» и тому подобное. Вообще скрытая природа метафизических утверждений (например, природа формы их, безусловно, вызывает, навеивает идеал вечности, абсолюта и тому подобного). А по отношению к экспериментально-измерительной базе здесь предполагается предельное представление одного-единого устройства (в этом смысле в классике история — нечто вроде компенсаторного меха-

⁴⁵ «Мы сами» — это тело. То есть последнее — термин языка для возможного описания качественной субъективности, именно языка и онтологии невидимого, ибо натуральное тело не может быть вечным.

==154

М. К. Мамардашвили

низма универсального чистого наблюдения, научаемся, так сказать, компенсировать). Вместе с абстракцией логической бесконечности, которую содержательно можно выразить и как максимальность осознания.

Но в другом срезе мы должны различительно уметь представить тело (различимыми расположениями «частей» в мнимом измерении, в пространстве состояний). Пространство и t «реализации», «выполнении» суждений должны иметь состояния и структуры, то есть локализовать объективации в действительном и более глубоком смысле, чем в мире без часов (в котором ничто не локализовано). См. §§ 52, 86. И вся проблема в том, чтобы построить такие состояния, такие элементарные и всеобщие (для данного логического пространства предметной области) сущности. То есть какая концепция историко-научного развития вытекает из антименталистского, физического взгляда на ум (из физической логики), из анализа фундаментальных взаимосвязей сознательных явлений и явлений, которые оказываются природными, естественно изображенными при условии определенной организации первых? В этом смысле термин «пространство» и тому подобное не литературная лишь метафора, поскольку указывает на физичность, на первичный и независимый характер некоторой внелогической базы (которая постоянно должна присоединяться к логике, хотя можно эту внелогическую базу назвать «физической логикой», «логикой эмпирических систем»). Это исторический и культурный мир, в котором у нас совершенно особая эпистемологическая и онтологическая ситуация (например, здесь уже иное различие между сознательным содержанием и «мы сами»).

§ 86. Здесь состояние не зависит от предмета (состояние бытия, но привязанное к «субъекту»). Оно эмпирично и конечно. Можно показать, что оно и физично. Оно и не там, где содержания, и не в идеальном мире, в мире всех смыслов. Можно показать, что оно и не в голове (ср. § 33, 46, 50). И что оно не произвольно, то есть не все дозволено. Сингулярность состояния (даже по отношению к де-

Стрела по.тания

дукции или индукции привязанных к нему содержаний) и программность (например, для решений, связывающих конструкты абстрактного теоретического языка с наблюдательными описаниями). И знаковость его другая. Знак всегда предполагает дополнительный и внешний ему самому акт логического соотнесения и указания на обозначаемое (не содержащееся во внешне видимой, слышимой и тому подобной пространственности знака). А состояния символичны (нет логического облака вне вещественного тела символа, смысл дается его пространственным протяжением и расположением и нет правил, следовательно, знание как событие не определено непрерывно и полным образом). К тому же символы суть за-предметные практические прорастания. То есть «практическая действительность» не есть просто практически освоенные предметы этой (посюсторонней) действительности, это особая действительность, (предметно-деятельностная) действительность вместо этой последней. Состояния каждый раз по-новому направляют историю (то есть кратиллов поток порождается исканием истины, трансцендирующей напряженностью и есть приспособление, механизм⁴⁶; в глубине лежит динамика самосогласований). Для того, чтобы придти к нему в анализе, нужно реконструировать факты картины мира, а не брать факты действительности. И, во-вторых, для абсолютно нового (где прошлое есть постоянная возможность нового и создается пульсационный механизм самопричинности) нужен постоянно умирающий и воскресающий Бог.

Состояние «сингулярно» или одноактно в смысле, что оно само — характеристика актов в особом разрезе и не подлежит в этом разрезе делению (хотя это комплицированная и иерархизированная одноактность состояния в континууме сферы, бытия-сознания). Само оно ни дедуктивно, ни индуктивно, хотя и эмпирично, конкретно (в

⁴⁶ История не потому, что мы вступаем в катящийся сам по себе поток, а потому что мы что-то делаем. Поток порождается приостанавливающим воспроизводством, синтетической реитерацией на подставленных «своих» условиях.

М. К. Мамардашвили

смысле особой эмпирии; ср. § 33 и др.). Оно есть не дедуцируемое «как» в силу принципа живого «я могу» и не индуцируемое в силу содержащегося в нем прыжка от эмпирических данных. Оно не об эмпирии (хотя может быть и о ней), а само эмпирично, есть эмпирия⁴⁷. Не индуцируемый «прыжок» — в смысле черты видения, которое есть индивидуально-сознательный (в «понимательной материи» воображения выполненный) конец погруженности символа, а не референтного знака (остаётся выявить структурнотопосный конец погруженности символа, естественных действий «вещей» в сфере).

Состояние не есть представление (в классическом смысле).

«Сингулярность» состояния означает также, что число его совершенно неважно для его универсальности (оно единственное как состояние чего угодно, скольких угодно и когда и где угодно, будучи само пространственновременным индивидом). Это *hic et nunc* не нужно помещать ещё во время, ибо оно само есть время — формальный эстезис (оно мимолетно, если только рассматривать время как текущее из прошлого через настоящее в будущее). Это (ср. § 92, 103, 110) черты сверхиндивидов⁴⁸, а не мыслей как состояний distinctly наблюдаемых людей (например, душа бессмертна, только это не моя душа в смысле дискретного «я», дискретным телом очерченного).

Уникальность состояния для всех индивидов во все времена и во всех местах (его именная не атрибутивность, собственная индивидуальная целостность, то есть мы здесь имеем собственное пространство и время как внутренние продукты и собственную индивидуальность). Нет границы объект-субъект, ибо ничего не говорим об объекте, а к субъекту состояние привязано без какого-либо классиче-

47 «Эмпирично само» — то есть может быть состоянием и абстрактных мыслительных содержаниях, идеальных объектов, чисел, видений Бога, чувственных образов, эмоций, воображений и тому подобное. Оно эмпирично помимо этих различий. Канализирует в себе.

48 Оговорив это, можем в дальнейшем употреблять термин «индивид», имея в виду этого сверхиндивида.

==157

Стрела познания

ского «кто, где, когда» — оно само есть и «где» и «когда» и «самим собой понимается». В натуральном смысле не индивидуализируемая множественность. Ср. с утверждением, что «должно само быть» впервые выводит нас за рамки данности сознания в смысле унаследованной философии сознания.

Еще одна черта состояния: оно имеет лишь феноменологическую реальность, не будучи концепцией или контролируемым волей и сознанием суждением. (Для «феномена» в смысле Гуссерля мы должны будем идти скорее к культурно-историческим механизмам внятности мира). Но формальность в великом кантовском смысле: абсолютная, наиконкретнейшая конкретность формы и только формы (нечто вроде «категориальной интуиции»). Конкретность, вневременность (или всевременность, вечность), личностность (для кого внятен голос формы) формального. Состояние — это состояние системы, и поэтому сказать «состояние», это сказать, что нет произвола, что близкие друг другу элементы, части и тому подобные (специфическая целостность, «система») способны принимать не всякие представимые и произвольные конфигурации, а только некоторые, которые называются «состояниями». (Перед этим я говорил о квантовости введения в состояние.)

§ 87. Время есть длительность (одного, этого) текста по отношению к состоянию, схема преобразования в состояние всего остального, не обладающего организованностью текста (ср. Гамлет, ставящий спектакль). Поток времени имеет самопредставление, саморефлексию (иначе будем считать, не сосчитав). Мерцающее, пульсирующее состояние. А пространство состояния есть множество расположений мер преобразований. Пространственная разделенность: нет и не может быть этого «физического», естественного действия (и, следовательно, понимания — независимо от психологии). Различения: это далеко, а то близко; отождествления: все есть число (весь мир есть эта вещь — ибо число именно вещь, хотя и особая — и весь опыт мышления о мире в ней реализуется — пространственно).

Мировые линии есть линии, объединяющие временноподобные точки (через которые пробивает трансцендирующее напряжение). История науки должна (ковариантно) перестраивать в космосы совокупности утверждений и описаний, содержания которых отнесено к бесконечному, одному универсуму.

Есть расположение относительно события.

Идеальный • мир сущностей

шения между готовым миром сущностей, законов и смыслов (предполагаемым абстракцией логической бесконечности) и реальными историческими индивидуальными явлениями знания, где (то есть в этом отношении) событие-явление знания пойдет скорее по касательной к области сущностей (а не в ней), будет давать боковую, трансверсальную развертку или, если угодно, эволюцию (которую я должен, фактически, называть сдвиговой) и будет выбирать из области сущностей (преобразуя ее) как сетка Мёбиуса. Из анализа этой конфигурации соотношения логической абстракции бесконечности (или линейной асимптотичности понимания) и реальной феноменологической конституции можно видеть, что задача синтеза времени в том, чтобы сделать далекое (то, на что нужна невозможно большая последовательность шагов и «охватов») близким (то есть примерно симультанным, конечным куском бесконечности, зримо данной или обозримой завершенностью смысла — ведь в каждый данный момент есть, установилась в тысячах непроглядываемых осколках истина, например, обо мне здесь), иначе нет «одного пространства», то есть это и есть «одно пространство» в моем смысле⁴⁹. Мир как бы втяги-

⁴ «Иначе нет одного пространства» означает, что это однопространственность (в отличие от того, как строится однопространст-

==159

Стрела познания

ваается, всасывается в этот интервал (интервал «понимательной вещи» как топоса опыта мышления всего мира — напоминаю, что все эти термины находятся вне классического разделения и противопоставления тела и души, вещи и идеи, мира и человека!). Но втягиваясь здесь, он в другую сторону вытягивается — в инопространственность, куда нет доступа, опыт или информация из которой (при конечной ее скорости, скажем условно) «загорожен» понятием или понимательным в первом пространстве⁵⁰. Поскольку субъективные данные нельзя сделать не бывшим или обратить в следы нестираемы (и поскольку развертка этих эклюзий в идеальный мир не ждет «истинного» понимания), то не может быть речи об абсолютной истине и наглядном синтезе и детерминизме «приближения» к истине или сложения истин. Ждать нельзя — цейтнот. Это время, которого нет (со знаком минус). А время как схема, как трансверсально стоячее время на место этого — со знаком плюс (отрицания нужно иметь, уже начиная с состояния). Чтобы придти из другого, далекого пространства, нужно время (versus волна фиксированного «настоящего момента», идущего как бы в будущее, готовое и ожидающее лишь быть познанным). А в силу конечности (или цейтнота бесконечности) за это время движение в опыте понимательного вещественного монтажа, необратимая запись им (versus актуализируемое каждый раз бесконечное видение скрытой силой «третьего глаза»), превращение времени в формальное «как» состояния. Целостность перехода, неделимость последнего. Эта его неделимость и само его возникновение необъяснимы в

венность 3-х прилеганий, где время есть время фиксированного «настоящего момента», «вечности общей причины») строится объединением с глубоким временем-памятью, фиксированной квазичастицей, схемой видения, впервые упорядочивающей хаос.

⁵⁰ В бесконечности мира сущностей дело обстоит иначе: каким-то актом мысли здесь я упраздняю акты мысли там; переход есть одно время, то есть можно транзитивно различать и отождествлять в пространстве, поскольку время здесь и там одно; и, наоборот, мир не может быть объединен в одно, ибо это предполагало бы время времени, а времени времени не может быть.

==160

М. К. Мамардашвили

рамках детерминистического описания. И когда Эйнштейн говорит, что в конечном счете всякое измерение и наблюдение основаны на пересечении в точке времени и пространства двух событий (ср. § 96, 60), то все же возникает вопрос: где происходит событие измерения и наблюдения? Где наблюдаемая молния, где наблюдаемая звезда? И одна ли и та же точка пересечения (или топология меняется от точки к точке)? И что относится к зависимому происхождению в осознаваемом наблюдении и что к свободному явлению с его (смещенным) топосом? И будет ли свободное явление двигаться в поле внешнего трансцендентного взгляда? Может быть, этот мир (комплицированный во внутреннем взгляде и, так сказать, экранированный) мы не видим; наоборот, мы видимы в нем в качестве одного из объектов, ведь говорим же: «символы смотрят на нас» или «понял ли бы дикарь наш вопрос?» Но мы проскакиваем эти миры и живем в верхних этажах рефлексивных эквивалентов, протянутых по всей плоскости 3-х прилеганий. В примере Швырева пробную палку опускаем в пруд, заселенный существами и являющийся их замкнутым миром. Как им увидеть себя? И что они скажут о палке? (И то и другое связано). Она для нас неизвестный объект их мира, объект, информативно различенный в их времени-пространстве, и как пойдет реакция, неизвестно, ибо она вовсе не задается известными нам свойствами «стимула» (палки, ее связи с нами, с нашим надпрудным миром, с действиями в нем, нашими знаниями об устройстве этих существ как существ нашего мира и тому подобного — всем, что по смыслу содержит появление палки в поле зрения и что можно было бы прочитать в этом появлении), а задается их временем-пространством (поэтому не можем проследивать непрерывно и со сколь угодно большой степенью детализации) — ведь что, если они раскалывают мир на трансцендирующем напряжении, на грани миров? Свободное явление не будет двигаться в пространстве «выполнения предельно понятого» (как если бы оно знало дальние законы) — versus всякое

==161

Стрела познания

объективистское реактивно-стимульное понимание психики и сознания. Оттуда, там пробивание пульсации через «здесь и теперь» («здесь и теперь» наблюдения палки, казалось бы, общего и нам и им). Если б не было этого, то был бы один мир. Но не было бы знания, о мире ничего нельзя было бы сказать. В пульсационной каузальности, запрокидывающейся в прошлое, чтобы «здесь и сейчас» пробились бесконечная длительность свободного действия или явления, действует закон: чтобы отключить прошлое (в смысле: выпасть из непрерывного зависимого действия и возникновения), надо пребыть (= создать, чтобы понять), то есть довести, довершить смертью это прошлое — тогда можно каузально повлиять на будущее. Но выпрыгивание то, раскалывание мира (при котором вещественные «понимательные субституты» знания или опыта мира и образуются) самопричинно. Квант свободного действия. Постоянство состояния. Его пространство и время (как вещественно организованный символами состояния топос — формальное «как» квазивещественных структур). Состояние — это значит смотрение откуда то (то есть феноменальность — первая абстракция в анализе события, оно = событие-феномен, а затем его связность — состояние; но, господи, я никак не могу выразить эту феноменологическую абстракцию — смотреть «откуда»; «через», «сквозь», «на»...!). Сделать прошлым (иначе абсолютно неорганическое будущее, в котором все перевернется как результат неовладения прошлым). Например, обращаясь в нулевых точках пульсации к субъективным основаниям знания, мы довершаем субъекта, извлекаем наблюдателя (то есть в эволюционном смысле убиваем его как форму; чтобы возникла новая, другая должна умирать). Нуль — запрет переходов (и связанных с ними процессов порождения и разрушения). К будущему, к проблеме предсказуемости, прогностичности свободных явлений [которые как события стоят в ином отношении к прошлому и будущему, предполагают иной способ наложения зависимостей на будущее или независимости от него (в законах физических

==162

М. К. Мамардашвили

явлений: как бы ни пошло дело, при условии Z из предшествующего состояния X всегда будет состояние Y), то есть имея в виду знания как события-реальные явления, — а не идеальные, ментальные сущности, одетые в логические знаковые структуры, — такие же, как любые другие реальные явления: исторические акции, поступки, исполнения личностной жизни и тому подобное].

§ 87а. Но с прошлым вообще дело обстоит сложно. Когда в физике говорят, что предшествующее состояние (А) определяет последующее (В), то А внутри себя неразличимо относительно прошлого (его история в последовательности А — В снята)⁵¹, поскольку и А и В в целом различены оба относительно бесконечно однородного абсолютного пространства и времени, то есть такого, которое уже дано (как бесконечное и содержащее принудительную информацию) и объемлет, охватывает извне и то и другое⁵². (Поэтому, кстати, и возможна наглядная модель непрерывной причинной последовательности.) Мы же должны строить пространство и время (как определенный внутренний продукт), и притом на основе финитизма.

С другой стороны, так называемая «частная временная последовательность» внутреннего сознания времени ничего не дает. Память не сложишь (поскольку память прошлого⁵³ — факт настоящего и слово «потенциальность» мало что спасает) из атомов, кирпичиков, ячеек линейно слагаемых объектов аналитической, «индивидуальной» онтологии — получают бесконечные числа, не вмещающиеся в число ганглионов мозга. К тому же преобразование, вписывание (в целях consistency) много- и мнимомерных эклозий в классическое выражение в принципе предполагает

⁵¹ Прав Кант, говоря о данности всего прошедшего времени в точке.

⁵² То есть абсолютное пространство и время вытекают... из принципа относительности! И опять же был нрав Кант, считая абсолютное пространство идеалом разума, то есть полноты. В качестве такового оно Ф прошлому в себе; виртуальное сосуществование; неопределенность или переопределенность сознательного события.

==163

Стрела познания

замирье, — фон, облако более широкого ненаблюдаемого. Этот фон ненаблюдаемого (непредметного) включает и «нас самих». Пульсации ведь прерывчатый ряд дискретных реинскрипций в генерируемых объектах одного состояния (не говоря уже о структурных отношениях сознания: они реализуют закон вмещения — мало ли что в мире, это мы должны вмещать). Речь должна идти об особых предметах и о скрытой памяти их поля сил (в отличие от произведений искусства, скрытая память которых находится в рамках сделанной формы — то есть в целом видимой, слышимой, обозримой и так далее). Мы имеем дело с производением мысли, а не ячеечным текстом книги и изложения. А произведение мысли — живое существо, имеющее тело (с жизнеподобными чертами), и не совпадает с обозримым сделанным текстом, и эти сверхиндивиды образуют с каждым из нас в отдельности сложное структурное целое (и лишь к ним применимо понятие «виртуальностей»).

§ 88. И понять их (исторически) можно лишь в контексте производства (или эффектов машин производства), а не творчества или открытия, чистых ментальных копий сути вещей. Для этого нужно «подвесить» не только объект феноменологической абстракцией, но и субъект: мы не знаем, что такое научное сознание в отличие от обыденного, наука в отличие от культуры и метафизических картин мира, понятие в отличие от образа, и разум в отличие от чувств и тому подобное. Более того, акт мысли не есть эманация простой натуральной способности — он еще должен быть создан, творческое мышление есть прежде всего создание акта мысли в мысли (то есть не производство конкретных мыслей о предметах, а самого акта как их априорной возможности). Как говорил Пруст о Гюго, он «еще мыслит, вместо того, чтобы, как природа, давать мыслить» (ср. с «натура натуранс», с порождающими свойствами сознания). Все дело в применении машины (а не в предположении готового мира смысла, упорядоченной тотальности всех смыслов), которая должна произвести мысль в эле-

==164

М. К. Мамардашвили

менте мысли. Уже Бергсон знал, что время означает, что целое не дано, не может даваться. Но это не значит, что оно все-таки составляется в другом измерении (которым как раз и было бы время), наоборот, оно будет иметь время как конечного трансверсального интерпретатора всех возможных время пространств, а само не будет одним целым в пространстве, ни последовательностью во времени. Например, вспомнить не значит творить, наоборот, творить, чтобы вспомнить (то есть создать память как условие помнимого). Или: не творить — это мыслить, а мыслить — это творить и прежде всего творить акт мысли, то есть мыслить — это давать мыслить. Перескочить в мир, посредством которого индивиду ируемся. В отличие от волевого и сознательного упражнения готовых абстрактных способностей, чистого стремления знать, общей доброй воли сообщества, договаривающегося о значениях слов и вещей, об эксплицитных и однозначно сообщаемых содержаниях. Как будто мы можем (помимо синтеза времени, который и есть создание способности данных мыслей и эфира их мысли) выбирать и хотеть будущие мысли, вперив готовый взгляд и волю в простирающуюся впереди пустоту! И, более того, мы не располагаем всеми нашими способностями одновременно (versus фикция некоей «тотальной души!»). Как и забывать можем.

§ 89. Экспликация имплицированного и комплицированного. Она начинается вынуждением, жизнь есть начало науки (иначе нет причины, чтобы свободное действие происходило) — как у Платона: есть вещи, которые оставляют пассивными, а есть «перцепции, противоположные в одно и то же время». И случайно, и неумолимо.

§ 90. К проблеме нереализованного, не проработанного до конца, сказывающегося кристаллизациями и сцеплениями (которые нужно развязывать и так далее): все это частные антиномии более общей антиномии бесконечного (задача бесконечна, а выполняться она должна конечными средствами). Неявность зависимостей, работа предметно-

деятельностных телесностей (то есть моей «третьей субстанции») имеет своим источником время, то есть парадокс положения человека, в самом сердце его лежащую антиномию неминуемо конечного выражения бесконечного в принципе и по задаче (то есть столь же неминуемо бесконечного). (В этом смысле бытие метафорично, не линейно и не в последовательности развернуто, а не литература). Конечное-смысловое завершенное представление не пройденного (не проработанного), «известное присутствие неизвестного». С определением бесконечного ср. Спиноза: «неизвестные атрибуты». Отсюда бесконечно обновляемое, открытое состояние. А уж из не явности, из предметно-деятельностного (в том числе из уложенности в него не проработанного до конца) включения в каузальный мир вырастает все остальное — системные разветвления и прорастания, культурная работа «произведений», человеческих объектов и картин мира, структурные связи (отличные от содержательных). И — обратной связью из космоса, из сферы — ритмы, циклы, пульсации. Развитие, эволюция (то есть особые эволюционирующие или превращающиеся объекты, с мутациями и тому подобное) суть космическая сторона дела или, если угодно, сферическая, — состояния подвешены в этом разрезе. [Если, конечно, под миром как космосом понимать предельный горизонт всего, наводимый присутствием наших за представленностью нам вещей. Великие символы (прежде чем стать внутренне пронизывающим строем знаний, объективных описаний частных предметных областей) рождаются в этом горизонте как символы состояний и структур сознания. И поскольку всякое знание в конечном счете, через многие опосредования связано с этими символами, то всякое знание имеет космическое состояние в каждой своей точке. Не будучи концепцией или контролируемым суждением, они имеют лишь феноменологическую реальность в этом разрезе — поэтому в ней и можно говорить о «мировой плоти». В этом смысле историческая наука должна уметь в говоримом и утверж-

==166

М. К. Мамардашвили

даемом об универсуме выявлять космосы. Космосы-картины мира.]

«В каждой своей точке пространства и времени» — то есть в «кто-то, где-то и когда-то». Иначе говоря, проблема целостностей в космическом смысле есть проблема языка для «третьих вещей», то есть того, что пространство-время, вложенное в накрывающее пространство эквивалентов (с их свойствами транзитивности, индивидуации, отождествления, причинно следственного разбиения и так далее), обладает нетривиальной и меняющейся топологией (поскольку это особое, столь же вещественное измерение «смесей» — ни материй, ни волевых рассудочных образований), и мы должны уметь об этом говорить. В терминах накрывающего пространства мы будем получать причинную аномалию, нарушение индивидуаций и идентификаций, симметрий «я», времени, внутреннего и внешнего и тому подобное, если не будем в этом случае придерживаться принципа неотделимости пространства внешнего наблюдения от наблюдаемого, то есть образования и существования кентаврических «третьих вещей» и их расположения в особом иномерном пространстве (измерении) состояний («четвертое состояние»), где многое из накрывающего пространства будет одной точкой вложенного пространства (одним индивидом) и так далее. Ср., например, Рейхенбах, показывающий, что дать отчет о данных, естественно подсказывающих мое существование на двухмерной сферической поверхности, на соответствующей плоской топологии означает допущение мира, в котором точки на бесконечном удалении могут быть достигнуты перемещением за конечное время конечного жесткого стержня и в котором бесконечно удаленные события могут причинно действовать на конечно разделенные события.

Накрывающее пространство (пространство трех прилеганий — прилеганий к физическому миру, к чувственным данным аппарата отражения и к идеальному миру) вне времени. Оно может меняться со временем в смысле

==167

Стрела познания

содержать разные вещи. В этом смысле это space through time. Но в каждый данный момент оно вне времени — мы так строим физические законы. Но вложенное в него знание, воспроизводимое бесконечным числом разрешающих единичных выполнении всегда и везде, протянуто, с другой стороны, во временные космосы и привязано, соотнесено с состояниями, которые более крупноединичны и расчленяются иначе (многие содержания могут иерархически идти через одно состояние и различные состояния могут быть эквивалентны одному содержанию, что говорит лишь о том, что различие содержаний не может служить принципом различения состояний).

§ 91. Таким образом, специфическая целостность (в силу которой, в частности, свойства принадлежат сверхиндивидам, а не мыслям в головах атомарных людей, индивидуально-психических субъективностях) вырастает из вещно-деятельностной телесности или телоформы. А это значит также, что проявления такой специфической целостности есть индикатор, симптом наличия внутри объектов (объектов системного типа) структур с топологией (притом и нетривиальной и меняющейся) и наличия разных уровней в совокупности структур с одной и той же топологией — например, наслаивающиеся или надстраивающиеся. (Структуры могут связывать несколько состояний или быть структурой одного.) То есть говорить о физической телесности предметно-деятельностного мы можем лишь в мнимом измерении, располагая в нем «вещи» топологически, то есть имея в виду топологически вещественные определения.

§ 92. Идеограммы. Их экспликация совпадает, с одной стороны, с развитием самого символа, с созданием пространства и времени состояния, с артикуляцией структуры, структурным расположением силовых напряжений, с complication, которая вращивает Многое в Одно, а Одно — во многое (предел, выделяющий целостность, бесконечно внутри себя рефлексированную и точками напряже-

==168

М. К. Мамардашвили

ний от всего остального отделенную), с другой — с конституированном субъективности, с импликацией и прорастанием в субъекте, которого сущность индивидуализирует (то есть не индивиды составляют миры, а миры составляют индивидов). Поэтому истина (и исследование) временны, вечность помещена во времени. В этом смысле два вопроса связаны: вопрос реальности произведения и вопрос реальности бессмертия души. (Только это не моя душа (в смысле «я»)). Время, упакованное в сущности (сущность = рождение мира), рождающееся в мире проросшей сущности, тождественно вечности. Если эти миры вечны, то бессмертны и мы. Эквиваленты истории. Феноменологическая реальность вечности.

§ 93. Символы не принадлежат объекту, который их несет (и он не откроет их тайну), и не принадлежат они и субъекту. Наполовину они погружены в вещи, наполовину — в сознательную жизнь (и лишь через последнюю подтягивают психику, которая также есть вещь). Через субъекта они проходят как Идеи, Темы, воплощаясь по сложным законам. Линии времени. Они обращены к нам не как мы есть: нужно еще отраслить ухо, глаз, чтобы стрела времени не прошла мимо. И только во времени мы ищем истину. (А логика и математика суть monitoring звуков, сообщений мира, мира, предварительно превращаемого в сообщение (что и делается хронотопом), — в предположении, имплицитной посылке, что человек с его языком — часть этого мира, вращен в него и не может логически думать невозможное).

Versus предварительная тотальность, предданная упорядоченность, заранее данный капитал (так же как versus уже наличный, предданный смысл, объект и тому подобное). Целое — эффект машины и ее отдельных бриколажем собранных частей (то есть вовсе не совместимых «по природе»). В этом смысле производство производит в себе самом и на себе свои собственные эффекты, наполняется и питается ими, питается истинами, которые оно же порождает.

==169

Стрела познания

дает (резонанс). Подставляет на место определенных условий естественного произвольного продукта свободные условия научного производства (как говорил Джойс, *to disentangle and re-embody*), воспроизводство на собственных, свободно выбранных условиях (то есть разложить и непрерывно воспроизвести, неся в себе же ключ своего собственного шифра). Форма-сущность сама определяет условия своего воплощения вместо зависимости от данных натуральных условий. Тогда речь должна идти о произведениях, работающих как природа (натура натуранс). Природа подобное действие. Или *cultura culturans versus cultura culturata*. Произведения-космосы и сфера, поддерживающая и питающая (ток и туда и сюда) процессы, события, состояния, которые естественным образом не идут. Универсальность машин-природ, а не мысли индивида, изнутри и равномерно выстраиваемой в «одно сознание» (то есть трансцендирования, покоящегося на абсолютности сознания). Сфера питает и поддерживает процессы, естественно не идущие, но физически наблюдаемые, хотя естественными законами и не объяснимые (к тому же без понятия сферы мы не можем связать сознательные и природные явления)⁵⁴.

Об отсутствии предварительного порядка говорит и шокирующий факт «видения»: его нет нигде — он не закодирован ни в какой логической природе человека, ни усваивается он извне (последнее запрещено феноменологической редукцией).

§ 94. Но не могут утверждения о порядке появляться в полном беспорядке, чисто хаотически и случайно (тем

⁵⁴ Но пока у меня вместо действительной антиномии получается антиномия отличения свободного действия от автоматического (натурального, само собой происходящего, сцеплением естественного хода вещей), сознательного — от превращенного (и там и там мы не тянем за собой оснований, «свободны» от них, дематериализованы: ведь не тащить же за собой сработавшую ступень ракеты!). Все бессознательно. Та же антиномия в различие двух «естественных», двух «делающих само собой». Один и тот же термин с разными значениями.

==170

М. К. Мамардашвили

более что свободные действия сами (или случайно) не происходят, им, такой случайности нет места, поток натуралистически непрерывен, в нем, предоставленном самому себе, нет, как уже говорилось, причины что-либо делать по-новому или иначе, выпасть из непрерывного действия причин и следствий). «Машина времени» или «ноогенная машина» должна, повторяю, быть. Это прежде всего организация явлений организацией времени, самого временного процесса в формальном смысле слова (я пока отвлекаюсь от «твердой» и вещной материи этой формы)⁵⁵. Некоторое упорядочение во времени, само являющееся способом извлечения порядка — порядок порядков (кстати, единственно в этом смысле мы можем тогда сказать, что порядок только из порядка, и уместно тогда сказанное Франком: «Можно сказать, что если бы все на свете без остатка было слепо и бессмысленно, то не нашлось бы существа, которое могло осознать и высказать эту истину»). Но тогда мы сразу же раскорячены на двух уровнях, имеем двуединство, являющееся первичным фактом человеческого ума (в самом сердце мысли зияющее двуединство, ибо то, что не может делаться естественно, может делаться лишь на трансцендирующем напряжении сил, несомом усиливающей машиной, машиной избыточности, — это к разноприродности «машины» и того, что ею структурируется как материальный источник энергии свободного действия). Явления должны упорядочиться во времени и пространстве (особом), чтобы в содержании явлений мысли был порядок, имел место акт извлечения порядка из мира, из информации о нем. Содержание этого порядка — ⁵⁵ Тем самым, во главу онтологии ставятся превращения и процессы, а не вещи и их атрибуты, спонтанно являющиеся терминами как в языке-объекте, так и в языке историка. Другое дело, что речь должна идти об «идеограммах», «программах», «моделях» или «модулях» таких процессов в естественной жизни эволюционирующего объекта. И если в таких случаях у меня будет встречаться термин «сигнальная» связность (то есть относительность), то потому, что под процессами я имею в виду связь условия и распространения знания в последовательности по всем измерениям, то есть вместе с вертикальным, мнимым.

Стрела познания

==171

с проскоком нижнего включения, которое как раз и космологично, — отнесено в языке-объекте к спектаклю простирающегося перед познающим (и отделенного от него) мира, мира, развернутого в универсум (= космос), объективировано в нем взором отделенного зрителя, то есть вложено в пространство воздействий с фиксированными реальными характеристиками, дано в причинной структуре аппарата отражения (и в полностью причинностной логике этого языка-объекта) — в силу принципа прямого опыта, конститутивного для науки. Вложено туда и для субъекта и для наблюдателя-текстолога.

Следовательно, к элементарным объектам или формам этой особой действительности (исторической) «нижнего включения», если бы мы захотели теоретически ее построить, не можем придти ни извне актами трансцендентного наблюдения (как если бы знали мир, воздействующий на субъекта, помимо его сообщений об этом мире)⁵⁶, ни изнутри актами понимания и расшифровки «скрытых качеств», «плана» и тому подобных в субъекте, — но это и означает, что выделение базовых элементов такой реальности впервые означало бы и объективность анализа: независимое 1) от сознания исследователя, 2) от сознания-объекта. Поскольку мы утверждаем, что и для самого субъекта (как и для наблюдателя) она (§ 116), помимо своего объективизированного ряда (вложенного в область с фиксированными реальными пространственно-временными характеристиками), — неотчуждаемая и не объективизируемая (в терминах содержания) «внутренняя» реальность⁵⁷.

⁶⁶ К тому же, мир-то «уже измерялся» и мы сами в какой-то точке этой цепи, откуда же нам знать, что это объект?

⁵⁷ Проследивание ее действий есть тогда проследивание естественных действий (трансверсально работающих), а совокупность этих действий в ее динамике и есть так называемое действительное содержание произведения. В этой реальности лежат скрытые вещные (предметно-деятельностные) механизмы мышления — тяжелые, «массивные» тела, хотя в единственной менталистски трансцендентной перспективе взгляда они уложены в бесплотные точки нулевого объема (математическую и так далее). Это «тяжелые» (то есть не сбиваемые другими параметрами и действиями),

Субъект же смотрит в терминах накрывающего пространства (наблюдаемые «факты», чистая мысль, обратимые, контролируемые сознанием и волей акты мышления и так далее), в каковых его видит и внешний наблюдатель, находящийся с ним в «понимающей» связи. Абстрактная точка «здесь и теперь» охватывает весь мир, все его явления, которые мы видим и о которых в понятиях однозначно сообщаем. Это рефлексивное пространство Наблюдателя 1) псевдоевклидово—идеальная система, охватывающая весь мир, вмещающая все явления в одной перспективе, 2) изофункционально (своей структурой и симметриями) предметам мира, не имеющим «внутреннего», из прилегающего далекого придает суждениям о предметах в точке «здесь и теперь» всеобщность и необходимость, полностью. (Полое заполняется без каких-либо искажений), 3) субъект-объектно по структуре, то есть покоится от начала до конца на твердом и единообразном разграничении объекта и субъекта.

§ 94а. Мыслят-то субъекты содержаниями и их конфигурациями, то есть подчиняют свою мысль определенным логическим и содержательным соображениям, полагая как бы преданными законы вещей, «ожидающие своего открытия», а мы должны рассматривать группы преобразования, для которых инвариантная мера не предана им, а определяется ими самими по ходу дела, должны рассматривать «однажды (и только однажды) делаемое». И главное в этом — действие естественного объекта, познание нами чего-то как эффект жизни этого объекта. То есть здесь две стороны: 1) естественность действия, в том

абсолютно элементарные телоформы, абсолютные системы отсчета. Лишь в этом смысле мы говорим о «самопричинности», «самоосновании», о давании самому себе законов своего существования, не вкладывая в это никакой смысл произвольного «творческого» духовного действия. Скорее, своего рода предопределение, объективные, ни от какой субъективной воли не зависимые свойства истины (в том числе, свойства действия артефактов, квазифизических частиц ума и тому подобное). Интегральные (по времени) законы форм.

числе, его «машинность» (машина сама, символической представленностью мира — не пройденного нами в последовательности ни вбок, ни вперед — в твердотельных сцеплениях своих взаимодействующих частей, приводит нас в какую-то точку)⁵⁸, 2) физическая непустота ума, наполненность его «естественной единицей» (ср. § 77), то есть нет чистого духа, витающего произвольно поверх времени и пространства (ср. §§ 29, 31). Ср. далее о «вязкостях», «связностях».

§ 94б. И это упорядочение не есть логическое упорядочение. И не есть оно содержательное (и не только потому, что структура — порядок порядков), ибо содержание мы выбираем и оцениваем актами самой теории, а мы приняли аксиому, что внутренними средствами теории самой нельзя вывести и задать свободные изменения в ней же (тем более, что для нас нет абсолютных свойств вещей, предметов в себе, вневременных сущностей в себе, Вселенной, составленной из все содержащих событий «в себе» (ср. § 13), которые мы сопоставляли бы с отражениями там и здесь, чтобы понять последние и показать их возникновение, его логику, последовательность и так далее). То есть нечто в отражении не потому, что так в мире, раз мы притворились, что не знаем, как в мире, вернее, придерживаем свое суждение о том, как в мире, — как, впрочем, и суждение о том, каков субъект. Это феноменологическая теорема, и мы с ней еще будем иметь дело. Пока в онтологии языка историка мысли мы можем это формулировать так: ничто не ведет эволюцию извне. Иначе мы не имеем никакого объективного взгляда на сознательные выражения как объект, имеющий историю. Пока же она, эта теорема, — существенный шаг в попытке объективировать предмет исторического исследования (или аналитики сознания), взять его в его собственных законах существования, «бытийствования», независимого от актов понима

⁵⁸ Но машина может и взбеситься, сойти с ума — поди совладай с ней в пляске св. Витта!

ния и состояний сознания историка мысли. Не говоря уже о том, что без нее у нас не будет никаких «единичностей», индивидуальностей в бытии мышления: будут или растворяемые в вещах эпифеномены или таинственные идеальности, идеи (кстати, индивидуальные, единичные только для Бога). Самое главное в ней — что может, а что не может быть феноменологически реальным как основной принцип разбиения исторических пространство-времен.

Конечные (и дискретные) связности, «вязкости», останавливающие полет нашей «чистой» (обратимой) мысли, — вот, что можно добавить к естественным «единичностям». Они, как окажется, имеют и пространственно-временные характеристики, представляющие глубинную (и меняющуюся) топологию событий знания и понимания. И квант действия-процесса неразрывно связывает объекты ситуации и их реализуемые (или не реализуемые) физические условия понимания, в терминах которых (скрытых) вся ситуация производится и анализируется, то есть дает так называемую неотделимость объект-инструмент, что имеет концептуальные последствия для описания этих объектов (ср. § 133). Различимость и идентифицируемость источников-анализаторов и есть пространство. Оно — предельное или граничное условие возможного взаимодействия объектов (то есть такого, которое мы можем видеть и утверждать в мире опыта). Вне его эти объекты — или независимые элементы или неразличимы (что дает их бесконечные или нулевые значения). Это и способ задания мира, а не его данности, — загадка, то есть ответы суть подкласс доступных осмыслению, возможных решений. Но распространенность по пространству не может подразделять непрерывно и проследить в терминах реальной передачи (тем более, что в экз. смысле знание непередаваемо) — она атомарный нелокальный эффект, тотальностью, неделимая на части в реальном непрерывном пространстве. Тогда лучше говорить: «субъекты в состояниях» (состояниях целой системы), «возникают в идее» и описывать состояния, их пространство и время,

==175

Стрела познания

структуры. Неименная субъективность, которая более крупно выделена, чем наглядно данные источники и носители осознанной мысли, и которая есть индивид (сверхиндивид, что значит, что наше «я» с его чувством автора и тому подобное не есть индивид, не есть субстанция, не есть единица). Слова «здесь», «локально» я употребляю в смысле единичности и индивидуальности, а не актуализации законов, которая обязывает физиков все брать в окрестности точки, *hic et nunc* [для физики все локально, то есть должно браться в том виде, в каком обнаруживается в окрестности (следовательно, безо всякой истории);

сделанное вчера не имеет значения в качестве такового и язык архетипа, например, немислим для физика), — поскольку абсолютное пространство и время все проникает и позволяет всеобщее формулировать в точке, рассматривая эмпирию как актуализацию]. Поэтому я иногда локальностью называю как раз то, что физики должны были бы назвать нелокальным эффектом (или эффектом тотальности). Это нужно иметь в виду, ибо наука, открывшая себе, начиная с нового времени, целый мир исследований и их могучий метод идеей прямого опыта (= нет непространственно-временных воздействий + структура аппарата отражения каузальна), начинает теперь иметь дело с такими свойствами передачи и распространения осознаваемых живых явлений, которые ранее наблюдались лишь в мире деятельности и культуры. Но в том и в другом случае существенны временные определения, ибо все берется по множественному полю воздействий и запечатлений, их передачи и распространения.

§ 95. Но возвращаюсь к тому, что это упорядочение, не будучи содержательным, и не логическое. В отличие от ретроактивно аналитической организации знания, речь должна идти о физической логике, об эмпирических свойствах систем (превращающихся интроспективных или рефлексивных систем). Поэтому важная оговорка: речь идет о рациональной реконструкции или рациональности естественноистори-

ческого процесса, а не логического (это просветительский предрассудок вводит нас в заблуждение: рациональность в понимании предмета вовсе не означает логичности, развертывания по законам логики самого предмета). Напротив, есть вещи, которых логика не может, какова бы не была ретроспективно логическая видимость. Непрерывное и аналитически обратимое, рефлексивное восстановление всех определенных знания как ментального события (ср. § 98) не возможно (ср. также § 106). Мы сами являемся моментом бесконечного ряда превращений и не можем весь его, универсально и непрерывно, восстановить (это лишь в учебниках мы можем ходить туда и обратно, хотеть думать то или это). На деле упираемся в узловые точки синтезов (это и «точки роста» науки). Это теорема синтеза (ср. перед этим о «вязкостях»).

§ 96. К не преданности порядка (ср. § 8) в случае «видения»⁶⁹: не естественный порядок вещей, предваряющий эволюцию и руководящий ею (извне или изнутри), а идея хаотического мира, равно и природы и психики (как пометил Саша у древних), упорядочиваемого свободным «однажды делаемым», важнейшим элементом которого является время-форма (= порядок порядков), называвшиеся то «памятью», то «логосом» и отличаемыми от способностей человеческой «души» или субъективности. Порядок знания и понимания дискретен (не поддается непрерывности подразделения и изменения в нашей попытке поместить его во внешнюю перспективу трансцендентного мира законов и сущностей или во внутреннюю развертку реф-

⁶⁹ «Видения» — фактически, постоянно функционирующего миросознания, априорно существующего на уровне воспроизводства (что заставляет ставить вопрос об имплицированных в последнем посылаках и условиях) независимо от локальных внешних и внутренних событий; какие-то вещи должны так существовать — постоянно и независимо (и, добавил бы Платон, — в неизменном, заданном числе), ибо они формируют ситуацию, а не формируются ею. Но это сверхэмпирическое сознание нужно не для объективного ряда содержания, а для содержащих последние культурных предметов (то есть для нашего анализа этих предметов).

Стрела познания

==177

лексией, восходящей к «первичному» и от него обратно по всей текущей психической жизни). В этих «очагах» нужно, следовательно, устранить и всякие предположения о наличных у субъектов законах мысли, применяемых готовых системах правил, актуализируемых способностях и тому подобное. Точно так же, чтобы увидеть порядок в «видениях», нужно, следовательно, убрать порядок из видимого и строить вместе с теми частями видимого, которые впервые упорядочиваются с видением (ср. группа преобразований, для которых мера, остающаяся при них инвариантной, не предана им, а определяется ими самими, устанавливается по ходу дела). Так сказать, теорема предшествующего синтеза (то есть исходить из того, что упорядочивается самим свободным действием или изменением, из самоупорядочивания). Иначе, например, в так поражающем методологов случае «видения» как неструктурного события мы останемся на уровне нередуцируемого психологического или «мировоззренческого» различия (скрытого качества, скрытой силы) и гештальт-переключения от одного его полюса к другому: почему и как нам выбирать то или другое (например, белую вазу на черном фоне или два профиля)? Но этот вопрос существует лишь в молчаливом предположении уже существующего (одного) порядка в видимом (и неминуемо предполагается знание этого порядка в каком-то языке, что и должно срезаться леммой к феноменологической теореме: мы не знаем мира субъекта помимо и через голову того, что о нем сообщает последний). Интересно было бы это сравнить с параболой Пуанкаре, где в одном и том же мире возможно сохранение как евклидовой, так и неевклидовой геометрии, если соответствующие чувствующие существа уже имеют ту или другую. В действительности, нет проблемы выбора. Разрешающая эмпирия. Ничто не ведет эволюцию изнутри (в смысле линейного вызревания предшествующего состояния).

§ 97. Но указанный порядок не есть порядок содержания в объективизированном ряду. Он на уровень выше,

==178

М. К. Мамардашвили

чем предметные элементы, и придает структуру законам, корреляциям явлений в законах, а не терминам описаний этих явлений и событий. Объективное, от сознания независимое расположение многообразия не есть расположение предметов. Состояние (интеллигибилия точная, как может быть точно свободное действие, то есть ни почему) свободно, значит не зависит от предмета, в содержании последнего нет ничего, что его определяло бы, то есть ему нет причин в терминах последнего. (Космологически причины, потом). Оно зависит лишь от того, что линии сил захвачены, закручены многосвязным понятательным топосом. Этот закрут и есть состояние, то, что в нем или им говорится и что наблюдается как дискретно выделенное «видение» (см. § 86, куда это относится)⁶⁰. Символ-оператор («пространство») порождает тогда все новые объекты в этом же состоянии или приводит, преобразует их в последнее (множество состояний), это генератор объектов. «Захват»

⁶⁰ Экранировано по отношению ко всему остальному миру и имеет, следовательно, «внутреннее», и будет общаться с другими «субстанциями» уже в качестве индивидов, необратимо имеющих позади себя подобные «глубины». Фактически, мы уже видели собственное время. Увидим и пространство как внутренний продукт. Но пока отметим, что таких состояний нет в числе физических действий или действий физического мира. Тем самым получаем формальное различие сознательных и физических явлений (другой принцип работы). Но это еще не значит, что мы должны прибегать к какому-либо «духу» и объяснять его действиями. Лучше обратиться к структурам. И увидим, что имеем дело с «субъективностью», не данной, а лишь объективно реконструируемой (и объективно существующей по отношению к «данным» в индивидуальных психиках и мышлениях). То есть можем проходить экран и соединять в другом измерении, составляя с последним (или в последнем) континуум бытия сознания. Но это (если учесть еще и то, что пространство и время здесь — внутренний продукт, в смысле построенности, а не данности в качестве абсолютного пространства и времени, ср. § 87а) по мимо и через голову классического различения и соотношения «внутренней» и «внешней» (как условия объективного знания): 1) то, что связано пространственно, не рядом одно с другим, а это «одно место», поэтому атом может быть величиной с целый мир, нет никакого «внешнего отношения» в классическом смысле, 2) то же самое и для «другого» мира — он не рядом, не отличается «внешним отношением», он в той же точке бытия; ср. § 41 о «внешнем» и «внутреннем», а также § 124.

Стрела познания

==179

прорабатывает силы, в том числе нашу чувственность, подтягивает ее под синтаксические образования, впрыскивает сверху значения в эмпирию и так далее — например, мутанту приходится наращивать себе «тело», целое физическое Mitwelt, чтобы жить в новых или изменившихся условиях. Но если эмпирия генерируема, то (с этого шага) для состояний и структур всегда будет эмпирия и она будет однозначно разрешающей, и в этом смысле, например, вид геометрии (о котором говорит, в частности, Карнап) есть эмпирический вопрос, решается наблюдениями (и ими однозначно обосновывается), а не конвенциями. Ну что, синтезировали (например, метод измерения выбрали)? Все, дальше выбора не будет. Производство субъекта и его мира (в котором впервые определится та или иная математика, геометрия). Могли пойти и так и этак. Но раз пошли... То есть устанавливается в теле. Но они (геометрии) разные, хотя все эмпирически подтверждаемые и точно так же могущие обеспечить систему мысли (как хопи и европеец). Тогда, имея в виду оба шага, мы и говорим, что трансцендентальные насадки (наугольники), встройки-операторы (подсовывающие под себя тот или иной эстезис) ни истинны, ни ложны, а удачны или неудачны в смысле универсального наблюдателя в сфере, то есть возможностей пульсации и развития.

§ 98. Классичность описания, по Вайцекеру, означает необратимость фактов (кстати, у него же в другой связи пример: некоторые фазы атома серебра теряются для дальнейшего знания при взаимодействии с регистрирующим устройством). Без необратимости знание или память были бы невозможны и нельзя было бы ввести понятие «знать нечто». С другой стороны, время и знание с их характерной структурой должны быть предположены, чтобы мы могли понимать физику (в этой связи можно было бы провести следующее рассуждение: мы интерпретируем некоторую теорию А, опираясь на средства, преданные (и, следовательно, независимые) в В, являющиеся условиями всякого опыта (хотя известные всегда из част-

ного опыта) и тому подобное, но А, в свою очередь, может использоваться для выявления и объяснения В⁶¹; иными словами, как говорит Вайцекер, понятия, в которых мы интерпретируем формализм, старше самого формализма (и иначе даются), но если формализм универсален, то он приложим к опыту, в котором образовались эти первые понятия (это, очевидно, уже будет протофизикой или прегеометрией в смысле Уилера?); следовательно, если необратимость — условие знания и памяти, а знание и память должны быть предположены (быть в В), чтобы можно было понимать физику, то физические теории необратимости могут (и должны) быть использованы для понимания этих преданных условий всякого опыта и, тем самым, для создания единого логического пространства анализа и физических, и сознательных явлений).

Но вернемся к необратимости и к понятию «знать нечто». Вайцекер считает, что «ментальный факт есть возможность ментального события (скажем, воспоминания), которое должно быть произведено рефлексией (которая уже пользуется ретенциями. — М.) или каким-либо другим взаимодействием» (но я бы добавил здесь один hic: поскольку знание, то нет универсальных сил взаимодействия — they are put to zero, и произвольный выбор начальных условий здесь невозможен, раз имеет место особый род взаимодействия, по линии которого психологический» объект движется самостоятельно; см. статью). Но он же говорит, что ментальное событие не полностью определено, когда оно случается. И, следовательно, можно осмысленно спрашивать: «что же я действительно испытываю сейчас?» (как и в прошлом}, «что же на деле я думаю?». Но ведь понятие (осознанного) знания тавтологически имплицитно, что мы знаем состояние собственного ума и что знание в полном виде ментального события определимо непрерывно (может быть развернуто аналитически; в аналитической обратимости законы имеют один и тот же

⁶¹ Ср. у Фейерабенда рассуждение о том, что этого как раз нельзя сделать, то есть указывающее на круг.

вид везде), то есть знаем, что мы думаем или знаем [и мы не можем думать одновременно в двух разных мирах, в разошедшихся мирах (шизофрения!), а они должны расходиться в силу необратимости, другие начальные условия (а они — другие, ибо происходят активные внутренние преобразования структур законов и предметов в силу взаимодействия аналитических и причинных структур с «полем материи», с «материей») будут давать другой «лист истории», вырезаемый в суперпространстве; внутри листа будет детерминизм, а точка суперпространства — волна вероятности как вероятного распределения циклов (листов истории) универсума; поэтому сосуществование альтернативных историй универсума, или, что то же самое, «сосуществование» прошлого с настоящим]. Ср. это с неполной определенностью события мысли. Без идеи неявных зависимостей здесь никуда не придешь, как и без идеи универсальной невозстановимости в универсальном и непрерывном виде бесконечного ряда превращений. Сам же Вайцекер говорит об этом, что сознание в этом смысле есть бессознательный акт, оно есть возможность большего сознания (то же самое, по поствоспоминанию Вайцекера, как-то сказал Джеймс). В другом месте в связи с необратимостью: в событии участвовало (в смысле провзаимодействовало) много объектов, что дает весьма малую вероятностью reversal, и если участвовал человек, то он может сказать, что случилось то-то и то-то (раз и навсегда). Но: а случилось ли это?62 И: это ментальное событие не определено окончательно и не определимо в одномединственном ряду (ср. с тотальной информацией в декартово-ньютоновском пространстве) и нельзя исключить, что оно может быть reversed and undone. Только, мол, картезианская онтология ума исключает это!

§ 99. Таким образом, в «Трактате о развивающемся знании», где нас, для нового взгляда на теорию истории познания, должна интересовать работа ума с ее физической

62 Вспомню постулат: в мире ничего не случилось.

М. К. Мамардашвили

==182

стороны (versus натуралистические и менталистские предвзятости), можно утверждать следующее: определенные принципы исследования знания как развивающегося объекта могут быть получены просто из более внимательного рассмотрения места сознательного опыта вообще в системе природы, описываемой физически. Или иначе: существует, очевидно, достаточно важная группа принципов исследования научного знания, которые могут быть получены простым развитием соображений, касающихся вообще места сознательного опыта в системе природы, описываемой в нем же самом физически (то есть не в терминах сознания). Наблюдающие и чувствующие существа, которым этот опыт принадлежит, являются ее компонентой, и поэтому научные продукты этого опыта не могут не быть частью или стороной эволюции Вселенной, включающей и эти существа. Отсюда, из-за вытекающей отсюда жизненеподобности знаниевых (познавательных) образований, из-за космичности состояний знания в любой его точке пространства и времени, из-за того, что сфера питает и поддерживает процессы, естественно не идущие (и наоборот), из-за независимости их от окружающего их «ареала» участия сознательных и наблюдающих существ в этой же самой Вселенной, из-за «расширения» каждый раз (в этом смысле — отсутствия или не действия) одно-единых натуральных, биологических механизмов воспроизводства и повторения состояний Вселенной и, следовательно, ограничения положения наблюдателя в отношении к миру знания (основные абстракции наблюдения, определяющие положения этих существ), — можно попытаться построить элементарные объекты историко-научного развития с их пространством и временем. То есть нечто вроде формального предмета (абстрактно-формального содержания) исторической мысли, ее онтологии, дающей универсум ее объектов, их логическое пространство — что можно и нужно о них знать и какое знание (рационально) удовлетворительно и полно (завершенное, так сказать, «логическое пространство»). Отступление: я сказал «поддерживают и питают явления и процессы, естественно не идущие». Но они физиче-

Стрела познания

==183

ски наблюдаемы, хотя и необъяснимы естественными законами. Универсальный наблюдатель (только иначе определенный) = сфера. Отступление 2: Когда я говорю: «принципы, получаемые из более тщательного анализа фундаментального соотношения сознательных и физических явлений на языке взаимосвязей объектов и средств их производства и анализа, средств производства и анализа всей экспериментально-чувствующей ситуации — в смысле натуральной философии», то это ведь будет давать другой язык описания, не содержащий в исходном различием рационального и чувственного, духовного и вещественно-телесного, разбиения ступеней познания, различия «формализм — теория — интерпретация — экспериментальная основа» и тому подобное, — язык «событий», «процессов», «состояний», «пространства-времени состояний», «квазивещественных структур сознания», «вещно-деятельностного (естественного)», «полевой, динамической структуры опыта», «третьих вещей», «историй, а не свойств и субстратов», «сферы как топоса всех пространств» и тому подобное, эпистемологический язык, имплицитно указывающий на другую метафизику и онтологию. Например, метафизика в нем будет... физической в том смысле, как я это разъяснял в «Лекциях по анализу сознания». А онтология (а не просто метод) — потому, что та реальность, с которой мы имеем дело в истории познания, не есть реальность духа, логики, чистой мысли и мира как некоторого объединения однозначно определенных, дистриктивных и готовых объектов, являющихся устойчивыми и себебестоительными носителями свойств и нами познаваемых, данных нашим чувствам (нашей «природе»). Надежда, что, наконец, понятие «ума» превратится в историческое понятие. В понятие, имеющее плотность, солидность, не зависящую от каких-либо спиритуалистических различий тела и души (ср. § 15). Перефразируя Маркса, можно сказать, что история мысли должна быть естественной историей органов производства человеком мысли или историей естественной технологии мышления, производства человеком себя в элементе мысли.

Наука ведь тоже подчиняется законам жизни структур сознания (с их монадически расположенными формами-телами понимания, пространством и временем состояний, пульсациями переосознаваний и так далее), и выведя ее на этот уровень отношения к сознательным и жизненным явлениям и к космической (космологической) человеческой форме (уровень, общий ей с такими органами производства человеческой жизни, как искусство, нравственность, право, артефакты техноса и тому подобное), можно полностью изменить язык ее описания, весь состав и номенклатуру понятий, в которых мы ухватываем и понимаем проявления познания и его истории.

§ 100. Имеем упорядоченные состояния, то есть формулы и законоподобные высказывания или их совокупности (с определенными правилами построения и преобразования, получения одних из других и так далее), связанные тем или иным способом с лабораторными чтениями показаний экспериментально-измерительных устройств. Они (законы природы и тому подобное) реализуются в корреляциях последовательности наблюдений. Однородно и универсально. Пространство наблюдения само должно быть как-то организовано. Два разреза: массовые и индивидуальные явления.

И предполагается дихотомия начальных условий и законов природы. Ср. Вигнер о принципах инвариантности и симметрии. Кроме возможности выделить существенные начальные условия, «важное значение имеет то обстоятельство, что при одних и тех же заданных существенных условиях результат будет одним и тем же независимо от того, где и когда мы их реализуем... Это инвариантность относительно сдвигов в пространстве и времени... всю информацию, необходимую для описания ближайшего будущего рассматриваемой части пространства, можно получить из локальных измерений... Корреляции между событиями всегда и всюду одинаковы и законы природы — концентрированное выражение корреляций — не зависят от

того, когда и где они установлены. ... Так принятая формулировка инвариантности относительно сдвигов во времени гласит: корреляции между событиями зависят лишь от интервалов времени, разделяющих эти события, и не зависят от момента времени, когда происходит первое из них. Следовательно, если в различные моменты времени созданы одни и те же надлежащие условия, то вероятности последующих событий будут одинаковыми независимо от того, когда были созданы эти надлежащие условия» (стр. 38). Возможность произвольного выбора всех начальных условий и их не связанность между собой какими-либо точными соотношениями («элементы минимального набора случайны или некогда были случайными в той мере, в какой это допускают наложенные извне связи» — стр. 47). «Ничего не знаем о начальных условиях»: это и есть идея Канта. Отсюда нас не устраивают кажущиеся «организованными» начальные условия (например, приближенные соотношения между размерами орбит, мысль о которых была у Кеплера и от которой Ньютон отказался) и делались попытки доказать, что «организованному движению» предшествовало состояние, в котором неконтролируемые начальные условия были случайными, не были связаны никакими соотношениями, и вывести из последнего все «организованное движение» и даже существование жизни (ср. Вайцекер и др.). В большинстве случаев у нас нет причин сомневаться в случайном характере неконтролируемых начальных условий, то есть таких условий, которые мы не можем изменять по своему усмотрению (мы их можем произвольно выбирать, но не можем изменять). Но если мы имеем дело со сферой сознания (или, если угодно, с ноосферой) и гармониями в монадах, то дело с начальными условиями обстоит не так просто или не так жестко в смысле дихотомии законов и элементов поведения объекта, ими не определяемых (ведь в контексте открытия акты возникновения формул-упорядочиваний и есть элементы поведения, не определяемые законами, в

них же формулируемыми, не выводимые внутренними средствами самой же теории, и в то же время маловероятно их вполне хаотическое, случайное и беспорядочное появление!). Принцип свободного действия предполагает, вероятно, иное расчленение, если мы хотим сохранить естественность описания, а не вводить таинственные «силы», «свойства». Проявления свободного действия наблюдаемы физически, имеют особое материально-энергетическое существование. Но что понял бы и что сказал бы марсианин (также руководствующийся разведением законов и начальных условий) о полете снаряда, следах в пузырьковых или искровых камерах, телевизионных сигналах, культовых состояниях, позе героя (как культуре), словах текста (для значений которых у него был бы словарь)? Или шире, уже в эпистемологическом плане, — о всех воспринимаемых явлениях и состояниях (например, в нашем аппарате отражения), восприятие которых на уровне интерпретации зависит от знания законов природы (формулируемых как раз в терминах различения законов и условий) или которые, фактически, имеют структурное происхождение? Что он понял бы, если бы мог непосредственно снимать показания с наших аппаратов? (данные которых можно рассматривать в одном ряду с данными органов чувств). Смотреть из $F = ma$ и смотреть на (?) $F = ma$ — эту абстракцию, нам, людям, почти невозможно произвести. А марсианину она тем более недоступна (он будет видеть материальную и словарную форму $F = ma$), а нужно описать мир, словарь языка о котором нам нужно переводить. Это недоступно изнутри и это недоступно извне. Так что... «Назад к самим вещам». Пока мы знаем, мы не понимаем (мы знаем — слишком легко — значения слов, усваиваем знаковые логические структуры знания, то есть идеальные явления, а не вещи, которые исследуются, а не усваиваются), а когда мы понимаем, мы подвешиваем знания и видим «вещи» (например, слова, рассматриваемые на тех же правах, что и прилив крови к лицу; «какая вещь работает?», а не «что человек общается и думает?»). Самое большое открытие (и самое боль-

шое понимание) — заставить «вещи» говорить (в этом смысле «другой» — то же самое что и другая культура: только через «вещи», где и не будет никакой несоизмеримости). («Вещи», конечно, в смысле комплицированных телсимволов). Понимания требуют только произведения (то есть производящие произведения, а не что-нибудь отражающие), и понимаются только они, остальное известно. Кстати, поскольку неизвестно, о чем они, то они представляются духовными или божественными, то есть субстанционально особыми, установлениями, когда они впервые получены, а интеллектуальный труд — религиозно освящается. Оно же, как понимаемое, есть бессмертная и вечная часть душевной жизни, бесконечная длительность сознательного существования.

Но тогда невозможен произвольный набор начальных условий: 1) произвольным проведением границ выпадаем из данной целостности-монады и говорим о чем-то совсем другом, 2) в объектах есть записи прошлого (а не только прилегающее пространство определения и инвариантной полноты) и за начальным моментом времени скрывается историческое измерение и глубина, давшие направленную организованность (связующее или направляющее время), необъяснимую внешними абстракциями, выбирающими в своих терминах воздействия среды для объяснения, 3) en place машина развития (машина времени), и она воспроизводит свои начальные условия в качестве своих продуктов. (Но, кстати, не всякое знание развивается, как и не всякий объект.)

В терминах наших выборов и решений то «подсовывание» начальных условий, о котором говорит Вигнер (стр. 47), обсуждая проблему, все ли мы законы природы знаем, все-таки происходит (и, следовательно, нельзя считать произвольным набор множества объектов или начальных условий знания и в каком-то смысле нельзя сказать, что начальные условия — это то, что мы не можем изменить). В итоге приходим к разнице между физическими законами и законами науки, посредством которых первые

формулируются и высказываются. Это различие должно быть проведено с учетом особой реальности артефактов, строящихся с «коэффициентами», заимствуемыми из области комплексных значений и, следовательно, имеющих долгую память, время и тому подобное, наглядно неразъяснимые в нашем языке. Иначе невозможен язык виртуальностей. Гуссерлевские ретенции и протенции не работают в интерсубъективной области. Гуссерля и здесь губило ограничение себя анализом актов сознания. А речь на деле идет о жизни третьих вещей.

§ 101. Но вернемся к слышимым, видимым, осязаемым и так далее явлениям, имеющим тем не менее структурное происхождение (не натурально-содержательное), являющимся продуктом внесения избыточности и динамизации элементов ситуации (если можно показания искусственных аппаратов рассматривать в одном ряду на равных правах с данными органов чувств, то и, наоборот, последние можно рассматривать на равных правах с первыми в качестве экспериментально-ненатуральных, основанных также на избыточности и динамизации и не существующих «естественно» помимо свободного действия и его структурных оснований versus мысль Бергсона, что «поскольку данные сознания — часть природы, то мы не можем выйти за ее пределы»; кстати, взаимосвязь свободного действия и избыточности напоминает нам о множественности возможности и, соответственно, об унесении нас потоком непрерывного действия, который надо остановить как таковой независимо от хорошего или плохого). Такие явления, естественно, воспринимаются в качестве таковых (то есть имеют смысл) лишь в зависимости от процесса интерпретации в свете «знания законов природы», гипотезы и так далее (всегда на порядок выше, чем содержание элементов). Стихийная организация ситуации так, что на ее фоне видна «правильная смысловая конфигурация», и мы видим ее, а не фон, не стихийный процесс. Зависимость свойств «мерностей» от собственного относи-

==189

Стрела познания

тельного движения. (Тем более, если оформляем вербально.)
Надо идти к генеративным, порождающим свойствам квазивещественных (скрытых) структур (являющихся космическими включениями) в отличие от универсума, в котором все далекое трансцендентно объединено. Уже здесь на порядок выше опытного содержания элементов. Лишь потом, на основе этого и в зависимости от того, что именно генерировано, появляется то, что обычно называют «интерпретацией в свете предпосылаемого знания законов, гипотезы», «интеллектуальным элементом суждения в восприятии» и так далее⁶³. В качестве вторичных структур (явл. систематизацией смысла, предданного в первичных) это должно быть отличено от «интерпретации» в первичном смысле слова — квазивещественного пространства времени состояния, понимающего символического пространства, за которым стоит предметно-деятельностная динамика. Как теперь взять то, что я называю физическими реализациями сознания? Очевидно, континуум бытия сознания должен быть введен сразу. Чтобы получить в итоге теории как эволюционирующие, саморазвивающиеся «органы» (интеллектуализирующие органы), подключающие множественные существования и развернутые, артикулированные вне каждого из них.

§ 102. Пока отметим следующее: начало теоретического языка (как отличного от наблюдательного и описатель-

64 Миропонимательная *post faktum* экспликация системой, картиной мира. Нужно, следовательно, расщепить «интерпретацию» на две. Тогда придем к фактам картины мира в отличие от фактов науки. Последние будут инвариантными проекциями первых, получаемыми во времени пульсацией. В этом смысле можно сказать, что наука (теория) или сознательное умозрение (также) вводят в мир пульсации, суть деятельность, заставляющая мир пульсировать, иначе мы были бы закованы в картинах мира X и были бы их пленниками, никогда ничего не знающими объективно (ср. с платоновским мифом пещеры). Это случилось в Европе. И в этом смысле европейская культура есть особая как некультура, нечто не могущее быть и не являющееся какой либо конкретной конфигурацией, размерностью Бесконечность.

ного) вещественно или, если угодно, жизненно (и экспериментально в широком смысле этого слова, имея в виду особый, выделенный в составе космоса характер принципа свободного действия и структурные основания последнего). Дело в том, что хотя натуральные элементы одни и те же (как гештальт вазы или гештальт двух профилей) и гештальт-интеллигибилия именно в них, а не вне их или в ряду их в качестве еще одного элемента, концептуальные структуры (гештальт-интеллигибилии) нечто иное, чем каждое отдельное осознанное отношение их наблюдательных, описательных и пр. элементов (в том числе, словесно-определительных) к объектам и событиям, то есть чем их привязки-разрешения⁶⁴ [прямо-таки чистый дух, пронизывающий нечто и не являющийся этим нечто! — так вот, чтобы этого не получилось, нужно: 1) иначе расчленять все целое структур познания, опосредуя отношение концепт — феномен двумя полюсами теория-экспериментация, а не теория — наблюдение, теория — интерпретация, теория — математический аппарат, математический аппарат — интерпретация; 2) дать интеллигибилиям «вещественное» измерение существования, а не угонять их в идеальный мир, к тому же еще и стационарный]. И значимы они иначе, и существуют они иначе (можно, например, показать, что форма и синтаксис неотделимы от значений и семантики, что синтаксические элементы содержательно генеративны, — еще один аргумент в пользу иного расчленения: эмпирическое значение не впрыскивается снизу вверх, а генерируется сверху вниз; ср. Стейн, а также Хэнсон — 255). Можно, например, считать, что их особая, иная значимость получается тем, что они интеллигибилизуют ситуацию общностью своей структуры со структурой вещей, то есть репрезентируют последнюю (но нет интеллигибельности вне континуума бытия-сознания, то есть без помещенности «я» среди объектов и без концептуального контроля над динамикой измерений).

⁶⁴ Состояние (интеллигибилия) свободно, то есть оно точно в смысле свободного действия. И независимо от предмета (дематериализация).

Стрела по./нания

==191

Вне этой ситуации не бывает символов. Но тогда это явные квазивещи, «третьи вещи». На уровне непрерывного и однородного опыта, с точки зрения воспроизводства, повторения и коррелированности всякий раз каждого подмножества решений и измерений, термины описания, утверждения и наблюдения те же самые, а интеллигибилиа уже другое и в другом пространстве. И за ней, следовательно, последует другое поле развертки и развития. И универсальность состояния (число которого совершенно неважно: оно одно-единственное и есть пространственно-временной индивид) другая, отличная от корреляции оценок объектов наблюдения всеми нормальными наблюдателями. Здесь нужно ответить на вопрос, почему для понимания видимой (например, с самолета, во всех деталях) местности нужно еще уметь и читать⁶⁵ (что, к тому же, еще нужно уметь) поясняющую ее карту? Во-первых, имеет место загораживающая генерированность. Во-вторых, далекое и близкое. Множество шагов во времени, необходимость все определять отдельно наблюдениями, а они множественны и хаотичны, множество относящихся к делу зависимостей во множественных манифестациях каждой. Упаковка далекого в близкое, всего времени (непроходимого) в другое время, то есть упаковка всего этого в символическую структуру (напоминаю: символ есть пространственно-временной индивид!). Символизация всех связей и на все время (а затем от дискретного — к алгебраическому и исчезновению карт, образов-манипуляторов и тому подобное). В качестве предельного представления свободного действия⁶⁶. Предельным понятием нашего (то есть не в самом предмете) анализа должно быть представление полного действия в отличие от полного бытия. Последнее трансцендентно, а то — нет (эта «трансцен-

⁶⁵ Транснатуральный, теоретический компонент «третьих вещей», но являющийся и вещью и пониманием. В силу общности структуры, даваемой символом?

⁶⁶ К тому, что наступает после интеллигибилиа: символы ни истинны, ни ложны, они или работают или не работают, или удачны или неудачны, открывают или большой горизонт превращений или малый.

дентность» полноты бытия и расценена Хайдеггером как потеря, забвение бытия). (Ср. Гегель, который впервые восстанавливает старую идею полного действия, то есть «Бога» внутри истории и мира, ограничиваемого миром — пребыть раз и навсегда; но тогда должна идти речь о постоянно умирающем и воскресающем боге¹). Антиномичная невозможность «полного действия» и ведет, с одной стороны, к символизму (= ненатурализму и отрицательной метафизике), с одной стороны — к разбеганию (возможных) миров и к пульсациям (к пульсационной связности мира всех этих возможных и разбегающихся миров). Я уже говорил о том, что собственная жизнь объектов (если они взяты феноменологически) однопорядкова с актами наблюдения (см. § 77). Мы производим явления, которые мы же изучаем. И производящее отношение входит в содержание изучаемого явления, является частью его (частью содержащейся в нем картины мира). А поскольку первое зависит от собственного относительного движения, то множественность явлений-индивидов. «Мыслимо» то, чему есть картина. Поэтому бесконечное и исчерпывающе полное углубление в прошлое невозможно (оно загораживается). Произведенность, с одной стороны, подвешивает нас над потоком случайностей и произвольных эмерджентий (позволяя продуктивность кумуляции и независимую бесконечность самооснованности), а с другой — она же приводит к тому, что оставшееся в теперь уже безразличной области нагоняет нас в нашем будущем в виде случайностей. Это еще одна формулировка основной антиномии.

В плоскости непрерывного и однородного опыта имеем итерацию качественно тождественных эквивалентов (различных лишь порядковым числом). В сфере же (куда и простирается состояние, интеллигибилия) есть особые свойства структуры время-пространства — например, уникальность состояния для всех индивидов и во все времена (то есть именная его неатрибутивность «я» = индивидам и его собственная индивидуальная целостность в этом смысле). Если на языке плоскости говорить об этом, то получим мно-

==193

жественное появление одного и того же лица в различных (и дальних) точках пространства и времени и причинное действие поверх какого-либо пространственного прилегания. То есть чтобы высказать что-либо о состоянии, мы должны повредить, нарушить принципы индивидуации событий и причинно-следственного разделения в плоскости рефлексивных эквивалентов. Это цена. Но это значит и наоборот, что когда говорится (например, в древнебуддийской «психологической мифологии») о «манифестациях» и о наличии одного и того же существа одновременно в нескольких местах, обличиях и тому подобное, то это не утверждение, что это действительно, натурально, на деле так, а что свойства топоса сферы таковы. Такие «выводы» мы получаем, когда выражаем свойства этого топоса (а они имеют наблюдаемые следствия) в терминах макрореального. Это значит, что здесь некоторые вопросы и термины не имеют действительного физического смысла, должны быть денатурализованы. И нужно уметь рационально говорить о таких явлениях. Как называется этот язык? — наука? — я не знаю.

§ 103. Значит ли это, что наши физические знания о явлениях мира имеют отношение к начальным условиям осуществления этих явлений? И что это отношение подчиняется тем же законам физики, которые наблюдатель пытается сформулировать в своих знаниях о мире (а не об этом отношении)? (И нужно отличать применение науки к анализу этого отношения от него самого.) А раз «связность» (в конкретности физического выполнения — например, скорость сигнала) распространения информации в пространстве наблюдателя конечна (дискретна), то на информацию, известную наблюдателю в каждый данный момент, налагаются определенные ограничения. Следовательно, познавательных способностей не можем брать на пределе (Бога и тому подобное). То есть конечность состояния как хроногеометрии сознания, выполняемого хоть одним существом. Как представлены эти ограниче

ния (без их знания) в трансцензусе? Они должны быть представлены в способе генерирования «данных», в генерирующем устройстве. В той части физических условий, которая содержит условия применения понятия понимания (которой, например, для марсианина нету). Вся проблема здесь в структуре поля наблюдения (то есть его связности), в априорно витающем «третьем» (le Tiers). Всегда предполагается некто, наблюдающий «там», но все это втягивается в точку «здесь». Состояния (квантовые) без какого-либо классического «кто», «где», «когда». Оно само есть и «где» и «когда» и само (себя) понимает⁶⁷. Оно строится без единого, первородно-одного субъекта (к тому же движение, то есть изменение субъекта, чтобы можно было извлечь информацию, и это движения, участвующие в генерации, в денатурализации). Нет границы объект-субъект, ибо ничего не говорим об объекте. Без единого субъекта, наблюдающего устойчивые объекты с их сохраняющимися свойствами. Уже в пространстве трех прилеганий мы

67 Пространство-время (то есть структура поля наблюдения) состояния представлено символом состояния (снято в нем и не требует рефлексивного восстановления), организующим предметное видение, строй мысли. И дело в том, что такое пространство-время участвует в физических процессах, наблюдаемых тем, кто в этом состоянии. Одновременно и условия сознания и условия «случания» явлений, которые осознаются. Вещи не приходят в голову, уже наделенные свойством порядка; человек создает условия, в которых порядок и гармония могут быть восприняты и увидены. Опыт — реальная часть действительности, и это физицирует, делает конечными (и дискретно-множественными) процессы наблюдения, вернее, состоящими из дискретных многообразии, а не одного, непрерывного. Вопрос здесь прежде всего в классическом различении существования и мысли: предмет дается актом, который не есть акт мышления о нем и не совпадает с ним (в отличие от «божественной» интеллектуальной интуиции). Но если мы помещаем условия производства знания да представленностью нам предметов (ср. § 134), то что значит данность предмета отличным от мысли актом? Избыточность (на «далекое») и амплификация, фактически, означают, что сознание (а именно оно амплифицирует и восполняет) несет с собой встроенную в него не локальность. Сюда сместилось все новое движение философии, в том числе феноменологический сдвиг восприятия и описания сознательных явлений.

имели дело со связностями поля наблюдения, накладываемыми на начальные условия осуществления и проявления событий и объектов (так, что сами начальные условия оставались неизвестными или заданными и в принципе отличными от законов, которые эти связности поля наблюдения позволяют формулировать). Внешняя (пространственная) выраженность (кстати, полная: явление со всех сторон обложено наблюдением или полностью выражено — иначе нет естественного) в условиях наблюдения или актуализации и охватывается законами природы. Теперь же мы имеем дело с тем, что по отношению к макроуровню представляет собой единую, неразделимую внутреннюю топологию (актуализируемое + внешние условия наблюдения или актуализации). Свободное действие и продукт его — свободное явление. «Свободным представлением» будем называть такое, которое не имеет этих (зависимых причин (ср. у Пуанкаре причину представления о бесконечном у двумерных существ), но, внося всегда избыточность (на «далекое») и амплификацию (динамизирующую флуктуирующие и неустойчивые интенсивности), подсовывает под себя свою «машину» и держится на трансцендирующем, ненатуральном напряжении действующего существа. Оно стоит в ином отношении к прошлому и будущему. Мы не можем не задать это отношение причинно, ни сделать его случайным, ни рассматривать как сделанное человеком. И опять же нужно научиться рационально говорить о таких явлениях.

§ 104. Для топологии события, повторяю, должно быть прежде всего определено понятие предметно-экспериментального (и культурного) тела присутствия в мире, культурно-деятельных агрегатов, развернутых в экстрацеребральном и трансиндивидуальном пространстве, и их динамических сил. На фоне потока изменений и психических интенсивностей. Так, чтобы развитие = возникновению («физического») тела интеллигибельности с укоренением «вниз» (Одно во Многое) и прорастанием «вверх» (Многое в Одно).

==196

Для события пространство-время всегда и всюду локально эвклидово (на самом деле даже в физике псевдоэвклидово, то есть локально лоренцево, — чтобы быть эвклидовым, оно должно включать мнимости, а в познании — «идеи» абстрактного континуума сознания). И глобальная структура пространства-времени не будет трансцендентной (пульсирующий мир не будет трансцендентно объемлющим, как идеальный мир или абстрактный континуум сознания, и должен выражаться или верифицироваться терминами изнутри отдельного пространства-времени, но не в терминах взаимосвязей явлений, а в терминах структур законов этих взаимосвязей (на чем, например, основан символический характер аппарата психоанализа, как и квантовой механики в той мере, в какой она пользуется симметриями)⁶⁸. Для того, чтобы узнать, как ему следует двигаться, спутник не должен выяснять расположение Земли, Луны и Солнца (хотя классика предполагает, что должен) — там, как сказали бы древние индусы, своя Земля, Луна и Солнце. Не нужно трансцендировать и привлекать трансцендентные, ко всему миру относящиеся (нелокальные) сущности (кто их когда видел?). Лучше проследивать реальное взаимодействие объекта и средств наблюдения или «органов», «тел понимания» (то есть структуру прилегающего пространства-времени). А изменение и разницу с соседним (нельзя рассмотреть вместе, аддитивно: они в разных пространствах; но топологический факт «далекого» должен быть представлен особым свойством «своего», местного) фиксировать через «кривизну» этого пространства-времени (что есть в моем случае «кривизна»? — это изменения направления, повороты актуальных векторов пилотов). Мы ведь всегда и везде мыслим точно, если мыслим точно (эта тавтология есть лемма к теореме: «причины считать то или это всегда и везде те же самые,

⁶⁸ Эффект глобальной структуры время пространств, обыденное проявление которой истолковывают как «эволюцию» (эволюционное вызревание из предшествующего состояния), «развитие», «приближение к абсолютной истине».

Стрела познания

==197

что и здесь и сейчас»). Если сфера, то ведь сферическая кривизна должна быть в каждой вырезке вокруг точки, быть свойственна каждому интервалу.

§ 105. К языку взаимосвязей явлений и измерительно-экспериментальных устройств: ведь «тела понимания» соотнесены, с одной стороны, с формами-сущностями (последние на них понимаются и интеллигибируются), и, с другой стороны, взаимосвязаны с явлениями, то есть проследить эти связи = раскрывать прорастания приборов в «тела-органы», взять их как «умные тела», поселить в них наблюдение.

«Реальное (в тонкостях и деталях) взаимодействие объекта и средств наблюдения» — имеется в виду взаимодействие особого типа (среди вообще типов взаимодействий в природе), а именно экспериментальные взаимодействия, наполняемые изнутри саморазвитием «испытующих движений», саморазвитием в и посредством экспериментального испытания. Здесь воздействие («экспериментальное» со стороны внешнего исследователя) является объектом в мире испытуемого, наблюдаемого, он вырван дискретностью интерпретации из физической цепи прилегания, видимой внешнему исследователю, распрямился вертикально и превращен в что-то говорящее, сообщающее, должное быть чем-то, зовущее вызывающее, как немая, еле внятная мольба чужой души высвободить ее твоим деянием по отношению к самому себе (так же, как мы можем сказать, что мы являемся объектами в глазах символов, они глядят на нас). Эмпирия получается необратимым образом, информационное «доведение» объекта и невозстановимая потеря в силу этого части информации есть часть опытного явления и не может быть опыта, из которого можно было бы устранить такой механизм образования эмпирических данных. Сама жизнь сознательных существ в этом смысле экспериментальна. Ее объекты существенно взаимодействуют со средствами внешнего наблюдения и неотделимы от них. Парадокс (ср. § 129): если нет сообщения (то есть если объект предварительно не превращен в сообщение), то нет

==198

М. К. Мамардашвили

взаимодействия, а если есть взаимодействие (имеющее всегда внутреннюю сторону «ускользания» самообучением и развитием, конститутивным для живого существа извлечением смысла), то сообщение не может полностью контролироваться извне и этот зазор открывает дорогу, поле индивидуально-цельным явлениям, или проявлениям «воли и решимости» (Бор) (которые и есть тогда искомые «естественные» объекты). Это «после здесь» есть обеднение, вычитание по сравнению с богатством потенций «до здесь». «Конститутивно»: здесь что-то извлекаем так, что задаем себя определенным образом там, в будущем (каким чудом индусы так точно это символизировали метапсихозом?).

§ 106. И снова к предметно-экспериментальному (практически-деятельностному) включению (включению в космос, а это космологическое включение вариативно): исходя из того, что в познании производителен труд производства сил — в одном экземпляре (наука, искусство, сознательная жизнь личности), и что этот экземпляр должен обладать феноменологической реальностью состояния, его «динамической вечностью» (откуда же тогда многое?), можно видеть, что культура же, в отличие от познания — это отросток феноменальности. Вне нее, под ней, за ней все деструктурируется и реструктурируется. И одно дело феноменальность по отношению к последнему, к этому «под», «за» и тому подобное, другое дело — со стороны культуры, которая является не онтологическим и неметафизическим ее ответвлением. Культурные предметы или объекты суть отростки предметных структур сознания. Последние онтологичны, первые нет. Соответственно, есть феноменальная стороны предметностей и есть их практически-деятельностная, бытийно потенцированная сторона. Феноменальная одинаковость действительного, воображаемого, бредового, реального и так далее (одинаково связанного с производящими свойствами сознания). Феноменом человек взят в «тот мир», и поэтому состав мира не с эмпирическим человеком должен сопоставляться (иначе

Стрела познания

мифологические существа и пр. — бред, заблуждение). Поскольку отношение к идеальным объектам есть не отношение через них или посредством их (как если бы они в голове сидели в качестве третьих сущностей) к реальности, а отношение в особой действительности этих объектов (Гегель впервые увидел эту феноменальность). Это отношение — эмпирия для (специальной) науки. Теоретические же объекты этой последней строятся обращением к (трансфеноменальной) предметной деятельности и к элементарным формам ситэ ее особой действительности — исторической действительности. В ней, вместо абстракции логической бесконечности, абстракция бесконечности (или безосновной-самоосновной открытости) свободного действия (и его предельного выражения — полного действия). Достоверность и мыслимость утверждения, факта и тому подобное (феноменальные, конечно) дискретны, как и сами мысленные комплексы в качестве свободных событий. Они непрерывны лишь в четвертом измерении, монадически. Ни предсказать не можем, ни (обратно симметрично) непрерывно пройти назад к источнику (получаем регресс в бесконечность), — следовательно, не можем увязывать обоснованием ни с каким независимо, самим по себе существующим конечным источником авторитета (то есть натуральным — бог ли это, или показывающий себя чистый разум, или чувственные свидетельства).

Дурная регрессия: когда мы начинаем, то наша сознательная жизнь давно уже началась, и мы — звено в бесконечной цепи качественных превращений. Мысль из хаоса не извлекаема, то есть она исключает вопрос о собственном начале. Более того, мы не можем даже в смысле наших определений установить, когда началась свобода (по отношению к натуральному ряду). Поэтому мы не говорим, например, что это именно мысль свободна в отличие от чувственности или что-нибудь еще в этом роде, а, наоборот, предполагаем наличие в натуральном ряду непрерывного зависимого действия равно и концептов, ментальных конструкций, космологии и чего угодно, не по

==200

М К Мамардашвили

этому признаку проводя различие. А просто различия свободное явление и зависимые явления непрерывного действия, которые сами собой делаются, или, если угодно, сами собой «естественно» приходят в голову, мыслятся, чувствуются, воображаются и так далее. Историческое исследование есть возможность «еще одного раза» такой процедуры, ее обрывания и снова повторения. И для историка нет готового мира и раз навсегда, единообразно различных способностей.

Так же, как говоря, что силы из натурального ряда должны быть вынуты из их связей и преобразованы и что инвариантный продукт преобразований должен на чем-то держаться (на напряжении, порождаемом экстатической машиной избыточности и динамизации), в том, что обозначается как «преобразуемое», не имеет никакого значения, мысли ли это, рациональные выборы и решения, воображаемое нечто, чувственные показания или еще что-нибудь — мы не принимаем этих различии, то есть ничего о них пока не знаем. Поскольку все одинаково может быть звеном естественного хода вещей как отличного от свободного, непредсказуемого изменения, к которому нельзя прийти непрерывным продолжением первого. Таким образом, жизненные мгновения или разорваны (временем), или объединены на каком-то шагу, но уже кентаврично, являются двуединством. И тогда — не свойства вещей, а «истории» (мыслим в терминах «историй», а не предметов — носителей себе тождественных свойств: как замечает Д'Эспанья, в определенной ситуации будут не все свойства). И тогда же принцип неотделимости: вся ситуация внешней актуализации, взятая вместе с предметом.

Уже интуитивистская математика ясно видела в таком двуединстве, кентавричности первичный факт человеческого интеллекта. Или ср. с тем, как английское право прецедента практиковало интуиционистскую математику! Дело в произведенности «натурального» авторитета, то есть основания, источника, начала («естественного» в смысле чистого опыта, нейтрального ощущения, конеч-

==201

Стрела познания

ной данности или, с другой стороны, «естественного света» разума). Но тогда, в силу четвертого измерения — это Янус-онтология, с Янус-данными (не случайно пифагорейцы, идя от оснований, получали в них иррациональный «шум»). И иначе как через физичность «третьих вещей», к этой произведенности не прийти. К производству производящего. И тогда ясно, что «ощущения» ни истинны, ни ложны, ни окончательную истину показывают, ни в заблуждение вводят (так же как термин «истинный» не применим к столу и тому подобное). То есть некая часть (психической) деятельности должна рассматриваться вне терминов «истины», вне терминов отражения, адекватного или неадекватного (то есть не только вне терминов целеполагания): мы не спрашиваем, истинен ли стол и что он отражает. И из терминов этих естественных частей должны строиться понятия генерирующих состояний, артефактов-пристроек, квазичастиц ума (обладающих, повторяю, и свойствами «волны»). Психика есть вещь (проработанная сознанием она — мир квазивещей в четвертом измерении). В познании мы приводим себя (нашу психику) в действие в качестве вещей особого рода и или через динамирующие (а не запечатлевающие) приставки-артефакты, а не в качестве изнутри глядящих, истинно чувствующих или же заблуждающихся, одушевленных существ-гомункулусов. Это я и имел в виду под расширением естественного и сужением рефлексивно-наблюдательного (перспективы наблюдателя). И знание (истина) не имеет источников, ибо оно и состоит в производстве, создании своего источника (что и имеет своим следствием феноменальную дискретность «факта», его размазанность в «мир», выражается ею). Ничто. Бесконечное самообоснование свободного явления. Оно создает собственный топос или открывает себя ему и тем свободно, и этот последний должен выявляться и рассматриваться, а не какие-нибудь сами по себе существующие и натурально преданные источники достоверности и мыслимости. Вечный динамизм подобного рода топосов (да здравствует свобода

==202

М. К. Мамардашвили

и риск! — но свобода в нас то, что в нас не зависит от нас; сознание необходимости такого рода, то есть отсутствие выбора, и есть свобода).

К произведенное™ производящего: все решается здесь (о факте, независимом от всего остального мира, см. § 5а), мы ничему не служим, не являемся ступенькой ни к чему последующему и не зависимость от целого здесь на месте реализуем (в отличие от «выполнения понятого» физическими телами) — вот бесконечность. Это и вечность во мгновении. Ибо это «все» — много (бесконечно обновляемое состояние, состояние испытующего, бесконечного характера). Но это значит снова выходить к абсолютному значению формы, (ничего не содержащей, ибо всевременно лишь нечто бессодержательное), к прообразам, работающим на порождение. Форма, указующая на источник. В отличие от позитивной, такая бесконечность не поддается идеализации и, будучи негативной («не то», «не то», возможное иное или вообще «неизвестный атрибут»), ведет нас прямо к случайности смысла или разума. Действительное бесконечное (в отличие от неопределенного многого и от актуальной бесконечности логиков или идеализованной бесконечности объектов) означает отсутствие внешнего (или натурально, независимо от деятельности данного) авторитета (см. § 70 и далее), означает произведение производящего. «Я», говорящий о тексте, сам внутри текста, объят им, открыт на незамкнутое целое, с возможностью другого, нового «я». Живое, актуальное взаимодействие (наблюдатель которого неизвлечим в качестве субъекта). Трансверсально целое открыто. И всегда отличимо от актуализации. Ибо в «живых вещах» преобразованное продолжает работать, поскольку им овладели лишь символически. (Глядят на нас «околдованные души»). Прямой смысл слова «жизнь».

§ 107. Парадокс в том, что произведения (сильно организованные структуры, предметы — натура натуранс, порождающие предметы-природы, «сильные», то есть ин-

==203

Стрела познания

тенсифицирующие, динамизирующие, до экстремального, до пароксизма доводящие, каковая сильная организация может сочетаться — и обязательно сочетается — с переопределенностью или недоопределенностью) вытаскивают нас за волосы из болота (через топос) и в то же время мы же производим произведения — эти внятные порождения (внятные тому, о ком мы извне говорим как о в символическое пространство-время протянутом)⁶⁹. Или иначе: как если бы они никем не были произведены и в то же время мы называем их «произведениями». Когда мы говорим «никем» и в то же время — произведения», то это значит лишь именную неопишуемость сознания и пр. в терминах агента и носителя действия, это значит необходимую, неизбежную ненаглядность языка (с которой мы неоднократно сталкиваемся и будем еще сталкиваться), языка, на котором описываем и говорим о потенцированном (деятельностью) бытии, и для чего давно уже были философские символы. Способ действия делает пустым место и агента происхождения (как если бы никем не были произведены), то есть описание этого действия, его свойств и проявлений невозможно в терминах, предполагающих самосознательного дискретного (именного) агента и носителя этого действия, соизмеримые с этой инстанцией генезис и происхождения представлений и мыслей. И когда говорим о научных предметах (о чем-то, что действует природоподобно, является предметами-природами), что они никем не произведены и в то же время не возникают естественно, действием природы, натурального механизма, то все обволакивается представлением Бога и им символизируется, то есть суть дела косвенно выражается. Или же представлением особой духовной субстанции, действующей в мире. Но и то и другое — культурная мистерия сознания, «иллюзия» как способы личного и коллективного

То есть через них внятен мир, а не они сами. Их выявляем мы, своих зато не зная. Ср. § 100 о трудности феноменологической абстракции.

владения такого рода силами субъектов⁷⁰. К тому же произведения как натура натуранс не суть интеллигибельные изделия по божественным прообразам (творение последних — привилегия Бога), а относятся, скорее, к компетенции того, что обозначается символической проблематикой телесно «воплощающегося» Бога.

§ 108. Нечто мешает уже просто тем, что оно есть, есть в своей натуральности (внося инерцию, развязывая естественные силы и действия). «Телесность» сознания психики (способностей, сил и тому подобных), факт существования и действия экспериментальных органов, «тел понимания», артикулированных экстрацеребрально и трансиндивидуально, и является причиной и источником мифологии (характеризующихся косвенностью способа выражения и отсутствием запретов) — мифологической психологии, алхимического мифа, мифологии бессознательного, мифологической космологии. Это все оформления положения человека в космосе и связи с последним его микрокосмоса — в смысле решений (путем нейтрализации, как показал Саша) оппозиций завершенной реализации сознательной жизни как целого. Это драма оснований (даже ребенок занимается загадками происхождения) — оснований, которых нет. И эти мифы не бытие (в смысле объекта исследующего и познающего видения) отражают, а формируют и завершают человека — в бытии. К «косвенности действительно говоримого мифом и отсутствию запретов» (что выражается и в буквальности, ему свойственной, в отличие от развитой религии, которая как символизм культурно-технична и эзотерически не буквальна) можно

⁷⁰ Проблема таких сил ведь и в учении Декарта о «врожденных идеях». Проблема «не одному, не самому»: «врожденные идеи» — это дать через себя подействовать другим силам. Но интересно, как «сделанное однажды с большим трудом», включающее «силы свыше», всегда связано с идеей несделанного, несотворенного (тобой)! Ср. Декарт о понятиях, которые не мной сделаны. Ср. также гипотезу Платона о постоянном и фиксированном числе душ »г<<<» каждый раз новая, что привело бы к хаосу и распаду.

перефразировать, что уже говорилось в примечаниях к § 102: топологию связи космос=микрокосмос на языке макрореальности можно высказать (косвенно) мифом, то есть свойства первой — это то, что в нем говорится действительно и символизируется; появление запретов и правил соответствия меняет язык и впервые позволяет рационально понять. Но не внутри науки⁷¹. Здесь запрет определенного типа выражений (внепространственно-временных, аномальных в смысле причинности и тому подобное) может означать, что об этом вообще не говорится и не может говориться на языке науки же. Что же, наука не может сама себя понимать? То есть прояснить себя как ситуацию. Связи ситуации как неминуемо завязывающиеся (и отличающиеся отсодержательных)⁷². (Ведь в содержании

⁷¹ Поскольку она сама объект (а не рассудочная конструкция в головах) в рамках связи космоса-микрокосмоса, в сфере в смысле «Символ и сознание», то есть феноменологически (хотя наука как деятельность и структура родственнее и ближе тому, как работают структуры восприятия, чем вырастающие из последних мифологические и прочие систематизации, которые предшествуют науке в историческом культурном развитии, в филогенезе человечества).

Но интересно, как рано появляются мифологемы (например, в виде первичных фантазмов и детских «теорий происхождения»)! Свойства производства сознания в сфере является источником умозрительных систематизации типа мифологем, идеологом и тому подобных (то есть факт прагмем как метаязыка, опосредующего продуцирование языка — через «предметы действительности»). Последние — гносегенного происхождения (а не содержательно аналитического, отражательного), и, следовательно, наоборот — их существование открывает русло, орбиту, форму движения для производства и воспроизводства сознания данного типа, поскольку в них закодированы свойства способа его производства.

⁷² Эти связи лежат в ином измерении (в отличие от содержательных, куда они логикой могут быть выведены, поскольку она не скована физическим смыслом). Раз мы что-то сделали в содержании, то, в силу свойств производства и воспроизводства сознания) мы ввергаемся в связи, исключаящие выбор. [И беда в том, что в классической науке мы не можем говорить о них в тех же терминах, что и о содержаниях (то есть не имеем гомогенного языка), хотя «явления» феноменальности действуют и в последних. Отсюда разобщенность наук о природе и наук о духе, покоящаяся на разобщенности рассмотрения рядов физических явлений и средств выбора, сопоставления, сравнения и тому подобных по-

М. К. Мамардашвили

==206

она может, сохраняя принцип запрета и им руководствуясь, показывать, что видимое нарушение запрета происходит из-за свойств топоса, о которых нельзя так — например, о цилиндре в языке плоскостной геометрии — говорить). Но тогда должно быть косвенное — идеологическое — ее выражение и владение ею. И шире — экзистенциально-культурное владение (и, соответственно, выражение).

Значит, «целостности» неминуемо порождают выражения, которые, являясь выражением их собственных свойств, не могут находиться в составе выражений, эту целостность составляющих, и исключаются как ненаучные или вненаучные. С ними борются, осознают их как чуждые. Должны, следовательно, расколоться и разойтись два пространства — базовое и наслоившееся. И метафизика.

Целое гетерогенно многоуровнево, то есть какой-то его эффект не может существовать в терминах уровня X, а поэтому должен быть уровень Y. Каждый уровень — совокупность структур с одной топологией (в одном состоянии). И, следовательно, на каждом явлении имеет свои (различные) законы жизни, ритмы, судьбу.

§ 109. Состояния системы, (ср. § 84). То есть, фактически, целостность проявлений определенной усложненной и изменяющейся топологии: (1) неразложимостью индивидов (актуальные, де факто взаимодействия, неразложимые, ибо нет абсолютной системы отсчета), невозможность детализации и расположения звеньев в реальном пространстве, иначе говоря, не можем объективировать в реальном протяжении, непрерывно располагая в нем; тогда для действий, которые все-таки есть, хотя и необъективируемы в непрерывном реальном пространстве, говорим о свойствах или факторах целостности, так что ничего таинственного и

следних и рассмотрения сознательных явлений, сопровождающих мышление о первых, и его средств]. В действительности, не годится классическое различие «внутреннего» и «внешнего». Мы ничего не поймем в указанных связях, если будем его придерживать. И наоборот — исходя из их понимания (вне вышеуказанного различия), мы разведем интерналистов и экстерналистов.

Стрела познания

==207

мистического, (2) все срабатывает вместе (иерархизация в одном состоянии, множество содержаний в нем); поэтому то, что разворачиваем, называем системой (ср. раннебуддийскую теорию мгновенности или одновременности актуализации многократно-расчлененной целостности «закона»), (3) особая активность, (4) множественность с фундаментальной сюрдетерминацией, переопределенностью (или недоопределенностью, что одно и то же): иначе зачем нужны были бы многие экземпляры одного и того же? — ведь общение между тождественными устройствами было бы, как заметил Лотман, бесполезным; гетерогенность невзаимозаменяемых экземпляров со временем, дающая последствия на уровне «больших систем».

И ко всему этому вопрос: возникает ли вообще вопрос о системности, эффекте системности или факторе целостности без выхода к мнимым и превращенным выражениям, то есть без того, чтобы осмысление последнего не вело к идее и необходимости первого?

§ 110. В «состоянии» понятие здесь понято везде. Оно само себя понимает. Потому, что это характеристика его, а не человека. (Без этого постулата мы вообще ничего не поймем в работе ума.) «Везде и всегда» — независимо от того, каковы люди, в каких они культурах, на какой ступени владения своими силами, какими средствами обладают. «Мгновенное действие». Чтобы избавиться от языка, нужно определять само по себе. Но мы говорим на наглядном языке, всегда имея в виду дискретного субъекта. «Не то, не то» (к § 84а). Мы макроскопическими средствами (то есть предметными понятиями и знаками) даем «микроскопическое» и ничего тут не сделаешь. К грубости этого языка: например (кроме нарушения дентификаций, появления причинных аномалий, действий на самого себя и тому подобного) парадокс существования «другого сознания». На деле, для А всегда должно быть несколько, должно быть множество А1, А2... (среда синтеза), характеризующееся определенной топологической связностью, если А эволюционирует путем опыта и обучения [топологиче-

==208

екая связность есть пространство-время = преобразование в смысл и распространение (инскрипция и реинскрипция) генерации по всему (самосогласованный пучок) связанному множеству объектов, где в локусах воздействия она вовсе не производилась бы воздействием и где запечатления воздействий психическими актами оставались бы без — основными]73. Иными словами, нет проблемы существования «других сознаний» и солипсизм логически невозможен, ибо множественное существование есть (первичная) часть смысла существования (и содержания) индивида А, часть его определения и анализа как развивающегося. Это закон языка, на котором мы говорим о развитии чего-нибудь путем опыта и обучения. (Так же как имплицитное предположение «второго шага» есть часть языка, в котором могут

73 Это преобразование не постоянно и не задано заранее в том смысле, что не является готовым и строго определенным то множество объектов, на которые осуществится отображение (так сказать, «размытое множество»). Во-вторых, содержащаяся в нем область шире, чем вербально и прочими средствами определяемое, поскольку включает и значения, лежащие на уровне космологического включения, объектов-содержаний деятельности, имплицитных предпосылок размерностей (устанавливающих область физического смысла), полевых потенциалностей суждения, неявно его окружающих, как облако, «естественных, само собой разумеющихся интерпретаций» (то есть интерпретационных материально пред-стоящих образований, «выполнении» смыслов) и так далее (ср. § 42, 44а), и сами часто служащие скрытыми системами отсчета для критериев простоты и согласованности, для выбора всегда конечного на деле числа текстов из числа всех поддающихся порождению, в терминах какового отобранные определения формулируются на формальном уровне, и так далее (факт чего часто фиксируется понятиями «неявного знания», «заднефонового знания» и тому подобное и что на деле требует переформулировки онтологии бытия мышления, при которой они станут не прищепками и случайными, крайними средствами спасения ad hoc, а естественными — например, то же понятие науки как живой рече-мысли в «настоящем», в «событии=со-бытии» или же растяжка последнего в то же пространство-время, приведение к «тяжелой» системе отсчета, привязываемой к индивидам в моем смысле, а не к идеальным координатам всего мира). Здесь очень важна возможная разница скрытых систем отсчета, которая только и является резервуаром и условием развития и эволюции (как важен и тот факт, что эта разница не устраняется формальной строгостью и продолжает действовать в реальном выполнении мыслей и суждений о предметах).

существовать термины «закон», «величина», «математические отношения» и тому подобное, имеются в виду объективируемые термины).

§ 111. Вызов изменения или превращения... [В тексте книги этот параграф отсутствует; название дается на основе перечеркнутой страницы рукописи. —

Ред.}

§ 112. Топологическая связность генеративного поля наблюдения была и оперативно использовалась уже в классике. Но в качестве универсальной брался один ее вид: такой, где, при достаточно грубых допущениях и ограничениях, определенные конечные и дискретные единицы, отношения (формы, принципиальные целочисленности, «естественные» единицы, изнутри организующие начальные условия и не подлежащие непрерывности изменений и делений и расположенные трансверсально) принимались равными нулю, точнее, исчезающе малыми или бесконечно большими. Но этого нельзя делать в случае разного рода неразложимых взаимодействиях (история знания — частный случай таких «неразложимых взаимодействий»).

§ 113. Все дело всегда в свободном превращении или изменении. И это есть проблема события. Бытие показывает себя нашим (свободным) изменением или превращением (которое есть со-бытие). Сколько мы находимся в свободном отличии от самих себя (ср. у Гегеля «философ как абсолютная монада»)? Ничтожно мало (поэтому, кстати, кроме других последствий этой конечности нашей, и приходится говорить о другом «я», не нашем эмпирическом и психологическом). Но энергия и значимые последствия несопоставимо велики. Поэтому нужно особо, особым аппаратом описывать этот мир — как большой мир. (То есть нужно растянуть в континуум «со-бытие», проецировать интервалы, протяженные ничтожно мало в реальном протяжении, в стороны монады, естественно крупноединичной в другом измерении, и так далее). В случае познания — бытие мысли (и исходить из

==210

М К Мамардашвили

неименной и структурно расположенной множественности сознательного явления, а не классического схватывания изнутри на себе схемы деятельности)⁷⁴. Усилие и дифференциальные натяжения свободного изменения и есть время-эстезис. То, что представляется непрерывно пребывающим предметом —>, есть, в действительности, —>, то есть пульсирующее мерцание. То, что со стороны бытия есть (никогда не начиналось), со стороны человека, нашей стороны, будет переходом, изменением, событием нового. В целом же все пребывает, бережется. Лишь будущее сохраняет прошлое и лишь хранимое прошлое позволяет меняться (а не повторяться). Если вчера что-то не

⁷⁴ Декарта интересует сознание как форма (когито изнутри), а меня интересует (изменительное) приобщение к силе сознания (следовательно, прагматика) в метапозиции (ср § 148) Поэтому он мог доверить Богу поддерживающее «постоянное рождение „я" (и мира) (и говорить, соответственно, на языке врожденности идей), а мне нужен Бог, постоянно умирающий и воскресающий в третьих вещах Иными словами, Декарт догматически остановил развитие «соображений воспроизводства» идеей Бога гаранта А для «Лекций по анализу сознания» можно сказать так Онтология полного бытия (в котором нет места развитию) имплицирована в задании сознания как первичного и независимого понятия физического (объективного) описания мира Метасознание же (то есть прагматика условий борьбы с сознанием, преобразований и переосознаваний, давания себе все новых и новых законов существования) позволяет ввести в онтологию время и изменение, развитие, то есть может послужить «эфиром»: для выработки логических форм исторического мышления (в философской их части, ко нечно) Не говоря уже о том, что «первичными и независимыми образованиями» окажутся кучи культурных объектов (наподобие кантовских форм пространства и времени) и выявится историческая пластичность человеческого существа, то есть реальность мысли Спинозы о том, что « того, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил ... но, говорят, из одних лишь законов природы, поскольку она рассматривается исключительно как телесная, невозможно было бы вывести причины архитектурных зданий, произведений живописи и тому подобного, что производит одно только человеческое искусство И тело человеческое не могло бы построить какой либо храм, если бы оно не определялось и не руководствовалось душой Но я показал уже, что они не знают, к чему способно тело, и что можно вывести из одного только рассмотрения его природы. » (Этика, ч III, теорема 2, схолия)

==211

Стрела познания

ушло в бытие, то не будет бытия сегодня. И если мы сегодня не изменимся, то ничто не сохранится. Своего рода механизм нерассеяния. [Тем более, если учесть, что в строгом смысле рассеяние всегда поглощается каким-либо материальным телом, и иногда не тем, каким надо (как показывает бессознательное)]. Чтобы в точке А поступить свободно (а не повторяться), нужно эквивалентное действие на до-А. То есть одно из проявлений как упорядочивания, так и ограничений, накладываемых свободным действием на возможные состояния мира (например, на будущее).

§ 114. Out of phase (то, что натурально было бы дефазированным) —> преобразования и модуль (одна ячейка)⁷⁵—> как раз будет phase-space с гомогенностью исследования (то, что символически одно по отношению к пространству преобразований). Локализация единичных мысленных актов (рядом, вбок, потом) отображением символа в их поле наблюдения, что, в то же время, означает возможность реализации и актуализации «возбужденной» в точке поля потенци в (или через) эстетическом пространстве символа (= тому, что такое отображение операционально выполнимо). Устойчивость на этом держится. А согласование «значений» и «смыслов» (пучок) выражает то, чего нет в точке пространства эмпирического бытийствования содержаний и в «настоящем моменте» их наблюдения и восприятия (ср. § 60), то есть то, что не производится восприятием объектов и не выводимо из него и, тем не менее, согласно существует во многих точках наблюдения (евклидово пространственно удаленных и временно долгих). С этим и связано, отсюда и вторгается мое понятие и проблема трансверсально (с мнимыми выражениями и так далее) Одного (самого являющегося связностью того, что иначе

⁷⁵ Эту «ячейку» мы можем наблюдать (как, например, телевизионный сигнал), но не понимать (без реконструкции преобразований, то есть «истории»)

не связано), другого пространства-времени (без связи отточки к точке в реально прослеживаемой передаче определяемых значений прямого опыта). То есть это другая связность. Это понятие есть также ответ на старую, издревле известную антиномию: во-первых, знание не передается и, во-вторых, вспыхнув (состояние), оно не нуждается в дополнительном понимании, «само понимает» и в этом смысле было всегда (то есть само оно не локализовано, будучи локализацией, местом всего остального), и поэтому может быть описано, как это и делали древние, как «лишь вспоминаемое» (иначе как уйти от старой дилеммы: «узнаю как истину то, к чему шел, и, следовательно, уже знал то, что должен был лишь узнать» и так далее и так далее). Иначе говоря, это понятие («пространство» и так далее строится для объяснения определенных фактов жизни сознания и познания, которые известны независимо от этого понятия и термины грамотного описания которых могут быть онечными терминами следствий вводимого понятия.

76.

§ 115. Мы отрицаем единство мира (опыты разнообразны на разных «листах истории») и утверждаем единство понимания, отсутствие в одном объекте (освобожденном от «человеческого, слишком человеческого») несоизмеримости и, следовательно, универсальность на метауровне

§ 116. Опыт извлекается (в смысле обучения ему, возникновения нового, как показывают примеры игр, сражения мангусты с коброй и так далее, ср. Винер) в особом пространстве и времени, представляющем собой естественную единицу, неделимую по отношению к продукту, и являющемся «другим» как по отношению к пространственновременным терминам трансцендентного видения наблюдателя, так и по отношению к «частной временной последо76 Гейзенберг: «Физик не рассматривает квантово-механическое описание как дуалистическое: он свыкся с тем, что при переводе монистического описания на естественный язык могут появиться различные дополнительные картины».

Стрела познания

вательности» индивидуально-психического аппарата субъекта. Она не делима, а выделена. Целостность *iws* «s линейная последовательность. И не реализация действия (потребности, непосредственно практической цели и тому подобное), а создание экспериментальной ситуации (игровой) с ее бесконечной стороной. «Содержания» представлены в проницаемом (обозримом, наглядно предметном) времени, в пространственном смысле обработанном «воображением». Мангуста воспроизводит повторяющиеся действия змеи в своем (избыточном) «пространстве» и «играет» с ними в делящемся опыте. То есть как бы воспроизводит на собственных, подменяющих и замещающих физических условиях. Своего рода сюжет, экстазирующий мангусту и позволяющий ей чем-то овладеть в себе и в своей реальности (и приводящий, как машина, змею в место, где ее можно укусить). Она обучилась на построенном отрезке. И это не было нигде закодировано. Но где хранится, где существует? Ибо индивид. Не хватает «межпространства». Стерлось. Но вообразим, дополним... (и будем неминуемо дополнять... мифом, особыми существами, в особом сакральном пространстве и времени). Но, с другой стороны, продукт вложен в область с фиксированными пространственно-временными характеристиками. Он вложен туда и для самого субъекта опыта, иначе невозможно построение знания как однозначно сообщаемого и воспроизводимого. Причем все остальное — кроме этого объективизируемого ряда — сказывается и для агента и для наблюдателя неотчуждаемой и необъективизируемой внутренней реальностью. Как же нам тут дальше потеснить абсолютное из внутреннего? С самого начала все от естественного» в объективизированном ряду — опять получаем движение на одном лице Януса, перевернуто идущее на другом его лице (к нам обращенном). Как удачно выразился Лефевр, имеем Янус- онтологию (в примере с двулицевым домино). Я говорю «воспроизводит», а не «представляет» в психологическом смысле. Наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понять происходящее. Явления

==214

М. К. Мамардашвили

воспроизводятся сами, но на условиях, среди которых есть условие применения понятия понимания. А это есть в целом определение эксперимента: во-первых, собственное независимое действие природы (а не ума или вывода) и, во-вторых, понятное, интеллигибельное действие, действие, несущее с собой условия понимания. Эксперимент — так «случить» действие природы, чтобы оно могло быть локализовано и понято. Это внятный язык природы. Появление особого рода описаний, конфигуративных «длинных планов» (с «что» = «как»), монтажей, по отношению к которым реален и значим вопрос: реализуются ли скрытые условия описания (то есть та подменная и контролируемая часть физических условий, которая есть область применения понятия понимания)? В них вещественно-понимательно (в «символе» для способностей индивида) выполнена скрытая топология сознания-бытия. Эти описания и кодируют возможности, являющиеся механизмами воспроизводства самой способности, потенции тех или иных мыслей и знаний (а не самих знаний, к чему обычно сводится определение культуры как негенетической системы хранения, трансляции и воспроизводства опыта и умений). В них производится производящее. Как описывать эти экстатические машины? Очевидно, иначе составляя произведения (природоподобные по действию, производящие произведения — *orega organs*). Недостаточно рефлексивной лишь операциональности (равной относительности), где есть «круг» и где мы видим в терминах самого же описания. Я имею в виду описания другого рода. Чудовищно сложно его выделить для реверсирующихся интроспективных или рефлексивных систем (где объект = субъект) и найти объективные методы анализа последних — вся проблема в этом. Не определили всех релевантных текстов — в том числе тех, которые могут вообще не числиться по департаменту науки. Не говоря уже о различии исследования и изложения. «Живые вещи»: — жизнь сознания в вещах внешнего мира. Качественное, качественная субъективность.

==215

Стрела познания

Наука ведь не есть система абстрактных норм, совокупность нормативных структур (хотя все это существует, вплоть до клише ходов мысли, схем, кристаллизации), — живая речевая реальность, мысле-речь. «Описания», живые материальные монтажи в ней, связывающие субъектов в теле и через тело. Вечное тело. Упорядочивания, описания, истолкования, телесно воплощенные и символически всевременные.

§ 117. Пространство-время символа есть то, в силу чего нечто является «фактом» и, может быть, становится движущим фактором научного движения и преобразования, фактором новых формообразований. Факты должны осуществляться в этом символическом протяжении. Без этого — эмпирия звук пустой, не есть творческий, продуктивный фактор познания. То есть без осимволенности, без нагруженности смыслом ничто ничего не движет. (См. рассуждение о размазанности факта в «мир»).

§ 118. Но вот мы начинаем о нем говорить: там «о чем» объективируют в реальном протяжении, а где мы объективируем? — «это» есть и действует, а объективировать не можем. Ибо это сдвинутое, поперечное пространство по отношению к тому, что в объективированном ряду, основанном на разделении объекта и субъекта, и где точно и однозначно формулируются и сообщаются понятия и описания. Интерсубъективности (язык) и знания как формы общения нет без прямого опыта, вернее, прямо воспроизводимого опыта (ибо все разыгрывается на втором шагу — не в производстве знания, а в его воспроизводстве). (Здесь *hic et nunc* — мгновение, точка, не имеющая протяжения). И, соответственно, нет непространственно-временных воздействий, поскольку нет науки без прямого опыта (лишь принята мгновенность или действие на расстоянии). Но тогда согласие опытов («общность субстанций») требовало бы, в силу локальной представленности всего в воспроизводстве, предустановленной их гармонии. Но, кроме того, есть еще и состояние, строение этого пространства и вре-

мени, и это состояние есть состояние сознания, даваемое символом. И то, что в плоскости было разглажено в точку, теперь вспучивается... Конечность событий (вместо абстракции логической бесконечности, где предполагается актуально выполненной операция (сознательно-волевая операция) сообразования себя, своего известного всяким нормальным наблюдателем состояния ума с логическим и содержательным обстоянием дел в мире — видимым как бы неким «третьим глазом», операция которого неуловима к тому же ... при полностью вывернутых наружу для него состояниях наблюдаемого (ср. § 36, 42; знание «далекого», реализуемое в «локальном» его нудением и лишением внутреннего). Эта конечность состояний означает, что причины их имеют предметно-деятельностный характер (то есть сам субъект не имеет к ним прямого доступа на уровне правил логики и норм рефлексивно контролируемого сознания). Элиминация «третьего глаза» интенциональностью (iwsms актуальная бесконечность «эпистемологически далекого»), «скрытого», свойственного само по себе. Это абстракция «являющегося знания» и релятивистский принцип свободного изменения в нем (ничто абсолютное не входит в существенные начальные условия его порядка, а характеризует лишь его продукт). Как обобщается этот операционно-релятивистский принцип на область, где не принимается актуальная бесконечность «эпистемологически далекого» (из-за которой у нас появлялись не уловимые мысленные операции «идеального»), а причинные и инерциальные структуры взаимодействуют с материей? И если я говорил, что «между» ужато в точку, которая не имеет объема, то нужно добавить, что это было необходимо, ибо этот объем был бы объемом «внутреннего» и, следовательно, психологическим, что означает, что тем, что «между» ужато в абстрактную точку, оно и не психологизировано. Проскок «действительностей», интенсивностей (математическая точка вместо субстанциональной). Тем самым, вернувшись к глубинному измерению «между», к его вздыблению на 3-х мерной гиперплоскости, мы ока-

зывается перед задачей дальнейшей, более радикальной депсихологизации — как бы перед исходными терминами гуссерлевской задачи 900-х годов, но уже на новом уровне (что за странная цикличность в проблеме онтология — психология, деонтологизация — психологизация, депсихологизация — реонтологизация и тому подобное! — во всяком случае, нужно заново рассматривать саму исходную позицию проблемы психологизма в ее отношении к объективному описанию мира и логическим и философским проблемам последнего). Ведь ясно, что нам нужно логически и онтологически гомогенное поле для совместного рассмотрения физических и сознательных явлений (закладывающего базу для преодоления разрыва физических наук и наук о жизни и сознании), что предполагает какую-то дальнейшую вырезку из «психологического», завоевание какого-то дальнейшего плацдарма в нем, очищаемого от абсолютного, от антропологизмов и антропоморфизмов, от фантазмов неуловимых гомункулусов с их актами чистой мысли, желаний, решений и тому подобное. Особая действительность. Каковы ее элементарные объекты, формы? Но выбивание «между» из объема (то есть из внутреннего измерения) в точку означает идею: нет непространственно-временных воздействий, все они как наблюдаемые и сообщаемые в качестве опыта имеют фиксированные пространственные и временные характеристики, то есть это идея прямого опыта как базы науки и научности. А это оказалось самой могучей и продуктивной идеей в познании мира. Пространство 3-х прилеганий, в силу которого наука есть одна работающая (в том числе и ретроактивно) кумулятивная машина. Лишь развитием этого пространства в культуре наука смогла быть согласованной intersубъективной мыслью (с континуумом полного бытия и знания). Работающая «иллюзия» однородного времени, в котором все распределяется дистрибутивно и аддитивно. непонятны лишь инновации, а не сама эта машина, непонятны лишь длительные когерентные и кумулятивные изменения, суммирующие большое число творческих актов.

§ 119. Эпоху научной революции часто выделяют по признаку важности, приобретаемой наблюдением. Но дело не в наблюдении как таковом (нельзя сказать, что не замечали столь очевидного, как наблюдение, что не приходила в голову столь простая идея — наблюдать, просто в нем могло не быть смысла). Дело в формировании нового типа деятельности в наблюдаемом, важность которого признана, дело в первых абстрактных конструкциях и онтологических образованиях в наблюдаемом, которые были или оказались успешными (в том числе и для задач дедукции).

§ 120. Сознательное явление (существо) возмущает топологию, а физические явления, как это ни парадоксально, — нет (в каком-то смысле спиритуализм больше годится в изучении физических явлений, чем в изучении мысленных и духовных). Факт получения знания об объекте меняет сам объект (вернее, объект изменяет себя фактом получения знания о нем). Деятельность должна соответствовать своему описанию как норме, а не описание должно соответствовать деятельности как объекту изучения.

§ 121. Пространство и время, в которых возможны извлечение информации и самообучение существ, то есть превращение их в другие, им подобные, получившие вектор направления, необратимо извлеченное, где не сказать, что наш ум был в исходный момент в прошлом в состоянии А или Б, означало бы просто-напросто «забыть» (и, следовательно, можно определить память через отрицательное ограничение: память есть то, из-за чего нет чего-то другого), особы. Лишь зазор двушаговости, экспериментального воспроизводства и дубликации, трансверсально содержащий такие пространство и время, зазор, в котором есть опыт изменения себя самообучением, и — на основе его — самопостроением, опыт, не прекодированный генетически, ставит впервые осмысленно вопрос о сознании и психике, в остальных случаях постановка этого вопроса

праздна и бессмысленна, излишня, является ненаучной спекуляцией. (И через никакие стенки не проходим — этого всего, стенок и тому подобных, просто нет в том смысле, что перестаем в терминах реального пространства и времени различать и непрерывно прослеживать то, о чем говорим; поэтому не можем сказать: «прошел сквозь стенку» — ибо «стена» термин из физического пространства). Это пространство и время артефактов с их симметризирующей группой преобразований (например, симметрия сообщения и извлечения информации, так же как в будущем симметрия «свободного» состояния и состояния как зависимого продукта «накопления невидимых следствий»). Мы мыслим артефактами, похожими на работающие и самостоятельно существующие идеограммы (они и есть «субъективность», ни идеальные значения, ни психология, и эта субъективность не дана непосредственно, вычленяется с такими же сложными ухищрениями и допущениями, как и «объективность»; субъективность не есть непосредственно данное, как и эмпирия не есть непосредственно данное; «сущность» не стоит за явлениями», и поэтому есть субъективность, не может быть отброшена, то есть существование в данном случае означает единичность и индивидуальность (ни к чему далее, ни к какой системе и так далее несводимые). А ведь субъективные явления никогда не удавалось рассмотреть как единичности (за ними всегда стояла сводящая сущность; впервые в общем идея интенциональности делает такую попытку). На наши способы передвижения надеты колеса — это ясно и наглядно. Но какие колеса на наших глазах (а не вещи в мире)?⁷⁷ Сколько и какие артефакты у нас даже уже в мозгу, в нейронных действиях и структурах? Со второго шага свободное действие подтягивает под себя эмпирию, которая кажется непосредственным показанием.

⁷⁷ Колесо воспроизводит (порождает) и мир движения и существо, которое осваивает эти движения и изобретает механизмы их «полезного» преобразования. И мы не можем сделать его небывшим.

(Ср. с «двуединством» в последовательности: воспроизводство и повторение в последовательности уже содержит «чуждый» элемент, является двуединством после разорванных моментов времени, и если так, то имеем «среду свободного становления», а не актуальную бесконечность, и взаимодействуем с этой средой, обмениваемся деятельностью с природой и между собой, а не с «эфиром» имеем дело). Но куда девается и где пребывает все остальное? Где и в какой форме существует «фон», то есть в каком смысле можно говорить о его существовании, если мы должны исходить из того, что нет Вселенной, в которой были бы следы всех событий, так сказать, «события в себе»?

Должны исходить из предположения, что мир (равно и сознание) упорядочивается самим свободным действием (таинственная свободная причинность Канта). Должны измениться «мы сами» (в широком смысле) — никакими наличными предметными и формальными средствами неразрешимы коллапсирующие предметности (это и значит образовать «новую предметность»). Теории, которых мы не помним в свободе, в точности свободного действия (дематериализация и безобъектность силы сознания). Но где помещать «артефакт», «произведение», «ноогенную машину» — до или после?

§ 122. Есть, фактически, два перекрещивающихся и расходящихся⁷⁸ условия: (1) участие в движении, несущем информацию, без этого участия не извлекается информация: мы должны прийти в движение (всякий возможный смысл ему релятивен, что и делает инвариантом физические законы, даже если их группа симметрий неизвестна «сознанию»), (2) «самообраз» деятельности (вынутый из времени, сам является временем, дающий время—со-стояние) извлечения информации, который не может быть локален (следовательно, принципиальная нелокальность сознания или так называемые «нелокальные эффек-

⁷⁸ «Расходящиеся» в том смысле, что вторым «фон» устраняется из содержания: что-то в содержании, а что-то в фоновой связи.

==221

Стрела познания

ты»), в данном случае — нелокальность сознания схемы деятельности, являющаяся гнозогенной; структурация самообразом деятельности, без которой нет извлечения информации этой деятельностью. Все это на шагу воспроизводства, дубликации и репликации. Или, что то же самое, локальность полноты, конечное хик эт нунк всего (а это не может не быть символическим, с мнимыми, следовательно, «коэффициентами»).

§ 123. Простое рассуждение: созданное должно воспроизводиться, на что нужна еще сила, не меньшая, чем на создание, и все решается на втором шагу; эта последняя сила не обеспечивается ни извне абсолютом, ни изнутри вызреванием готового (все это устранено феноменологической абстракцией, и кроме того предполагало бы неуловимые психологические акты, реально не осуществимые контролируемо без допущения актуальной бесконечности и противоречащие элементарным фактам обучения и памяти); все должно быть представлено на месте, в ближайшем окружении (следовательно, нет «окон»), раз завязывается и разыгрывается на втором шагу; следовательно, должна быть монада, то есть конкретное наличие всего целого в малом и конечном, формы с материей hic et nunc, «телесного духа», «живого бога», реализованной тотальной обозримости и проницаемости всех вырезок пересечений временных и пространственных линий⁷⁹ (монада, поскольку все целое дается «без окон» и в неразложимом конкретно-телесном единстве «единстве»⁸⁰); но тогда, казалось бы, нельзя обойтись без «предустановленной гар-

⁷⁹ Это независимая от первоакта аксиома. Эта аксиома и есть принцип свободного действия (монадического по своему строению), предельным представлением которого является полное действие. Или принцип «поддерживающего воплощения», нужный для всего человеческого (ибо для него не может быть причинения или вынуждения к нему; свободное действие должно делаться снова и снова; поэтому и есть на деле лишь мерцание).

⁸⁰ Монада не имеет окон — поскольку это другой срез мира, не смена, не последовательность, не перенос причинной связи по цепи от места к месту (через что и засекается особый феномен личностной структуры или свободного действия).

монии» монад для согласия опытов, ибо последнее — самое большое и самое невероятное чудо (это согласие не то же самое, что коррелированность опытов всех нормальных наблюдателей в нормальном пространстве формулировки и сообщения понятий и значений)! Очевидно, с учетом сказанного в §§ 83 и 110, сама монада иначе строится. Речь идет о структуризации сознания артефактами в пульсирующей сфере сознания, с самого начала предполагающей неименное сознание и ненагляднопредметный язык. Нетривиальную и изменяющуюся топологию этого «общения» и связностей определить весьма трудно. Во-первых, не монады во множественном числе, а монада, стороной которой является тождественная вырезка (включение) части многих протяжений в непрерывном пространстве и времени больших систем, иначе между собой не связанных, — сторона, вовлекающая наши субъективности в сложное структурное единство с монадой (и, как сказано в § 113, это ничтожно мало и коротко, но несопоставимо велико по последствиям). Если неразличимы в этом, то это одна монада. Если же различимы (и нет связности), то другая монада. Множественность монад лишь в этом смысле. Во-вторых, виртуальные предметности (поджидающие нас в актуализируемых точках «воздействий» мира), consistencies, coherences с их внутренними линиями пространственно-временных связностей, пронизывающими вдоль, поперек, насквозь, поверх, назад и вперед простирающееся перед нами. Вытянутость из настоящего и свободное движение в другом измерении. И не произведенные самим процессом случая и селекции. И не произведенные в связностях «настоящего» (то есть пространства и времени воздействия и наблюдения и выполнения последних психическими силами индивидов). В этом смысле свободное движение в другом измерении. Независимо от возможности (фундаментальной) проследить условия знания в пространстве и времени и в причинно-следственной последовательности. Ср. рассуждения Ауэрбаха в «Мимезисе» по поводу Вирджинии Вульф. В-третьих, язык генезиса должен строиться не из выражений: «мне пришла в голову мысль», «у меня

родилась мысль», а из выражений: «я пришел, попал в мысль», «я родился в мысли», «я возник в идее» и тому подобных (тем самым, отвлеченно от проблемы коммуникации⁸¹, сообщения знания и сознания и коррелированности в этой коммуникации, — естественно, что такой коммуникации нет вне и помимо пространственно-временных воздействий, то есть повторяемого прямого опыта в каузальной структуре отражения). [Ср. с Филолаем о том, что декада не установлена нами или случайно возникла, а является самосущей идеей. То есть эти образования не только не производятся самим процессом случая и селекции, к изучению которого мы их привлекаем, но к ним неприменимы и термины человеческого творения: не человеческое творение форм, а предоставление психических сил в распоряжение бытийным и, наоборот, налаживание первых (при их флуктуациях, колебаниях, отклонениях) через образец «божественной жизни» — в техносе⁸², конечно, а не умозрительно и умственно.]

§ 124. Конечность событий означает, что, как уже говорилось, их причины имеют предметно-деятельностный характер (к которому сам субъект не имеет прямого доступа на уровне правил логики и норм рефлексивно контролируемого сознания), то есть суть действия ума, не являющиеся действиями ума в смысле действий, самосознательно объединяемых в терминах волей и сознанием контролируемых определений, шагов рассуждения, объективаций, конструкторов и их связей и так далее (все это, как было показано, предполагает абстракцию актуальной бесконечности и предельные переходы, а имеем мы дело здесь с неотчуждаемой — и для наблюдателя и для субъекта — внутренней реальностью, вроде сверхестественного внутреннего воздействия Канта, беспричинного знания,

⁸¹А отвлекаться необходимо, ибо знание в экз. смысле не передается (без эк-стаза, в смысле Платона).

⁸²Мир набит вокруг нас «понимательными существами», весьма телесно-техничными wshs рассудочность и умозрительность гносеологии и психологии, всякими актами фантомами населяющих подчерепное пространство голов жалких человечков.

«совести», «необходимых» состояний сознания, независимых от сознания и не могущих им быть изменены, и тому подобное — короче, свободного действия, состояния бытия, если под последним иметь, конечно, в виду термин из континуума «бытие-сознание»⁸³. Поэтому и нужно (и возможно) пространство и время, состояния сознания, являющиеся состояниями пространства и времени (и имеющие символы); например, такое действие невозможно при пространственной разделенности, при отсутствии согласованности и когерентности в виртуальной точке (то есть нужно, чтобы говорить о состояниях различительно и независимо — например, от спонтанной связи понимания). Рассеянное возвращается в точку (или, что то же самое, распространение приходит из бесконечности и соединяется в точке). Но в силу конечного бесконечного⁸⁴ (для этого сначала нужно ввести избыточную бесконечность свободно-го действия) мы получаем не обращающееся прошлое (не минимально вероятные, хотя и законами не исключаемые события, не никогда реально, в смысле начальных условий, де факто не наблюдаемые физически явления), а возникновение и превращение новых форм, то есть принцип развития (он, следовательно, как и действия ума, не исключается законами физики, для них оставлено место). Развитие есть акуширование новой формой того, что уже есть. Нет такого физического действия — в смысле когерентного направления начальных условий к

83 Под «интуицией» обычно имеют в виду способности человека в ряду других его способностей, а я имею в виду состояние бытия, бытийное состояние и потому не могу пользоваться термином «интуиция». Поскольку в вышеуказанных «независимых» и «неотчуждаемых» состояниях мы не можем уйти от бытия в них к представлению в гносеологическом смысле. Наоборот, мы получаем их феноменологически, то есть как раз отстранением от представления.

84 Я имею право соединять конечное и бесконечное, поскольку символ (с мнимостью) и содержание не из одного и того же ряда значений (но уже феноменологически сопоставимы, гомогенны). Принцип феноменологической гомогенности. Его действие и проявляет себя тем, что приводит в анализе к утверждению феноменологичности вечности истины (то есть ее укорененности в истории, а не в идеальном, статичном и трансцендентном мире).

обращению процесса в точке (физического действия, то есть такого, которое оказалось бы физическим и о котором говорилось бы как о физическом в терминах различения законов и начальных условий, и сказать, что «нет такого физического действия», было бы, следовательно, тавтологией, раз под физическим действием понималось именно это: о чем-то мы говорим как о физическом действии на основе определенных условий, посылок и допущений, в числе этих условий имеется и различие начальных или граничных условий и физических законов (первые являются физическими в слабом, а вторые в строгом смысле); о действии, которое допускает или предполагает организованные и согласованные начальные условия, мы не можем говорить как о физическом; следовательно, мы говорим «нет и не может быть такого физического действия» не потому, что мы так (не) наблюдали, не на основе того, что так обобщили наблюдения)⁸⁵. Но вер-

⁸⁵ Отсюда ясно, что под синтетическими суждениями априори (и, прежде всего, сновоположениями) Кант имел в виду плодотворные тавтологии (как «когито эрго сум» и тому подобное), о которых нельзя сказать, что они чистые аналитические предложения, хотя вывод в них следует не на основе наблюдения, — разве определение того, что является физическим действием, является аналитической истиной в отличие от истин опыта? Такая же «тавтолошия» имеет место в определении сознательных явлений. Очень часто теории именно выступают в роли такую рода плодотворных тавтологии наблюдаемо то, что теория позволяет сформулировать. Ср. у Геизенбера (которому Эйнштейн сказал: «Всегда именно теория решает, что может быть наблюдаемо») рассуждение: надо ли о пути электрона в газовой камере спрашивать «как представить этот путь?» или «не имеют ли в природе место только такие ситуации, которые могут быть представлены в квантовой или волновой механике?», и избрав второй, перевернутый вопрос, задать его так: «Если мы хотим знать и скорость и позицию волнового пакета, то какой наилучшей точности мы можем добиться, исходя из принципа, что в природе встречаются только такие ситуации, которые могут быть представлены в математической схеме квантовой механики?» Результатом решения последней, простой математической задачи, мол, и было установление соотношения неопределенностей, совместимую единственно с экспериментальной ситуацией. Такое же рассуждение можно провести и относительно установления того, что определенный элемент математического формализма имеет физический смысл лишь применительно к значениям напряженно-

==226

нее: итак, нет такого физического действия. Но нет и такого умственного действия, деус экс машина. Есть действие третьего — артефактов⁸⁶. Обратимость мыслительных и знаковых логических структур допускается лишь ими (поскольку процесс распространения ими дискретизирован и они составляют коды). Обращенные наукой ситуации. Где мы спрашиваем (и отвечаем), каков мир «сам по себе», а не каковы измененные в нем нашим вмешательством положения вещей и сцепившиеся последствия таких изменений. Обратимость через артефакты, но рас___стен поля по конечной пространственно временной области, а не в точке (но здесь явная проработка!). Значит, он позволяет это сформулировать (добавлю, интеллигентно), а не то, и, следовательно, это имеет место и может быть наблюдено. То же самое и в случае описания «отчуждения» в философии, о котором говорилось ранее. Это, кстати, напоминает структурный метод, по языку, по топосу выражения в обход эмпирическому исследованию и генезису (используя формальную аналогию). Параллелизм формальных аналогий и символизма аналоговых моделей.

⁸⁶ Я получаю «круг»: артефакты производят свободное действие, а свободное действие производит артефакты (чтобы самому происходить). Но ср. у Винера: «В некоторых новейших направлениях . мера, остающаяся инвариантной при группе преобразований, определяется непосредственно самой группой, а не задается заранее»

«О чем, что» и «как» совпадают — вообще, в случае произведений (в моем смысле, то есть *organ organs*) взятых со своей артефактической стороны, то есть как органы производства жизни мысли, как органы, синтезирующие из неорганических (то есть чуждых мышлению) элементов и «выдающие» явления мыслительной жизни, никакими запечатлениями и восприятиями не производимые, и где начало и само произведение совпадают (последнее в этом смысле ни о чем вне себя) и обладающие признаком такой активности, которой нет у того, что образовалось и соединилось вне и помимо этого *organ* (Познание как специфическое нечто в этом смысле должно быть ухвачено и положено в качестве исходного и далее несводимого — иначе мы убиваем своим вмешательством). Содержание, производимое внутри самого произведения. Через эту особую действительность и обнаруживает себя, проступает мир «как он есть». Но при условии, что в ней произведен и субъект, «я» этого мира (и тот, и другой, и третий . . .), то есть субъект «вещающий», максимально или удачно движущийся в измерении «третьего» (что самой психикой никак не гаран-

тируется! — здесь стоит напомнить и невероятность, в силу природы несинтезированного времени, мысли впереди)

==227

Стрела познания

слоение (и надстраивание) многообразии: часть их в обратимом мире законов пространстве 3-х прилеганий, а другая часть уходит и скрывается в i-мерении, где будут динамические инвариантности с иным отношением к начальным условиям, будут необратимости, взаимодействия причинных и инерционных структур с «материей» и тому подобное (то, что на языке физики называется «начальными условиями», на языке эпистемологии и онтологии называется «данными» как реальными начальными условиями знания, что является уже термином в описании не мира, а знания, и это трудно различать: например, в терминах описания и анализа знания как особого существующего объекта внешний эксперимент есть, несомненно, совокупность согласованных, а не произвольных, случайных начальных условий, а испытываемое может внутренним согласованием уходить, ускользать от связующих эти первые условия законов в языке исследователя, экспериментатора. И где не только не можем изменять субъективные данные, но и произвольно набирать из них множество начальных или граничных условий).

§ 125. «Эфир» (не обладающий физическими свойствами) этих появлений можно изобразить и так: минус состояние сжалось -> расширение в плюс-состояниях (разбегание в пространственно далекое), минус-состояние разжалось -> в черных дырах эмерджентия и упаковка нового опыта (что-то идет к нам из бесконечности, приходит в точку и коллапсирует здесь; взаимодействия с меняющимся материальным полем, как раз сопротивление гармонии или его продукт идут к нам из бесконечности). Сращение предметов (в мире полагаемых) с условиями производства сознания о них —> высвобождение сознания и высвобождение предметов (освобождение от того what we are having at our eyes) — это бесконечно, незамкнуто и не имеет единой системы отсчета. Начало -> иначало (ср. § 124): поскольку зависим от воссоздания оснований, начальные условия которого не контролируем.

§ 126. К бесконечности свободного действия: она открывается в своем зиянии, конечно, в связи с тем, что нужно создать, чтобы испытать (что было и есть); смысл всего того, что происходит (и что меня охватывает), понять этот смысл (только для Бога смысл того, что происходит, есть значение-определение, но я формально участвую в этом его качестве, силе, сущности); чтобы прояснить все происходящее — бесконечные символы, открытые (бесконечно) на целое и на трансценденцию; полноту мы имеем в каждом моменте, локально (ср. § 59, 122), а не всеобще трансцендентно, то есть она дается символической плотностью (локальная полнота = нелокальность «сознания» — неполнота бытия). То, что происходит в природе однажды заведенным образом и продолжает в ней происходить, существует и происходит, в смысле того, что мы, люди, можем об этом сказать и понять (в том числе, в науке), воспроизводясь и повторяясь в мире деятельности и культуры (то есть смещенно, в понимательном топосе, в топосе «третьих вещей», артефактов). Априоризм на уровне воспроизводства (формирование ситуаций, а не формирование ими). Конечно, лишь этот, особый характер воспроизводства, особая мимезисно-конструктивная зависимость испытываемого (приостановленного в реитерации создаваемым), открывающая зазор, в котором начинает зиять бесконечность (человекообразующих эффектов, эстетических эффектов, познавательных эффектов и тому подобных бесконечно проясняющих явлений, независимых от их практической пользы и потребления, разрешающего какие-либо натурально данные потребности), и ставят впервые, как я уже сказал, вопрос о «сознании» и тому подобное как терминах настоящей, натуральной философии.

§ 127. Условия (и природа) сознания как-то тесно связаны с условиями развития, мутации и появления новых форм, и поэтому, очевидно, предметный подход к первым так изоморфен тому, что происходит на самом деле, в жизни (а не в исследовании сознания). Ни сознание мы не можем изучать объективно вне допущения в теорию внело

Стрела познания

гического, внетеоретического принципа «делания чего-то самим предметом, который изучается», ни развитие предмета изучать вне чего-то происходящего в предмете же самом в отношении к сознанию. В этом смысле можно взять две эпохи, классическую и современную, так: анализ (в смысле обоснования) знания о физическом мире — работа модели имитации творения; анализ (в смысле обоснования) знания о сознательных явлениях — работа модели имитации развития (и воплощения), то есть объективный анализ сознательных форм (где мы должны высвободить сознание, предметы и так далее) изоморфен, *solidaire* тому, как происходит реальное развитие, вернее, его акт (чтобы не путали с последовательностью). Философия в последнем смысле уже в принципе не может быть наукой наук или же системой, универсальной метафизикой, одной-универсальной онтологией. Она может быть лишь философией дискретного участия и указанием на его условия. Ср. в статье об обратной квазипространственной развертке свернутого: но это и путь самой жизни, механизм ее развития. В абстракциях историка (для которого знание бытийствует, а не понимается) накрывающее (в объекты языке) рефлексивное пространство и его разрешимости (преобразуясь и со снятием тавтологии импликации понятия «знать») вкладываются в сферу (становясь разрешимостями историка, его слоем соответствий), только в измерении которой и будут связи или связности. Накрывающей будет она. Иначе в языке историка не будет реальных смыслов формальных элементов аппарата анализа. Но это же означает неустранимый дуализм, двойственность языка историка. В философской теории истории познания это означает: встать внутри свободно становящейся последовательности («открытой истории» без подвешенного, замкнутого и статичного абсолюта, небесной тверди вечных идеальных сущностей), располагающейся полилинейно и движущейся одновременно по многим срезам. Как в смысле строения каждой формы, так и в смысле смены форм и развития. И,

отталкиваясь от метатеории сознания, строить миры возможных, внутри которых находимся и мы, историки, от лица прошлого вопрошающие не астоящее и возможный будущий новый сознательный опыт, которого никто не знает и лишь на условия эмерджентности которого можно действовать. Историческое сознание — орган самой истории. Например, деноминация всегда одна, одинакова (и непрерывна, то есть линейна и последовательно развернута) в силу свойств языка. Как я узнаю «феномен», как я узнаю другой топос? «Понимание» (в смысле исторического акта) — явно что-то, что не является членом самого ряда (иначе уходим в дурную бесконечность). Оно целиком «здесь» — в том, что само себя в себе показывает (я уж не говорю — само себя понимает).

§ 128. Создать, чтобы испытать, что есть (и, следовательно, не испытать, если созданное не позволяет), — это прежде всего конечные (и дискретные) связности, «вязкости» пространственно-временных складок, пазух, прикрытых узловыми «точками» синтеза в рефлексивном пространстве. То есть это «знаемое» (в зависимости от которого мы видим, слышим и тому подобное ср. § 84) не есть интеллектуальная операция, а есть состояние (состояние, стоящее, «вертикальное» время, стоящее в чем-то и с чем-то, а именно — состоящее с пространством) некоторого сознания (неименного и само себя понимающего). И самое трудное — это чувственно-телесное одеяние таких генераций (а не духовная воспаренность). Поэтому информация не от точки к точке, а по конечной пространственно-временной области (или совокупности таких областей, взятых дискретно). В отличие от «вездесущия» Сенсориум Деи, доходящего от точки до любой точки и позволяющего (и требующего) локально в каждой судить, реализуя операционно-релятивистский принцип. Информационное пространство и время (см. § 83), «внутреннее» по отношению к тому, что мы объективируем в терминах сознанием и волей контролируемых мысленных актов, утверждений, наблюдений, субъект-объектных по

своей структуре (то есть разграничивающих субъект и предстоящий ему объект) и референтно наглядных (макроязык). Вся сложность с «состояниями» в нем та, что их «новое знание» мы рассматриваем в той мере, в какой это новое знание связано с изменением сознания, с измененным состоянием последнего — наиконкретнейшим, наителеснейшим, наичувственнейшим. Ведь мы росли телом, в телесные связности, вязкость (чего можно было не замечать, пока в физическом познании только с телами имели дело). Но телесность эта особая. Она как виртуальная волна-пилот, занимающая область и коллапсирующая (назад) «следы» предшествующей и индицирующая предстоящее. Не полностью известные допущения, посылки, источники, сросшийся с предметами сущностный материал системы мысли. Состояние ведь не содержание (никакое)! Это термин для порождающих свойств (ср. §§ 44, 77 — «всякое могу»), для создаваемого порождающего. Набор (часто скрытый) физически реализующихся условий. Он разный. Но они и условия понимания (то есть физические условия приложения понятия понимания). (Ср. § 38 об активных концептуальных структурах.) Например, некоторые вопросы при сравнении Галилея и Аристотеля отпадают при анализе физических условий реализации понятий (что скрыто одноименностью понятий в макроязыке). «Несообщаемость» миров тогда просто вытекает из определения того, что вообще осмысленно. А макроязык требует одного набора (в силу операционно-релятивистского принципа — последний, кстати, направляет наше внимание на физические условия, но раз внимание направлено и мы за эти условия взялись, то мы должны этот принцип обобщить: обобщенная относительность⁸⁷. Условия, при которых сово-

⁸⁷ Для этого должны устранить из начальных условия возникновения знания (как события) натуральное представление вещей (см. § 36), которое молчаливо вносится допущением актуальной бесконечности. И обобщить на неоднородности. И должны суметь что-то извлечь как раз из разрывов непрерывности, в которых только и высвобождается поле для новых явлений. Вариативность

купность посылок реализуется, давая внутренне совместимые и непротиворечивые результаты⁸⁸. При этом многие допущения, несводимые постулаты могут быть навсегда закрыты для мыслящего. Но это имеет место и при изменении (через изменение сознания), то есть когда эти условия меняются или просто радикально другие (ведь контакт с внешней реальностью предъявляет собственные требования, а не только исходящие от ума самого по себе). Сдвиг в топос ненаблюдаем и для вселенского наблюдателя и для самого сдвигающегося (поэтому и говорим: «само себя понимает»). Эти новые или иные условия в двойном смысле: 1) внешней действительности как таковой, 2) те из них, которые суть последствия изменений, вносимых деятельностью субъектов (следовательно, развязываемые взаимосвязью в самом космосе). Для познания самое важное последнее [можно ввести аксиому № 2 «снежного кома» деятельности: нет оснований, чтобы было новое (другой мир, к которому нужно было бы приспособливаться в эволюции посредством новой жизненной формы), если нет деятельности, — имея в виду совершенно иные ритмы развития с появлением истории сознательно-деятельных существ]. Как и откуда тогда мутантная форма, приспособленная к новым или иным условиям? Априори: 1) связанная множественность (идеальное сообщество — с полной индукцией в зачатке), 2) допустимые преобразования (в смысле возможной практики человекообра-

космологического включения. Тогда есть невидимая (действительная) история как бытие трансцендирующего условия (внутренняя ему как открытое — открываемое и закрываемое — пространство, а не в смысле различения сущности и явления в языке-объекте, «внешнего» и «внутреннего» и тому подобное).

⁸⁸ Мы видим одно (однозначно, точно и разрешимо по физическому смыслу), если мы внутри активной концептуальной структуры и участвуем в одном движении бытия, не имеющем физического эффекта (что достигается мнимостью-преобразованиями и открывает поле для обратимости и устойчивости системы мысли). Так называемыми «универсальными силами» (в отличие от «дифференциальных») будут, очевидно, подобного рода движения бытия, но имеющие физический эффект, дающие (неулавливаемое) зависимое возникновение.

==233

Стрела познания

зования), 3) реконструктивное воспроизводство (а не следы и объективные свойства вещей). Самое важное здесь — физическое моделирование условий аппаратом, собственным строением⁸⁹. Вся физическая среда (в смысле Mitwelt) перестраивается (с ее ритмами и тому подобное) у мутанта или для мутанта, иначе он не выживет в качестве мыслящего (не хотим знать, чтобы не «погибнуть», но то, что было избегаемым смертельным пределом, может стать и становится субстратом новой формы, ее источником). «Усреднение» (статистическое) ментальных состояний по некоторой конечной пространственно-временной области. А не в точке, что не имело бы реального («физического») смысла. Это значит, что реальный, «разрешающий» смысл (в смысле принципа соответствия) имеют лишь эмпирические абстрактные объекты (речь идет, конечно, об обобщенно релятивистской области континуума бытие-сознание), то есть генерации, генерированные протянутые напряженности синтеза (порождение субъекта и его мира). Сила сознания (= сознательная сила). Изменения через синтезы (скачки) — как раз через последние расцениваем нечто как «изменения», а не наоборот (но это имеет последствия: вечность законов). Итак, физический смысл только на геносинтезах, а у них у всех $v=1$. Тела, но они не существуют натурально (в отличие от процесса деления и распада). И одно дело — понимать их и другое дело — понимать ими. И нужно еще, проработав (ср. идеальные эксперименты Бора), напихать в классическое тело. Ср., например, «гештальты» Бора и Ландау. (Макроследствия микрофигураций). Ведь если операционно-релятивистский принцип действует для любых обратимых аналитических и причинных структур, «больших систем», то за счет помещения

⁸⁹ Кстати, не имеет значения (и невозможно установить), что раньше (то есть предшествует во времени в последовательности) — проработаться физически и «увидеть» или «увидеть» и подтянуться физически? — здесь нет однозначного и недвусмысленного распределения между прошлым, настоящим и будущим. Берем не в точке, а внутри не подразделяем детерминистически.

ненулевых объемов или масс в нулевые объемы пространства — математические точки.

§ 129. Итак (так же, как в реализации сознательной жизни как целого, то есть так называемом изменении сознания), ход к неизвестным источникам основных допущений или выявление тех, происхождение которых неизвестно. И заново конструктивное их введение (ср. в физике неявное введение и накопление неконструктивных абстрактных объектов). Адекватно наблюдать и описывать ментальные события, хотя вовсе не требуется сведение их всех к логическим конструктам. Встать на этот путь — значит, не быть организованным только в соответствии с известным метаязыком или безоговорочно верить в метаязыковые основания базового набора допущений и оперировать на этой основе только прямым (обратимым) и эксплицитно логическим образом. То есть в познании внешнего мира так же (как и в реализации целого жизни) нужно работать на высвобождение (знать себя, скрытое, глубинное неизвестное — не в мире, а в себе), строя модели мыслительных процессов в возникновении допущении, начал, истоков «я» и организации этого «я» относительно остального ума, иерархии устойчивых уровней содержания сознания, видов допустимых трансформации себя⁹⁰ (таких, которые были бы обратимы, контролируемы и реально служили бы основой эффективной системы мысли, а не таких, которые ставили бы на смертельный предел, чего мы, естественно, избегаем, разрушая себя, то есть систему мысли в смысле вырождения ее, как раз с целью самосохранения — не хотим знать, чтобы «не погибнуть»); но развития как раз идут через такое расцепление, которое превращает избегаемый смертельный предел в источник и субстрат

⁹⁰ То есть процессов в области формы, возможности здесь структуры. Этого рода процессы и есть формы тела, детерминистически не подразделяемые и необъяснимые дискретные, «естественные» единицы. То есть все перечисленное возникает процессом (атомарно), индивидом. Группа допустимых преобразований представляет собой в то же время forclusion.

==235

Стрела познания

новой формы). Снять предвзятое «я». (Еще раз повторяю, все обстоит так же, как и в проблемах личностной реализации возможной тотальности сознательной жизни. Кстати, вытекает еще одна аналогия: различие изложения и исследования (от чего зависит составление корпуса релевантных текстов у историка) и различие науки как суммы знаний и науки как способа восприятия мира и себя в нем).

§ 130. Самое сложное здесь, конечно, это определить трансцендентальную позицию, явление трансцензуса (естественно не можем сделать — должны сделать свободно, «героически»), образование транснатурального ряда. Язык и мета-язык (композиции, монтажи, дающие материал для артефактов). Это метасознание, «предметы» которого нас обратно нам отражают в нашем ноогенном качестве (то есть акте создания акта мысли, а не той или иной мысли) и отрефлектируя себя на котором мы себя изменяем (то есть имеем по ходу дела возникающую инвариантную меру), поднимаясь до его уровня (над потоком), и можем действовать свободно⁹¹. Первое — существенный элемент из группы преобразований (то есть симметрия). «Расположения» и «прилегания», не изменяющиеся при непрерывных преобразованиях; но они сами суть продукт преобразований, не преданный группе (и содержат, следовательно, превращенные значения, в том числе, не имеющие физического смысла, и только так устойчивы). Но лишь беспредметное всевременно (будучи само временем). И без условия эти «предметы» — фетиши, а без них усилию не на чем держаться, но держаться на чем-то его напряжение должно, ибо, по определению, свободное изменение есть выпадение из естественных качаний динамики между причиной и следствием и не обеспечивается натуральной интенсивностью (смысл терминов «свободное действие» и «сила сознания» перекрещивается). Форма.

⁹¹ Вообще мы свободны лишь в направленности на акт создания акта мысли.

М К. Мамардашвили

==236

§ 131. Формы меж- и надсубъектны, они связности умов во множественном числе (отсюда, например, не представляет проблемы многократности открытий одного и того же, как и дурная бесконечность непрерывного хронологического движения «кто и когда сказал это раньше», оставляющая без внимания самый существенный акт понимания, не стоящий в ряду вышеуказанных актов и инородный им, а являющийся «еще одним»). Формы поля.

§ 132. Свободное действие ориентировано на форму (указующую на источник в нем возможного), ею руководствуется и не имеет содержательно указуемых причин («не то, не то...») — не в том смысле, что форма бессодержательна (всегда есть какое-то содержание), а в том смысле, что для нее важнее расположение «тела» (то есть опять же виртуальное нечто) и что речь идет об условии содержаний, а не о каком-нибудь из них («не это, не это...»). Причины и эмпирия — после.

Форма дает траекторию «вида», от которой не может отклониться, вернее, тяготеет не отклоняться. Именно посредством пространства форма разматывается на всю траекторию, на всю кристаллизующуюся в ее «точках» эмпирию (вернее, вокруг, в окрестности ее точек). Именно форма, а не прилегающее абсолютное пространство-время «выполнения понятого»⁹². Время «распространения» (извлечения, передачи и распространения информации) не подразделяется далее, оно атомарно. (Процесс — совокупность подобного рода элементарных процессов). Перевод мира в сим-

⁹² С формой соотнесены факты, независимые от всего остального мира и далее несводимые. Иначе нет языка описания и анализа развития. Классический язык полного бытия, язык всеобщего и необходимо понимания фактов помещением их в перспективу «полного бытия» как «исторических» актуализаций последнего не годится. Конечно, можно для форм поля задать по полю (так, что бы непрерывными преобразованиями сохранялось..) «одного субъекта», что есть определенная (и не единственно возможная) организация этой поля. Но на деле приходится прерывчато непрерывно организовывать с учетом множественных индивидуаций тотальностей.

==237

Стрела танания

волическую его действительность. Поэтому «момент свершения», «мгновенное вписывание» из пункта 5 «Трактата» имеют конечную величину (растянутую и сколь угодно долго вынутую из смены «ранее» и «позднее» рядом с другими, которые в свою очередь могут быть вытянуты в «свою» конечную область настоящего), но внутри которой неприменимо различие в последовательности «раньше» и «позже». Это и значит быть в «этом» или «другом» времени, быть в разных временах. А другими словами — проделан ли опыт и хранится ли он? есть ли оператор преобразований (время-пространство)? Архетипический опыт, конечно. Но заранее не сказано, какой будет таковым. Открывая что-то, люди возникают «в идее», в состоянии, частью себя оказываясь стороной неделимой (хотя и многократно расчлененной) монады и в свободном отличии от самих себя, овладевая в себе чем-то, индивидуируясь ею. Элементность этого в абсолютном смысле слова.

§ 133. Пространство есть здесь возможность связи, контакта, то есть последнего не бывает без однопространственной различимости связанного, контактирующего. Если не различимы и не идентифицируемы источники (или переносчики) сообщения, то нет извлекаемого сообщения (пространство тогда — абсолютная сумма потенциальной информации) — для схоласта, например, в механических ремеслах не было сообщения. Эту различимость и идентифицируемость я и называю пространством. События (или отражения) происходят не абсолютно, но в генерационном пространстве-времени смысла и понимания. Такое пространство есть также и своего рода предельные или граничные условия взаимодействий объектов (без которых нет и наблюдаемых проявлений): если нет сообщения, то нет и взаимодействий, то есть объекты разнопространственны или пространственно разделены (ведь теория относительности показала, что нельзя говорить о физическом действии без «знаниевой» сигнальной связности, то есть о действии следует говорить как о происходящем в или внутри поля такой связности). Это симметрия (так же как есть

симметрия надстраиваний). А если есть взаимодействие, то не можем непрерывно (во внешних трансцендентных терминах) подразделять путь сообщения: он «возмущен». Тогда это и есть сам объект (то есть мы его даже выявить не можем, не используя возмущений) при полном анализе всей ситуации. То есть пространство каждый раз как условие знания (а не как знание о пространстве).

§ 134. Пример к предшествующему: средневековые «теоретики» были смыслом пространственно отделены от механики (последняя — «искусственное», «хитрое», «увертка» и тому подобное). А для образа «макина мунди» это неразделено, близко, однопространственно. В этом символическом эстетическом пространстве (как, например, и колесо есть ведь и инструмент и теория, и «что» и «как, то есть совершенный артефакт) нашлось место и для опыта ремесленников (но это был и социальный акт — последние должны были высвободиться из средневекового цеха, то есть гетерогенность включает и социальный элемент и невозможно разложить в последовательности, что «сначала», а что — «потом», что первично, а что — вторично и так далее), то есть их опыт и знания осуществились в нем (с медиацией, в частности, образа мастера как «конечного Бога») — и хлынуло извлечение информации, кумуляции и тому подобное (вернее, в целом, самостроительство: греки — мутанты, возрожденцы — мутанты).

Отсюда характер осмысленных вопросов у историка. Далее, и термин «влияние» должен быть устранен — оно не может быть прослежено (в частности, потому, что и «влияющее» и «влияемое» могут быть порождены одним и тем же, неухватывание чего является недостатком понятия причинности, остатком классического абсолюта в смысле поиска одной какой-то окончательной инстанции), и, во-вторых, почему не повлияло раньше? Если скажем, что не было смысла или, что то же самое, не было «предпосылки» (из тех общих предпосылок мышления, которые внутри самой системы мысли или теории не выводятся и не доказываются, являя, так сказать, общее умонастрое-

ние, мировоззрение эпохи, космологически расписанную или космологически замкнутую культурную картину мира), например, не было нового смысла «искусственного», связанного уже с перестройкой внутри указанного рода предпосылок мышления, то это тавтология, как раз и содержащая проблему, требующую объяснения. Одни и те же причины могут, например, производить и то, что является «социальной детерминантой», и то, что ею «детерминируется». Не говоря уже о том, что термин «влияние» предполагает таинственную операцию переноса «понятого». Или еще пример: появление в предпосылках связки «бесконечный творец — творец конечный», что заставляет говорить о влиянии христианского мировоззрения на возникновение и развитие науки нового времени. Но тогда нужно объяснить, откуда это в христианстве, что это в нем значит и откуда само христианство в этом своем смысле? Если же идти от целого, от гетерогенных и неразложимых частиц ума, от время-пространства, экзистенциальных ноогенных машин-артефактов, символов и тому подобного, то все на глазах иначе расположится и не будет этих затруднений анализа (проблемы «внешних», ~~общекультурных влияний~~, в частности).

- 1) из-за неизбежной двушаговости и внутри нее натяжения, имеющие «материальный» (то есть формальный) модус существования и содержащие формальные симметрии (инвариантом которых является социально, индивидуально, культурно и психологически независимая мыслимость порядка);
- 2) симметрии сообщения и взаимодействий (это, конечно, динамические симметрии);
- 3) субъект-объектная симметрия, симметрия «я» (где строение предмета изофункционально структуре поля наблюдения);
- 4) симметрии расслоения и надстраивания многообразия (здесь инвариантными будут зависимости слоев, использование которых позволяет получить

дальнейшие знания простыми соображениями симметрии), и так далее, ибо везде инварианты.

§ 136. Интересное рассуждение К. Хукера (стр. 131, «Парадигмы и парадоксы») о том, что всякие представления о «создании явления в акте измерения» (это соответствует моей «генерации того, что никаким локальным воздействием не вызывается») или о «потенциальное —> актуальное», помимо того, что обладают относительной неясностью своих базовых онтологических понятий, должны предполагать, что природа обладает бесконечно (неопределенно) долгой «памятью» или какой-то другой мистической способностью отвечать на нашу измерительную деятельность так, чтобы актуализировать как раз нужные (правильные) значения, поддерживающие корреляции через произвольно большие пространства (и, добавлю, времена) (в другом месте, стр. 182, он говорит о «корреляции на расстоянии» и о том, что в квантовой механике имеют место одновременно и неклассические алгебраические структуры и нелокальные эффекты и что здесь есть какая-то глубокая связь в этом обстоятельстве, поскольку и то и другое вытекает из значимости принципа суперпозиции, полный смысл чего еще неясен). Но это и имеет место в «природе»⁹³: есть артефакты, и они преобразуют наблюдения на больших расстояниях и через большие времена, как бы помня, что предлагать наблюдениям «этого рода» (без прямого опыта и переноса причинной связи, лежащего в его основе), чтобы они были согласованными (если я, ты, он в их времени-пространстве, в пространстве-време-

⁹³ Если под ней понимать мир с бытиствующим в нем сознательными явлениями, содержащими знания о физических явлениях и вместе с последними воспроизводящимися в мире деятельности и культуры понимания (то есть в «природе» или мире историка знаний о природе), с их существенной вещно-деятельностной стороной — «третьими вещами» (без предположения последних неинтеллигибелен никакой разговор о виртуальностях, POSSIBILITY и так далее).

ни этих операторов-эффекторов). Висящий передо мной натюрморт Виктора не изображение яблок, а орган производства зрения чего-то, что «песком зыбким» моей впечатлительности и способности переживания как психических сил не может держаться и развиваться. Этими яблоками я что-то вижу (если, конечно, мой индивидуальный психический механизм проработался в этом артефактепроизведении, что позволяет ему в дальнейшем срабатывать и без всякого произведения и без воспоминания о нем) — что-то, чего нет в реальном непрерывном пространстве воздействия и в настоящем моменте восприятия, и другие видят то же самое, хотя в видимом нет физически прослеживаемого вынуждения (по которому можно было бы «нормализовать» для всех), то есть возникновения и устойчивого удержания состояний в голове под физически прослеживаемым внешним воздействием (то же самое имеет место и в лабораторных чтениях показаний инструментов: то, что для «культурного» глаза одно, для другого ...; ср. §§ 44, 77 и 123 о детерминистической неразложимости в связи с тем, что к человеческому нет и не может быть вынуждения). И словечко «мышление» здесь нас не спасет. Ибо ни происходящее в голове под (физическим) воздействием, ни происходящий в той же голове идеальный перенос внешнего (идеальных норм, значений) вовнутрь актами понимания и последующая дискурсия над данными. В силу двушаговости речь идет именно о воспроизводстве и его специальных условиях, каковыми являются жизнь и действие «третьих вещей», структурирующих наше сознание и индуцирующих возможные состояния (состояния)⁹⁴. Они суть органы протворения всего (бесконечного) ряда соответствующих восприятию, переживаний и тому подобное. Слившаяся бесконечность. Но то объектное содержание, которое реа-

В эти условия входят и зазор двушаговости заполняют: 1) время-форма, 2) фактор или эффект целостности над последовательностью, 3) двуединство, вещный монтаж понимания.

==242

лизует структурное содержание (формально и наглядно-символически действенное), никогда не есть само это последнее содержание — «не то, не то...». Картина меня производит. Она во мне как бы помнит, что делать с наблюдениями этого рода, что и как «ими видеть». Видимые мною вещи я составляю из событий (а не наоборот), за чем стоят свернувшиеся в вещественный субститут пространство-время и структура сознания (топос), чудовищно плотные. Событие помещено в перспективу артефакта (и тем — архетипа или мировой линии). Иррадиирующие мировые субстанциональные точки (ср. § 80), излучающие линии сил. Итак, я вижу предметами живописи, так же как я мыслю научными предметами (в смысле органов производства мыслительной жизни), а не отражаю ими что-то другое вне их (ср. § 13). Но генерированное в свою очередь генеративно. «Произведение» в этом смысле (в смысле экстаической и ноогенной машины) есть такое произведение (или сторона всякого значимого произведения в обычном смысле слова), которые, как уже говорилось, ни о чем вне себя. История мысли должна быть историей (естественной) производства органов мысли, естественной технологии мышления, производства человеком себя как человека в элементе мысли.

§ 137. Иными словами, раз уж допускается и постулируется генеративное свойство живых и сознательнодеятельных популятивных систем, то ясно, почему, откуда и для чего образуется «святое» пространство (или, вернее, символическая действительность мира — то, что символически действенно, иначе — то, лишь после чего или в чем что-то начинает действовать, получает силу действия)⁹⁵. Этой особой реальности артефактов («производя —

⁹⁵ Символическая реальность, содержащая теоретический элемент, и она же теоретически конструируемая историком, поскольку в языке-объекте теория (с ее видимым-невидимым, конечным-бесконечным, формальным-содержательным, условно ненаглядным-

щих произведений»), с их публичным пространством, чертами религиозного освящения, культа и магии сверхъестественного, фетишизма и мифической реальности и тому подобному, можно не замечать до тех пор, пока все эти метафизические, культово-религиозно и так далее освященные комплексы рассматриваются как представления, а не как человекотехносы, не как технология производства чего-то в человеке. Язык «представлений», в том числе, «духовных потребностей» или, если угодно, особых духовных «наслаждений» мешает это видеть. Точно так же, как в анализе экономической деятельности существенно (и Марксом проделано) уничтожение понятия «потребностей» как системы отсчета, так и в анализе ума и духа необходимо разделаться с понятием «духовных потребностей». Иначе религия и ее производные вечно будут выводиться из ложного их удовлетворения. Продукты, мол, дикой фантазии, невежества и суеверий. Но на деле механика человекообразования через надприродный ряд. Физическая метафизика.

§138. Но вернемся к «картина меня порождает» (с точки зрения передачи и распространения живых осознанных явлений и состояний). Во-первых, я ее (как и всякий текст) в строгом смысле не потребляю как внешний объект, умирающий в акте потребления или в ряде таких актов, исчерпываемый ими: я внутри самого текста⁹⁶, он меня объемлет и проецирует (иррадирует) впереди меня возможное иное «я» (то есть уже здесь проглядывает трансверсальная, вертикальная объемлющая бесконечность) — в этом смысле событие бесконечно, оно делается снова и снова. Ср. Валери. Но более того, во-вторых, здесь и бесконечность общего (взятого иначе, чем в объективистском или натуралистическом смысле идеальные общности с их предметными референтами — речь ведь

наглядным) распределяется совершенно иначе, не включая символы и условия генераций в смысле историка, аналитика сознания.

⁹⁶ Я ведь уже сказал: «субъект» (со-стояние) есть локус возможных эмпирических субъектов.

==244

каждый раз идет о понятельных топосах законов, а не о самих законах, то есть на один иерархический ранг выше), структуры: это конкретно-всеобщее, устойчивое индивидуальное явление-многообразие, индивидуальное всеобщее (упорядоченное и организованное многообразие, бесконечный ряд, но бесконечно в себя рефлексивно содержащийся Одним, порождающим принципом, порядком порядков). Бесконечное безобъектное сознание (но поскольку «всегда сознание о...», то сознание символа). Это общность, достигаемая держанием множественности — в дискретной идеограмме (форма + тело), комплицирующей в себе многообразия бесконечного, «испытующего» характера, что и есть истинная, объемлющая (меня) бесконечность, а не внешняя бесконечность бесчисленного и неопределенно многого. Пространственно-временной индивид, всеобщность, но индивидуальная, непосредственно — на экземпляре — различимостная. «Яблоко», содержащее все видения и прояснения того, что им задано, вложенные, вдвинутые друг в друга, накрывающиеся, находящиеся друг на друга, переходящие друг в друга (ср. Гераклит); «яблоко», бесконечно оживляющее и бесконечно проясняющее натуральности и «интерес» (которые сами по себе ни «живы вечно», ни интенсивно-устойчивы в любой данный момент), — это — сущность, индивидуирующая меня в познании (в чем и сказывается экзистенциальная роль «произведений»). Иначе необъяснимая устойчивость свободного явления как исторического индивида, организованного и упорядоченного многообразия. «Держание» самосущим (и не нами созданным и не случайно возникшим). (Ср. § 51.) Держание «самосущим», на его избыточности и динамизирующей структуре (структуре опыта) — способ держания ощущений, чувственных достоверностей и очевидностей и тому подобное, а это значит, что не существует никаких ощущений (гомункулусов, особых «вещей» в нас)⁹⁷, а существуют лишь интенсивно-

⁹⁷ «Не существует» — в смысле нашей возможности интеллигентного суждения и, соответственно, замена одного описания (с от

Спгрела по.тания

сти, силы, со-рождающиеся (co-naissant и тем connaissant) и со-артикулирующиеся артикуляциям среды, то есть предметно-деятельностного Митвельт или Умвельт (если брать вместе с формой-сущностью). Предметно-деятельностный механизм — чувствующее, переживающее тело (как, например, и хорая, трагедия, живописное изображение), умное существо, внешне-пространственная данность самого ума, экстатически во мне действующая⁹⁸. Это независимый топос, вынесенный за пределы участия субъекта в натуральном ряду с его зависимыми надстраиваниями и подставляющий под него (субъекта) иную конструктивную машину (основу, сращение), конститутивную для изменений в нем (и в формируемом мире) и воспроизводящую на его стороне эффект понимания и свободного отличия от самого себя (эк-стаза) как члена сцеплений инертного натурального ряда, что и является исходным смыслом слова «теория», введенного греками. [В смысле отрешенного глядения на мир и на себя в нем со стороны и прояснения смысла и овладения в себе чем-то из этой отрешенной позиции (но моя мысль состоит в том, что это «отрешенное смотрение» или измененное состояние сознания не есть чистая мысль и чистая воля, что оно как-то делается)]. Субъект ввергнут в бесконечность самооснования свободного действия, не имеющего в своем горизонте никакого завершеного, готового Мира. (Повторяю, обычно такой эффект и называют интуицией, но это затемняющий дело психологический термин.) Иначе он жертва инертных сил распада и рассеяния, ничему не учащей повторяемости. Основания нужны для того, для чего нет оснований «по природе». Истинная бесконечность (в

сылками к деяниям гомункулусов) другим описанием («динамическим»). Субъективность как таковую мы ведь не можем описывать и ухватывать в принципе.

⁹⁸ В каком-то смысле понимание (связное и согласованное помимо реальной коммуникации знаками и определениями) = чувствительность к истине, подсказка и поучение самой природы, а не разброс слепой и его селекционный перебор дискурсией, — нечто вроде декартовского «естественного света разума», «руководства природы».

М К Мамардашвили

==246

отличие от неопределенного многого и от актуальной бесконечности) означает отсутствие внешнего (или натурального, независимо от активности данного) авторитета, означает произведенность производящего.

§ 139. Это «лаборатория» ощущений, чувств, переживаний, мыслей, видений, достоверностей. Мы движемся в особой реальности произведений (производящих произведений). Содержание всего этого в «архе». Ведь что такое «помнить», что такое «знать» (тавтологически = знать состояние собственного ума?), что такое «обучение», «образование», что такое «отражение»? Законы ведь устанавливаются на втором шагу, и это имеет последствия. «Отражение», «знание» оказываются объемным чем-то. Если научные предметы (произведения) рассматриваются просто как определенного рода изображения чего-то во вне, то мы продолжаем иметь дело с мыслью, решающей, какой ей быть, на основе волей и сознанием контролируемого сообразования себя с положением дела в мире (каким-то образом завершенным и лишь актуализуемым хик эт нунк), где знание тавтологически означает знание состояния собственного ума, где обучение и образование есть ассимиляция идеальных правил и норм и где память есть контроль над условиями фиксации запоминаемого, удерживаемого. Но это все работа в плоскости 3-х измерений, где, конечно, много нового можно узнать работой согласования ее элементов, разрешением напряжений, которые между ними возникают, аналитической экспликацией имеющих содержания, рефлексивной их проработкой. (Различение и выделение элементов в этой плоскости не совпадает с разбиением на элементы в накрываемых ею многообразиях). Если же повернуть вопрос и спрашивать, что же на деле уже решено и решается живой в вещах мыслью, в бесконечно протянутом «узрении ею сущностей», в слившейся бесконечности эвентуальной серии новых состояний, то «знать» не значит более «знать состояние собственного ума» (область определений не тождественна области значений), «образовываться» не значит заглатывать

Стрела познания

завершенные знания и систему готовых правил в волеуправленном и сознательном общении «духовных субстанций» или в корреляции наблюдений «нормальных наблюдателей», подразделяемой и прослеживаемой непрерывно («общение» не подразделимо, а должно браться размазанным по конечной области пространства преобразований, где знание, тем более завершенное, вообще не передается и где речь идет об «учиться учиться», о воссоздании, о заново рождении осознанных знаний, об индивидуации себя сущностью), а память — не необратимые классические факты вместе с условиями их сознательной фиксированности, а «бессознательное» (наисознательнейшее в моем смысле!) — расчленение своего строя сознания символом, архетипом «однажды» (и с трудом) сделанного, телесной «живой вещью», в которой память всей топологии событий знания и понимания (являющейся топологией «бытия-сознания»), память предпринятого для всего пространства преобразований: эти предметы, эти «вещи» помнят наше пребывание внутри мира (см. § 39), из которого мы «здесь и теперь», стоя перед ним как перед внешним объектом, что-то воспринимаем понятным и доступным осмыслению (интеллигибельным) образом. Воспринимаем, если наше сознание уже структурировано вещью-символом. И это мы делаем в особой, собственной реальности произведения в моем смысле слова. Это все неименное, в том числе и именные по сегодняшним дням произведения. (Обычно в понятии «произведений» нас смущает феномен разделения труда и их «рамочность» и поэтому мы отделяем произведения от жизни, но на деле нет никакого различия и отделения от жизни — они органы производства и оспроизводства жизни, живого, — в элементе мысли в данном случае). Лишь в этой реальности мы можем увидеть динамическую структуру опыта и формулируемых внутри него законов, цельное «собственное» одно (хотя и многократно-расчлененное) движение (ср. § 16). (То есть не в реальности субъект-объектной оппозиции.) С од-

«А знает, что В знает, что Н» = «А знает, что Н».

==248

М. К. Мамардашвили

ной стороны, это все целое протирающихся в бесконечность возможностей, POSSIBILITY (не предметов!), бесконечное целое всех бытийно потенцированных (и, следовательно, и меня объемлющих, а не передо мной простирающихся) «указаний» на подлежащие извлечению опыт и знание, с другой стороны — «маленькие бесконечности» (ср. с «маленькими духами» Гегеля), бесконечно свободные открытые содержательности (будь то мысли, чувства, образа, воображаемого или чего-нибудь) испытующего держания мира, произвольно оканчиваемые и произвольно, с несомненностью возможного «еще одного раза», сызнова возобновляемые и структурно содержащиеся в конечной, единичной и индивидуальной сделанности¹⁰⁰, где они вложены одно в другое, переходят одно в другое, перекрещиваются границами, перетекают друг в друга, находят друг на друга, друг в друга вдвинуты (в подвешенном виде над дурной повторяемостью их натуральных эквивалентов в непосредственном ряду впечатлений, переживаний, побуждений и тому подобное). Наши знания и там и там, относятся и к тому и к этому. Источники их должны содержаться — в единичном материальном, «телесном» (или иначе — «телесно действующем»), потому что их нет (в дурной повторяемости самой по себе, да и рассудочным актом родить нельзя)¹⁰¹. Но содержаться всегда конечным образом. Именно последнее должно содержать мои, твои, его и так далее видения «этого что-то», ибо их (то есть оснований для них) нет в естественных взаимодействиях с миром и в их повторяющемся ряду и их нет

Это экстазирующая нас «сделанность», и «содержаться» в ней означает ее способность (поскольку она материально, через выполненность нашими трансцендирующе напряженными возможностями, представляет глубинную топологию событий знания и понимания) to trigger off уже структурированное сознание (см. § 44). А не экстазироваться нельзя, ибо в отдельном впечатлении и тому подобное не содержится ни оснований, ни сил, способных противостоять разрушению временем, распаду жизненных мгновений, ко торый оно с собой несет.

¹⁰¹ Созданность (а не данность) того, что будет вырывать нас из натуральных, непрерывно действующих сцеплений.

==249

Стрела познания

в осознаваемом наглядном соотношении с соответствующим референтом ни одного в отдельности элемента структуры. Это освобождает нас от гуссерлевского языка ретенций, протенций и тому подобного, от попытки анализом актов сознания уловить работу виртуальностей. Основание, структурное сращение свободного действия есть одновременно сращение с миром, открывающее собой (или после себя) в нем горизонт доступного осмыслению и пониманию, необратимому «раз навсегда» удержанию. «Третьи вещи» и есть эти сращения, но живущие своей жизнью в мире. Поэтому рабочим понятием историка (и предметом его реконструкции) и должно быть представление об этих «малых бесконечностях», комплицирующих в себе намерение или интенцию видения (узрения), растянутую во времени (и с трудом делаемую, прерываемую и сызнова возобновляемую). «Прерываемые» — рассеянностью ли, просто ли усталостью или крахом цивилизации и тому подобное. Например, Аристотель поэтому — не донаука, а наука, делаемая с трудом. И он жив, потому что он (и мы) внутри этой бесконечности, как и я, ты и так далее, — бесконечности испытующих содержательностей сознательной жизни. «Растяжка» интенций (см. § 26, 48). Можно, конечно, себе представить, что удалось (проработаться, символизировать удачнее, комплицироваться в более емком и удачном артефакте и так далее) раньше — это ничего не меняет во времени, в его стоянии, со-стоянии. Такой воображаемый эксперимент меняет лишь нас, историков, наш язык и понимание.

§ 140. То, что мы должны извлечь, узнать и понять, не дано ни в каком натуральном виде — ни в виде объективных свойств вещей, ни в виде узнающих их психических наших сил — и не может быть на них основано. То есть нет основания без формативных отложений в мире и в субъекте, взятых как один объект (следовательно, самооснование и самоподдержание). Ноогенная машина помещается в пустоте, которая оставлена безосновностью «по природе» или случайностью положения человека в природе; то

==250

М К Мамардашвили

есть цель работы научного ума — охватить целое физических законов независимо от случайного положения человека. Время разрушает? — должно быть синтезировано, а «материя» — преобразована. Взаимодействие обратимых причинных и аналитических структур с «материей» меняет явления и события? — должно быть ограничение допустимыми преобразованиями, совокупностью допустимых преобразований (например, не принимаем такого обстоятельства дела, для которого не может быть или нет еще набора допустимых трансформаций себя, «натурального» и тому подобного: иначе, без трансформаций, чего то нельзя перенести физически — завязки, сцепления, кристаллизации, иррадиирующее поле сил, неумолимо наш ум в каком-то направлении разворачивающее или столь же неумолимо нас от чего то отталкивающее). Порождение и мира и субъекта (со своей «математикой»). (Скрещение свободы и необратимости — вот узел — мы можем строить любые возможности, ср. со Спинозой, но в рамках ограничений необратимостью.) Здесь будет космическая, «обратная» связь, поскольку мышление — одна из жизненных форм (откуда вся острота проблемы методов анализа сознательной жизни). Развитие дополнительно к необратимости. Изменением мы боремся с рассеянием.

§ 141. Новый, иной, более высокий смысл (бесконечно проясняемый) того, что стоит и в натуральном ряду фиксаций, наблюдений, переживаний («земных»). Он дан в общественном пространстве, публично, для всеобщего обозрения — особого рода тексты, тексты, которые всегда осознаются как странные, привиденческие («неземные») и притом с печатью презрения ко всему интимному «внутреннему миру» (поскольку относятся к экстатическому смыслу, а не к индивидуальной ценности). Межпространство существования, а не просто духовное общение «внутренним» перенесением мыслью поверх пространства и времени в любое место (что мы обычно и приписываем так называемой «внутренней жизни»). Сделанные из «языка» (то есть в принципе знакового и коммуникативного материала),

Стрела познания

но языком не являющиеся. Текст отличается от языка тем, что смысл его не существует в самом языке, а продуцируется текстом же и его осмыслением. (И вся проблема в том, чтобы восстановить естественность описания такого существования и «действия на расстоянии» методом отнесения к монадам, ибо пространство 3-х прилеганий рефлексивного слоя науки здесь связи не даст —на основе переноса причинной связи.)

§ 142. Выемка себя из натуральной ситуации —> пространство проигрыша. В этом придержении Вселенной, застывании мира в как бы снимочно длящейся дубликации и репликации вся тайна, вся необходимость введения гипотетических ненаблюдаемых объектов и символов ненаглядного ухватывания всего того, что никак непроецируемо на микропсихику. Но возьмем это пока на «выходе», имея уже пространственно-временные характеристики скрытого движения (где и когда, оказалось бы, ничего не происходит), то есть это пространственно-временно характеризуемый и локализуемый синтез —> наблюдаемые «неестественные продукты», активность, вне этого утопленного живого органа не имеющая место («селф» как то, что он видит, понимает и так далее в качестве «второй раз рожденного», синтезирован, а раз так, то нужны среда и протоплазма синтеза)¹⁰². Это процесс, происходящий в избыточных (мысль мысли, сознотекст) связующих об-

¹⁰² Что просто на уровне закономерностей и природы научного познания выражает факт случайного положения человека в природе и что, далее, специфически человеческие проявления и состояния в нем (в том числе, знание и понимание) никак не гарантированы и никак не актуализируются самодействием природных механизмов (включая в них и живую природу) — помимо собственного и естественным ходом вещей не обусловленного усилия, то есть так называемого самосозидания. Отсюда первичный символизм сознательной жизни, предметоподобные образования, которые из «сверхопытную далека» указывают не на какие-нибудь предметы, а на саму же деятельность и на воспроизводство ее возможного агента, на «потенцию потенции» Построение их допускает науку, поскольку человек есть независимая от него самого (и им лишь выясняемая) часть природы.

==252

М К Мамардашвили

разованиях (или представлениях) множественного поля наблюдения, всего многообразия осознаваемых содержания и связанных с ним операций (как везде и постоянно действующего, то есть сверхэмпирически). Связь умов, связь ума с миром, связь ума с собой («через большее, чем сам, овладение чем-то в себе, в своей реальности и «материи»). Имплицированная (качественная) математика всего стоящего в дифференциальной глубине (где и решающее значение логического «круга» итерации и теории групповых представлений). Концентрация полевых сил в «точке пересечения» и прохождение их через субъекта (и его мир) в ней. Ср. § 150. § 143. Динамическая структура опыта [то есть неподвижные связи (= скрытые движения и массы), порождающие силы].

Видимость линейного движения (как бы переваливающего через точку «настоящего») при том, что смыслы идут и «вбок», «боковая эволюция»; иначе движения были бы невозможны, ибо нет пустоты; поэтому, с другой стороны, незнание (в смысле проблемы) порождается, а не существует. Веер Мандельштама. (Формальные типы).

§ 144. Форма (неизбежность) —> эволюция (сохранение мыслимости «телом», например, интерпретационными материальными образованиями; вообще-то сплетение, вещественно-символические прорастания, симбиоз с мертвой природой — другой, новый путь жизненной эволюции, укладка и упаковка миллионов актов, которые психофизическая организация не могла бы в принципе держать и «разрешать»; в этом смысле животные слишком далеко ушли от мертвой природы — от света, цвета, звука, формы, массы, тяжести и тому подобного, которые являются для них лишь физиологическими раздражителями, а не

материальными вещами и даже не «элементами» древних). Но эволюция не в последовательности, а вбок: история происходит трансверсально (скрытый, невидимый синтез времени, последовательности —> невидимая история как механизм и условие последовательности, сама не являющаяся последовательностью). Речь, конечно, прежде всего идет о генерациях: генерации — индивидуальные рождения, то есть пространство есть различие генерации (индивидуальная генетическая связность, выделенная и необратимая: ее нельзя сделать небывшей, хотя из физических законов она не вытекает, и ее экспликация будет отвечать на вопрос: как пошли? как и из чего было?)¹⁰³. Это дискретный организм, так же как я породил свою дочь (и это нельзя отменить), — только он ничему видимому не соответствует (и не применимы термины «более крупная единица», «меньшая единица»). В той мере, в какой видимая психика-вещь есть невидимым образом сторона монады, пространство генерации простирается как «один индивид» (изменяющийся, сжимающийся, расширяющийся, пульсирующий) поверх и поперек реального пространства и времени, то есть возможны, следовательно, так называемые манифестации в различных далеких и несвязанных точках последнего (хотя, если изменить онтологию, они будут отнесены к «одному телу», «одному индивиду»). Это индивидулирующее понятие применимо ко всему тому, что необъяснимо воздействиями вещей или естественными выполнениями последних психиче-

¹⁰³ Вся трудность в том, что эту связь (как связь, удовлетворяющую критериям рациональной интеллигибельности) нельзя ухватить, беря объект в наглядной последовательности эволюционных этапов, то есть не сменив угол зрения и не перейдя в объем многомерную (с трансверсальностью, мнимостями, расслоением и надстраиванием многообразия и тому подобное) Поэтому в руках остаются лишь синхронности как возможный объект научного суждения, а время не удастся ввести в онтологию и, соответственно, суждения о нем подчинить правилам рациональности Под «временем» имеется в виду, конечно, такое, в котором рождается новое и не сохраняется себестождественность.

М. К. Мамардашвили

==254

сними силами и «способностями»¹⁰⁴ (причем под этим «все то, что» не имеются в виду какие-либо «чистые» гомункулусные ощущения или дискурсии), — и раз это в принципе допущено, например, в применении к гештальту и — шире — в определении понятия состояния (оно не зависит от объекта), то нет принципиальной разницы в случае телепатических явлений и так далее и тому подобное — структурированно сознание (а оно по определению не привязано к субъектам, а состояние, если привязано, то лишь в смысле локуса) может быть triggered off чем угодно и, главное, членение на индивиды у нас совсем другое: «индивидом» является конечная (и к тому же все время изменяющаяся в смысле объема и локализаций, что дает еще один пшик для наглядности) области передачи и распространения осознаваемых явлений, а не от точки к точке переносом причинной связи прямого опыта между видимыми, спаянными одно с другим аппаратами отражения — субъектами в этих точках. (Отсюда, кстати, выводим ответ для проблемы физиков: нужен ли «сознательный субъект» во взаимодействиях аппарата и объекта.)

§ 145. Здесь нужно было бы разобрать проблему: например, музыка как «способность» с каноном [в каждой ноте скрыто преобразование, что не слышно марсианину и что у нас самих затемняется языком «способностей»]; но нужно показания инструментов уравнивать с показаниями чувств, рассматривая последние тоже как искусственное, генерированное (со своей «понимательной материальностью»), существующее лишь вместе с интерпретацией, то есть устроить основательные «поселения» наблюдения на всех этих вещах]. И еще при анализе проблемы эту каноническую роль вещественных символизаций («артефактов») рассматривать, все время сравнивая с тем, что имеет место, например, в сенсорных экстремумах с интерпретационными (в частности — бредовыми) образованиями.

¹⁰⁴ Или ко всему, что имеет структурное и динамическое происхождение.

Стрела познания

Кстати, даже то, что называется процессами или историями (заменяющими классические объекты и свойства) в теории относительности, предполагает $v=1$ (время — мнимая величина), абстрактность эмпирических свойств и тому подобное. Да и в квантовой механике в ячейках-фазах коэффициенты из области комплексных значений.

§ 146. Опыт извлекается во времени, и мы с самого начала имеем дело с многообразием, где существенное значение имеют временные термины и определения, ибо все берется по множественному полю передачи и распространения осознаваемых мысленных состояний, воздействий и их распространяемых (в этом смысле — связанных) запечатлений. Только вот, как оно расположено? Далее, где, в голове ли? (даже совокупной — в бесконечности сдвинутых вместе голов и аппаратов отражения). И можем ли так анализировать? Или есть объективное, от сознания независимое расположение? Или в идеальном мире в виде математически определенных множеств? И если есть, в каких терминах (и в предположении какой онтологии) можно это описать?

Предположим организацию явлений посредством организации временных отношений, самого процесса (ср. § 23а и § 94 об онтологии процессов, а не вещей и свойств), но только не акты сознания их несут (версус феноменология Гуссерля), а материальные «телесные» композиции, живущие своей естественной жизнью (и «действие на расстоянии» обеспечивающие). Реальные и живые в символической действительности мира.

«Опыт извлекается во времени» означает прежде всего, что мы обладаем эмпирическим знанием о мире и что это учение на опыте есть факт самого мира, то есть случаен и не вытекает из физических законов, они лишь место для него оставляют. Можем извлекать, а можем не извлечь — не просто воздействие объективных качеств вещей самих по себе и не просто чувствующий субъект. Нет источников: что-то делается (или не делается) источником мысли. Поэтому: как это возможно? Трансцендентальный вопрос

или трансцендентальная форма. Она окажется историческим априори. То есть понятие сделанного (с трудом) опыта. Человек понимает сделанным (а не делаемое) — однажды сделанным (архе). Эмпирические значения и смыслы потом. Нужно не читать в объектах, а делать; получаем то, что вложили (Кант). Извлекли — не извлекли (если не извлекли, то это = непроисшествию события). Мысль, сама себе дающая законы своего существования — на «втором шагу» (плодотворные тавтологии), и они могут быть разные. Систему мысли могут обеспечить и те и другие. И мы не можем анализом содержания выявить механизм, обеспечивающий систему. Нечто становится истинным, а не устанавливается в соответствии с истиной (потому, что так сделали, а не делали в соответствии с истиной). См. § 23а. Если нечто делается истинным (а не есть с самого начала), то начинаем снимать абстракцию логической бесконечности. И тогда проблема истины есть проблема воссоздания историческим индивидом своих оснований (истина как она установилась), а не соответствия. Дигрессия о законах: из понятия реально (и трудно) проделываемого опыта (где «извлечение — неизвлечение» есть зависимость «основано — неосновано») вытекает, что законы изобретаются и поются на форме как возможности структуры (то есть соотносены с более высоким рангом иерархии: законы в терминах корреляций явлений, а структуры — нет, последние — в терминах более высокого уровня, чем наблюдаемые) и не являются обобщением опытных данных. В случае мысленных явлений (то есть их законов) мы имеем дело с особым рода изобретаемостью, которую мы не можем приписать мысли в смысле понимания делаемого: «человек не понимает как раз того, что делает с пониманием или для понимания». Мы не прилагаем просто систему готовых правил. В постоянном движении и изменении мы участвуем в вечно живом событии. Чтобы познавать, мы сначала изобретаем законы мысли, акты мысли, создаем возможности этих актов в ходе дубликаций и повторений в последователь

ности, то есть динамические связности мысли или динамическую структуру опыта (и дело в том, что эксплицитная их формулировка будет отвечать на генетический вопрос: как было? как пошли?). Нужно переопределение исторического элемента мысли. Законы — разные, те или иные. Но они не изменяются. В этом смысле они вне пространства и времени, поскольку они сами суть пространственно-временные расположения, структура исторического индивида, сами суть синтез и изменение. Разговор об «изменении законов» имел бы смысл, если бы можно было говорить о времени времени, о пространстве пространства, то есть об одном объемлющем целом. Мире. Наоборот, об изменениях, как показал прекрасно Пуанкаре, мы говорим лишь на фоне законов, уже имея последние. Поэтому и говорим, что исторические индивиды не возникают и не умирают, а в каком-то смысле есть всегда, или то же самое я выражаю через «закон неслучая»: события не случились, они делятся, они со-бытийствуют друг другу, то есть есть все (и поэтому не противоречим физическим смыслом терминов «пространство» и тому подобное, не нарушаем размерности). Но лишь в символическом смысле мы говорим о сфере как сверхпространстве. Конечное, фиксированное число структур сознания или монад. Ср. Платон о «данном числе душ» versus «каждый раз новая душа».

§ 147. Но это именно процесс давания себе законов своего существования, и происходящее в нем есть синтез времени (внешне и замечаемый странной важностью временных определений). Трансцендентная форма (возможность нас как таковых в качестве мыслящих то или это) есть синтезированное время. Вынутый из времени момент, сам являющийся временем, дающий время-со-стояние. То есть сделанность опыта означает зависимость только от формы, от беспредметного, но зависимость здесь, независимо от всего остального мира и вынута из всякой временной перспективы последовательности действия, наиконкретно (поэтому, собственно, и время), без опосредова-

ний, непосредственно, без причин, не во времени, но само есть время, стоячий момент, выделенный, но не делимый: здесь полностью произвести себя, а не сложиться во времени (то есть не слагаемый потом смысл, а что-то другое). В этом смысле факт знания похож (по структуре) на другие факты личностного действия¹⁰⁵. Это факты, независимые от всего остального мира (все делается сейчас, здесь на месте устанавливаются законы всего мира), то есть точки индивидуации — различные мировые субстанциальные точки — там, сям. И отличающие нас от самих себя. От самих себя отличили (время), а одно от другого еще нет (пространство). Пока у них нет пространства (для связности умов по точке), то есть текста; но поскольку точка сама имеет конечную протяженность и потому согласованное распространение по конечной области в целом, то и у этого времени будет пространство [то есть пространство нужно для времени, что-то должно его держать (ведь дух нам не поможет): оно и протянется квазипространственно по по

¹⁰⁵ Определиться один и только один раз; причины и причинный ряд потом. Поэтому имеют смысл выражения «попасть во время», «быть в иновремени», и отсюда же метафизические черты вечности, абсолютности. Это многомерье только и позволяет формулировать и высказывать физические законы природы независимо от случайного положения человека в природе и от незнания всего в каждый данный момент (то есть можем изнутри устанавливать инварианты, не перенося себя в другие миры и не зная о них — наше многомерье само уже как бы неземное), законы место для этого оставляют (и показ этого последнего — обратный симметричный ход натуральной философии) Сказать «частично выразимо символически» (то есть проецировать в точку данности все, что можно сказать феноменологически полно) и значит допустить в языке описания таких многомерностей постулат: что то есть, из вестно (кому?), невыразимо, то есть допустить наблюдателя или «субъективность», для которых неизвлечим субъект, и приписать потенцированному бытию одним измерением больше, чем осознаваемым содержаниям. Все это к тому, что и в этой области нужно научиться мыслить ненаглядно. Не только в смысле навязчивой идеи видимого агента сознания, но и в том смысле, что измерения уравниваются во мнимом. Поскольку лишь феноменологический сдвиг открывает дорогу к бытию, существованию мысли. Ср. § 153 о символической лишь полноте бытия (и знания) в определении траекторий сознательных событий и явлений

лю сознания и наблюдения — квазипространство из материальных композиций, имеющих смысл и представляющих глубинную топологию возможных событий знания и понимания («представляющих» — в смысле делегированного представительства)]. Сеть, в которой мы вынужены из натуральных связей и в которой мы (и мир) воссоздаемся, заново рождаемся (но это объединяющее «между» или межпространство может быть дано в рефлексивном пространстве 3-х прилеганий как абстрактное присутствие «настоящего», охватывающего весь мир из точки). Узлы сети — артефакты, «живые» третьи вещи. Ср. § 5а и § 13. Сильно структурированная воронка над нами, которая нас из себя вытягивает. Смысл лишь через хронотоп. Нам не нужно далекое, здесь, на месте у нас свойства поля, сгущенная, чудовищно плотная воронка, вне временной последовательности и индивидуально (так же как Бог обращен к личности в мировых религиях). То есть имея несводимую единичность в связке «безосновность — самоосновность», мы видим, что из этой связки мы и получаем троицу: и время, и независимость, и двуединство (всякое событие есть 1) форма, 2) индивидуальность, 3) топос понимания)¹⁰⁶. То есть самооснование и дает кентавричность, очень странную единичность, основания которой не вне ее, как и человеческая часть кентавра не вне!

§ 148. Винеровская мангуста (ср. у Винера стр. 60) — индивидуальное знание, нигде и никак не прекодированное, извлекаемое на собственный страх и риск, и ему не хватает лишь передачи и распространения (не говоря уже о специализации такого занятия). А раз индивид, то = особое пространство и время (следовательно, на деле не хватает межпространства существования) носителей (= реальные каналы) передаваемой и распространяемой сознательной мысли. Единственная наша способность, артикулированная вне нас и между нами, протянутая «между» сеть, в

¹⁰⁶ Эту независимость, кстати, можно назвать и абсолютным одиночеством (с вытекающей из него метафизической тоской)

которой висим, как выражался Бор, это текст (у Бора — «язык»). И не случайно религиозное освящение умственного труда («порядок порядков», «особое пространство и время» и так далее). Что же превращает точку «между» во мнимую? Именно нераспространение от точки к точке. Имплицировано: 1) «размазанная множественность», наличие многих или «туннельное многообразие», 2) «знание» истории в следующем по ряду (то есть память), то есть реконструктивное воспроизводство, а не дление, пребывание во времени, 3) набор допустимости преобразований (поскольку особая, претворенная практика — человекотехнос).

§ 149. Над последовательностью подвисает целостность. (См. в этом плане мимезисное время мангусты, а фактически — индивида). Но ее нельзя понимать наглядно: она не особое собрание предметов, которому мы стали бы приписывать всякие таинственные и чуть не колдовские свойства в отличие от простого собрания предметов, от суммы частей и тому подобное (поскольку мы опять должны были бы рассматривать предметы и процессы в последовательности, в причинных цепях и так далее согласно причинностной логике и непрерывному пространственно-временному континууму, это и мешает при слове «процесс», хотя я имею в виду лишь квантованную форму поля). (Ср. § 109.) Это срез, измерение. (Ср. § 138а.) В нем самое интересное трансверсальная организация и структуризация сознания посредством организации особых пространственно-временных отношений, символически-вещественных сращений и монтажей, «вечных» артефактов и тому подобное. И — обеспечение (скрытыми условиями и предпосылками воспроизводства) устойчивых уровней в иерархии содержаний сознания.

Тогда связь «до-здесь» — «здесь-после» определится лишь интегральной гармонией формы (то есть опять же чем-то, что можно выявлять лишь соотносительно с потенциальной формой поля, а не с собранием и расположением предметов). Но в предположении 1) формулировки высказываемого не отнесением к «Вселенной вещей и со

==261

бытии в себе», а в контексте, «в фоне» множественных конфигураций, которые не вошли одна в другую и исключают одна другую, 2) возможности пульсационного переосознания, замещающего формулировку другой, бесконечно ей близкой (например, наличие в последней предельного уравнения размерности, при стремлении к 0 которой получается почти первая: Ньютон-Эйнштейн).

§ 150. Возвращаясь к понятию процессов и эффекта системности, фактора целостности (который, в общем, есть проявление определенной топологии): связности или связующие выражения (область которых очерчивается конечным значением какой-либо характеристики) можно рассматривать как процессы и движения (изменения), «сторонами» которых являются явления, не представимые отдельными предметами в ряду, то есть не составляющие множества (а скорее естественную единицу или группу = целое) — нет такого многообразия. Оно «порядок порядков», «закон законов». Совокупность элементарных процессов (например, процесс кончается либо в пространстве — у «стенок другого», либо в пределах данного порядка точности измерения) — индивидуальная сложная система. Но, соответственно, ее процессы и она сама в целом как их совокупность ненаглядны: процесс-то происходит в «порядке порядков», а не в ряду порядка. Не можем расчленять по времени, привязывая линейно моменты к точкам реальной протяженности. Это похоже на то, что я называл «синтетическим фактом» (ср. § 84а): переплетения в нем чегото, что взятое по отдельности никаких реальных фактов не дает. Или многократно протяженные величины, по Риману.

§ 151. Поскольку порядок из опыта извлекается во времени, последовательными наблюдениями и актами мысли или наблюдениями и суждениями в последовательности, то «связность» (за которой мы гипотетически предполагаем скрытые движения и «массы», процесс давания

себе законов своего существования) превращает линейное движение в видимость (макротвидимость последовательности и пребывания объекта сквозь время, а на деле — мировое мерцание, микрокосмос и макрокосмос поперек и поперек микрокопии). На деле, мы ни вперед не можем пойти («я» должно воссоздаваться в каждый из моментов, которые сами по себе разделены, и нельзя иметь будущие мысли хотением их и выбором), ни назад (синтетическому суждению не на чем держаться, и не аналитичности требовал Декарт, а указывал на то, что должно определиться один и только один раз), ни вбок когерировать с другими «я» (как они могут думать одно и то же? — хотя в больших системах мы допускаем сообразование с «самим по себе существующим», то есть с абсолютом, с неким эфирно растворенным третьим глазом). Совершенно четко принцип относительности вытекает (= зависимость только от «однажды сделанных» скрытых движений и установившихся «масс»), только с него и может начаться естественноисторическое изучение сознательных явлений. (Каково здесь место мыслей, содержание которых дается непосредственно самим отношением? Ср. «зеркальное отношение» § 154 и § 20). Никакого «само по себе». Ср. §§ 33, 36 и 40 об устранении натурального представления вещей. Если уж исходим из «сделанного», то к фундаментальному и элементарному процессу в бесконечно-малом (где должно определиться раз и только раз) мы не можем применить эту абстракцию (не говоря уже о научной неконтролируемости описания такого рода явлений, предполагающего неуловимый спиритуалистический акт переноса в себя понятого), отрицательными выражениями чего являются появления в точке, так сказать, «бесконечных значений» — Бога, врожденный идей, сверхопытных источников опытно значимых знаний, «вечных душ», «вспоминания» и тому подобного. И, наоборот, можно пользу извлечь из такого разрыва рациональности свойствами «малого» и, положив в исходный пункт эти последние, обобщить и на сознательные явления объективное причинное описание, выработав структуру расширенной рациональности. И немаловажное (для

==263

Стрела познания

выплавки логических форм исторического исследования): превращать большие системы в сложные индивидуальные системы, набором их из элементарных процессов.

§ 152. И опять мы увидим, что существенными окажутся временные определения, а по сути — формальный синтез времени. Если мы должны вынимать себя из реальной ситуации, из потока времени, то этот хронотопос пребывания вне времени должен быть как-то организован, чтобы было на чем держаться, на чем висеть. Пространство и время «незаинтересованного» проигрыша («чистого действия» древних), производением или стороной которого является устанавливающийся «закон» — «порядок порядков» как существование, состоящее в независимой мыслимости своих множественных экземпляров. Связанное и направляющее время как бы еще и опрокинуто назад, вдвинуто в прошлое, но в воскрешенное прошлое, а не просто в сохраненные следы. Хронотоп будет пространственно-временной характеристикой (и локализацией) бытия трансцендирующего усилия. И объяснением дления.

§ 153. Но результаты сделанного опыта мы формулируем в терминах информации, содержащейся в самих вещах, — физические законы. А актуальные условия, в которых извлекли (не извлекли), называем случайными, произвольным набором начальных условий, о которых ничего не знаем (то есть они внутренне никак не связаны). Но стоит посмотреть трансцендентально (то есть с точки зрения возможности), то что-то из начальных условий будет терминами законов — законов мысли (динамического строения опыта), а в объектном ряду начальные условия будут, следовательно, согласовываться, поскольку (ср. § 103) эмпирические факты и показания есть нечто получающее значение и смысл после (что делает порядок знания и понимания дискретным и налагает весьма сильные ограничения на мир и возможное поведение в нем)¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Смесь универсального и индивидуально-случайного (ведь первое на бесконечном числе объектов и приближениях к ним в случае реальных чисел, то есть предполагает идеальные объекты

==264

М. К. Мамардашвили

Если вспомнить вигнеровскую проблему (ср. § 76, 100) «подсовывания начальных условий» в зависимости от знания или незнания всех физических законов, то ясно, что форма (возможность) есть замена незнанию. То есть ее «здешняя полнота» и интенсивность являются таковой. Интенсивность и «здешняя полнота» формы, но за счет привлечения «коэффициентов» из области комплексных значений и выражений (в математическом смысле). Форма есть возможность структуры, как прекрасно сказал Витгенштейн¹⁰⁸. Уровень трансцендентальной формы (возможности) и есть второй (инородный) уровень в моем двуединстве как первичном факте человеческого интеллекта, он

как «полные», «взятые в абсолютном смысле», «бесконечные», а мы имеем дело с конечным существованием закона как закона своих собственных множественных экземпляров, где название чего-либо «эмпирически начальным условием», «спонтанной актуализацией», «единичным набором» и так далее, предполагающее конечное всегда число выборов, решений и операций, неумолимо зависит от «программы решения», содержащейся на втором уровне двуединства нашего «сделанного» в последовательности, а это все — в микропроцессе — гетерогенно и со временем даст разницу и в «большой системе», изменит ее). Каковы природа и статус регулярностей, порождаемых такими смесями? «Третьи вещи» являются ведь мешанными также и в этом смысле (а не только в смысле «понимательных субститутов материи»; но, очевидно, один смысл вытекает из второго). И еще — то, что несвязанно в содержании (начальные условия), связано феноменально.

108 форма, действие, потенцированное бытие полны лишь символически (а без понимания символа — это лишь превращенное действие, представляющее, впрочем, весьма важную категорию). То есть в полном виде мы должны определять «точку пересечения» (для которой потом ищем, выявляем состояние и структуру глубинно пространственно-временную) так: все, что есть, делается, видится, говорится — феноменологически полно. Полно без знания. Только феноменологический сдвиг (с последующими понятиями символа, мнимостей, квазивещей и тому подобное) позволяет ввести рациональность в понимание явлений («свободных», явлений превращения и развития и так далее), которые классически не происходили бы и для которых нет места в континууме полного бытия (и знания), то есть о которых нельзя было бы формулировать всеобщие и необходимые суждения.

Добавим, что форма есть возможность структуры — так же и в смысле возможности алгебраической структуры, которая скроет предметную структуру сознания с ее эстетическими «твердыми» монтажами.

==265

Стрела познания

относится к основанию не имеющего основания. Человек понимает сделанным (в смысле всеобщего труда, представленного индивидуальным усилием). И это опыт, независимый от всего остального мира. Независимый от остального мира, то есть 1) все законы здесь, на месте, 2) эстетизм не нуждается в дополнительном понимании, поскольку сам есть понимающее условие (что устраняет «третий глаз» натурального представления вещей), 3) собственное движение, независимое ни от субъекта, ни от результата истории (ср. § 16; «независимость» от субъекта здесь в том смысле, что это не видимое субъектом, а генерированное).

Ср. у Вейля: изначально рассуждение «темно», мы не получаем еще истины, когда просто широко открываем глаза на мир, — истину надо добыть путем действия; «даже в чистой математике или в чистой логике мы не можем решить вопрос о выполнимости формулы средствами описательных характеристик; мы должны перейти к действию (разрядка моя — М. М.): мы начинаем с аксиом и практически применяем правила вывода, произвольно повторяя и комбинируя их». Нужно еще изобрести акты мышления. Отсюда сделанные органы мышления и понимания (ср. выражения «смотреть другими глазами», «мыслить другими органами», которые нужно брать буквально). И мы можем иметь и понимать знание о мире, который не уничтожает их по своим же законам, в знании формулируемым (то есть имеем для хода к этому знанию законоподобную структуру реально выполненного опыта). И, наоборот, мы движемся в познании мира дальше изменением или другой сделанностью органов, иночувствительностью (и частично 4-утраченная невербализированная информация предшествующих как резервуар изменений). Ср. §§ 9в, 13, 17, 18. Это человеческая форма, сумма требований к миру, но которая не преддана, а преддается. История (познания как специального занятия, выделенного в культуре) — экспериментальное выяснение возможных форм такого рода, пространство проигрыша и варьирования их. Иными словами, космологическое включение вариативно. И сразу имеем избыточность, неотдели-

мую от свободного действия. Это должно быть дополнено гипотезой непустоты: 1) есть органы-тела (а не прозрачный чистый дух), 2) они конечны и заполняют все, 3) «всюду заполненность» не только в антименталистском смысле, но и в смысле продуктивной роли незнания (в частности, неведомое, неизвестное, неосознанное не совсем отбрасывается, но модифицированно включается в превращенном виде). В каком-то смысле и здесь можно говорить о «комитмент» ... незнанию. Это связано с тем, что свободное действие содержит, в зазоре двушаговости и воспроизводства (а не пребывания и дления), скрытую предпосылку «воспроизводства всего» (опять все упирается в монаду). Предполагается, что мир (неизвестный) не может противоречить этим «мерам». Более того, можно показать, что он ими формируется (что выбивает почву из-под дилеммы априоризма, конвенциализма и эмпиризма). «Мера» должна не готовому предданному миру быть сообразна, а имплицировать и инициировать новый, свой мир. Поэтому этот пассаж о «понимании сделанным» нужно заключить утверждением, что этими мерностями или «формулами размерностей» мы понимаем (а не их понимаем) в том смысле, что нам не нужен «третий глаз» — это последнее прибежище абсолюта, спиритуализма и ментализма. Это эквивалентная замена всего «далекого» и тем самым обобщение принципа относительности. (Ср. с «забвением бытия»). Сюда и придут «тела отсчета» (как мировое мерцание бесконечно исчезающих абсолютов), мыслеформами которых будут и конфигурации Вселенной (скрытые «тела понимания») и конфигурации человеческой «души».

§ 154. Какова форма? Если учесть принцип эквивалентности и то, что закон есть закон своего же собственного множественного существования и актуализаций (что уже в формулировке закона расцепляет двушаговостью тождество бытия и мышления, вводя принцип индивидуации, чего никто не заметил в моем любимом Декарте)¹⁰⁹, а

¹⁰⁹ Ибо если можем ухватить и что-то сказать лишь на втором шагу (проделав итерацию), то сам этот факт мы не можем ухва-

==267

Стрела познания

математика впервые появляется и определяется со связующими образованиями поля наблюдения как имплицированная в них, как сторона монтажей в них, «живых» твердых тел — абстракции бесконечности, полная индукция, отношения сравнения, равенства, отождествления и тому подобного для дифференциальных эквивалентов, как и «вторая производная» механики — симптом неустранимой итерации. Выше сказано, что она и «человеческая» (то есть мир вместе с нами движется к знанию о нем, или, в этом отношении, тоже ценностно-смыслово направлен). Космологическое включение дает форму (как возможность структуры) в следующем виде: из каких элементов и связей между ними, из сочетания каких действующих друг на друга и переплетающихся характеристик должно состоять объективное образование, чтобы была и сохранялась форма, делающая их мыслимыми и постижимыми в смысле интеллигибельности, то есть чтобы реализовывались физические условия приложения понятия понимания (= условия сознания), размерность «порядка порядков». Нужно, чтобы в мире подмененных и замещенных условий итерации было A , и A действительно имеет (или не имеет) место. (Рефлексией мы лишь тавтологии обнаруживаем или же несовместимые entailments. Зеркальное отношение; ср. § 20. Нам кажется, что самостоятельными фактами подтверждаем, а на деле «факт» — в терминах описания. Вечный идеологический элемент, когда содержание «автономного» суждения непосредственно и спонтанно дается отношением. В этом смысле наука — машина антиидеологической тенденции, поскольку знание — лишь средство производства других знаний). И для таких форм в языке есть знаки (определяемые и так далее, но это уже

тить наглядно (то есть согласно когитальной схеме «на себе, а она и содержит тождество бытия и мышления). Там как раз мои «процесс» (элементарный, ненаглядный и так далее и тому подобное). В нем вся дифференциация, подвешенное в испытующей дистанции событие (со-бытие на многом) и так далее. Из-за него же получаем и «загораживающее» сознание на макростороне.

М. К. Мамардашвили

==268

в разрезе рефлексивного пространства 3-х прилеганий, что совершенно скрывает другие слои).

§ 155. Но важнее то, что делается в нижних слоях до высвобождения формальной, абстрактно «математической» математики и логики. Возвращаясь к формальной стороне, нужно сказать, что формы здесь — метаязык действенного содержания нашего опыта, то есть выражения, симптомы динамического его строения, а не его объектного содержания. Но лишь взятые вместе с особыми «телесностями», то есть как кентавры, называемые «третьими вещами». (Чтобы пояснить это, можно и ином разрезе воспроизвести соображения, изложенные в выше помеченных пунктах, а именно — разрезе факта «второго шага», экспериментального воспроизводства мира и зазора, в котором и располагается понимаемый топос, «внутренние продукты», ноогенная машина). Они нам нас отражают обратно, но уже открыто на бесконечность (вынуто из узкой актуальной задействованности пережитого смысла, наблюдения и тому подобного). А бытие ими потенцируется. Они относятся к способности, к ее формированию и завершению в бытии¹¹⁰ (скажем, наблюдения в последовательности или последовательные наблюдения не завершены и поэтому их корреляция зависит не только от их позитивного натурального содержания; ср. с полной индукцией). Возможность, в момент А сказав В, сказать С в момент А'^'. Без преобразований не можем, не будет системы мысли: все разрушается временем и уносится им (в частности, потому, что все дифференциально, а не само по себе: отдельное не имеет качеств, метрики и тому подобного; мир всегда в дифференциальной перспективе и глубине), то есть если ничего не конституируется в мире и в человеке, взятых, повторяю, как один объект. Как уже говорилось ранее, самопричинная устойчивость (изменение) покоится на трансцендирующем напряжении сил человеческого существа (и

¹¹⁰ Так же как миф: он не мир отражает, а формирует и завершает человека — в бытии.

Стрела познания

==269

опять вопрос — что сопрягает это напряжение? оно, 1) необходимо, 2) должно на чем-то зиждиться). Свободное действие должно делаться снова и снова. Даже то, что есть сохраняется и воспроизводится изменением (изменение - первичное понятие). Изменение «чего»? Ничего. О «что-то», наоборот, мы говорим после изменения. Поскольку речь идет о мысли мысли. Тем самым создается избыточный субъект с бесконечной установкой (§ 40). Именно, на потенциальную форму в познавательном Поле, то есть на повторяющуюся потенциальную возможность нас самих, на способ и основу производства новых знаний указывает имеющаяся время-форма, а не на объективное членение содержаний. Важна телесная сторона формы (ведь «психотело» или артефакт имеем!): она физически моделирует класс возможных условий среды. Физическая реализуемость условий производства сознания (что уже Кантом подмечено в различении реальных оснований и оснований познания). Они суть потенцированное бытие а не наша, чисто мысленная лишь конструкция. «Врастание» <-> «сознание». Но это значит, что оцениваем сознательные» выражения не соотносении со всей реальностью в целом (со Вселенной всех событий «в себе»), а так, чтобы в оценках и тому подобном допускалось громадное множество подобных миров, то есть чтобы изнутри свободно становящееся последовательности принципиально допускалась полилинейность. Иначе не можем понять механизм преобразования случайных изменений и флуктуаций в направленное развитие — последнее не однонаправленно. Когеренция длительных и на больших расстояниях изменений и преобразований не может быть, соответственно, понята ни менталистски, ни реактивно-детерминистски. Прослеживание знаковых каналов информации не поможет.

156. Существует техника человекообразования через надприродный ряд, через перевод мира в символическую его действительность, и наука (философия) есть лишь использование ее в целях суждения о мире «как он есть».

Все проблема в том, как это второе чудо случилось. Шаг в направлении ее решения — это перестать рассматривать мир и тому подобное в плане представления о мире, но это только шаг, а не само решение. Ключ, очевидно, лежит в факте, что «животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу» (Маркс), то есть в словах «всю» и «воспроизводит», но как это протянуть, имея в виду, прежде всего, те особые вещи, которые реальны и живы в символической действительности мира (и которые для взгляда классической онтологии загорожены, ибо все помещено в вечный идеальный мир)? Особое преобразование (преобразованная, «своя» практика и преобразованное общение), концентрация и компликация «в точке» («вся природа») и прохождение через индивида, который как бы принимает на себя поток порядка и дает «большим, чем он сам» силам действовать через себя, тем самым эк-стазируя материю своих состояний. Особые вещи, которые в этом участвуют и которые составляют «порядок порядка» (почти никогда не высказываемый, а если высказываемый, то мистически религиозно; в этом смысле, то есть в плане религиозного освящения интеллектуального труда, нет никакого противоречия между естественно-научной картиной природы и религиозным чувством, это противоречие навязано гносеологией представлений в новое время и вовсе не ощущалось и не могло ощущаться античными авторами). Часть из них формальна, а часть — материальна и экспериментальна. И то и другое — стороны артефактивности. Такие вещи не предмет утверждений, а способ бытия утверждающего. То есть одним своим концом они есть это последнее, а другим своим концом они потенцированное бытие вообще. Тем самым, уже на уровне эпистемологии, мы должны различать содержания-объекты и содержания деятельности, а также привязки знаний и понятий к вещам (установление уникальности в каждый данный момент такой привязки — задача метода физики) и условия этих привязок-рефе-

Стрела познания

рентов (уникальность окажется не одной-единственной, а множественной и исторически меняющейся).

§ 157. Привязки = «точки пересечения» в языке рефлексивного пространства (гиперплоскости) состояний в 3-х прилеганиях (имея в виду, что всякое наблюдение есть совпадение в точке двух событий — происшествия наблюдаемого и наблюдения). Уже здесь это квазиточка (а плоскость — квазиевклидова), ибо взяты повторяющиеся рефлексивные эквиваленты эмпирических явлений (а не сами явления), непрерывность и однородность опыта, абсолютный «эфир» наблюдения, вмещающий и связующий явления, и так далее. И тем более, если взять пучки на такие пространства (из сверхпространства, по терминологии Уилера): «точки» у нас растянутся в объемы и глубины и можно эти последние в другом измерении (пройдя, так сказать, экран) соединить в континууме бытия сознания. Ср. § 97.

§ 158. Заход из надприродного ряда можно изложить и так: выскочив из времени, мы должны локализоваться, чтобы в содержании был извлечен порядок «впервые», «однажды» (порождение порождающего и связующего «раз и только раз», что не последовательностью этапов выражается и что, кстати, соответствует определению состояния как сингулярности в смысле § 87). Для описания этой локализации должны быть определены термины «вне», «между», «точка пересечения», «многообразии» и «качество»¹¹¹. «Вне» — большее, чем сам, концентрация в точке и

¹¹¹ В «точках пересечения» наблюдаем «качества», а «вне» — оно же и «между» и «точка пересечения», соответствие же в «точке пересечения», на деле, топологично («многообразие») и, следовательно, даст в «качестве» двуединство как первичный факт человеческого интеллекта; и, вообще, чудовищно сложная (и притом изменяющаяся) топология событий знания и понимания вполне задается приключениями с этими «вне — между — точка пересечения — многообразие»: «вне» может оказаться «внутри», «между» растянуться в собственную «глубину», «многообразие» перестать давать целостность, а «точка пересечения» не быть, при одной и той же позитивно-денотатной номинации, одной и той же

давание действовать через себя силам, большим, чем сам (экстаз в этом смысле). «Между» — текст, межсуществование, сеть (кстати, как здесь будет с особым слоем всякого текста в этом смысле — с «текстом сознания» и его телесностью?). «Точка пересечения — события-смысла, которые пока для нас «качества», «действенности», «интенсивности»¹¹², наблюдаемые нами в этих точках (которые можно взять как образы в репрезентативном или фазовом пространстве). Но ведь в смысле «качества» может быть все, что угодно (ср. § 70), оно пока никак не определено (для него нет пока экстенсивного выражения, ср. § 23). Но раз мы говорим о «действенностях» без содержания (к тому же еще и экстазирующих «материю» субъективности), то можем продолжить формальный путь анализа и на нем что-то получить. Итак, несодержательное и экстатическое «вне». Так вот, где это «вне»? Ведь «нечто в состоянии свободного отличия от самого себя и от другого качества» вы

точкой (например, когда топологический характер соответствия проявит себя нетривиально), то есть поскольку в «точке пересечения» проглядывает глубина того, что не вытекает из натурально единого содержания предмета, события наблюдения, проглядывает континуум «мира» субъекта; а раз не вытекает, то многое и разное.

112 Познавательные конфигурации, ансамбли и тому подобное могут быть взяты как «качества», «действенности», «интенсивности» в следующем смысле: ведь свободное действие тяготеет к 1) полному действию (иерархия всех «уровней» сознания) версус эмерджентия и зависимые возникновения в последовательностях, 2) содержащему лишь порождаемое на собственных основаниях (а ослабление усилия дает ... черт знает что, поскольку «свято место пусто не бывает»), бесконечное (в смысле, быть источником своих собственных определений, формировать мир), 3) вне себя состоянию «материи» субъективности, к экстатическому ее держанию (то есть к привязке к утопосу, «божественной» среде и протоплазме синтеза, то есть к независимости от потока «земного»), — а это все должно держаться субъективностью, и в этом смысле (то есть происходит это или не происходит) есть (или не есть) ее «качество», «интенсивность», «действенность», «действенная упорядоченность»; оно не есть содержание никакого отдельного суждения, имеющего атомарное значение и относящегося к отдельному факту, поэтому мы и ухватываем «качество» или «качественную субъективность» в терминах «видение», «концептуальный схематизм» самосоласованности, и самопричинная его устойчивость будет весьма таинственной.

Стрела познания

==273

делено (хотя и неделимо в последовательности, как мы знаем по § 112) и должно где-то находиться [мы уже назвали это «топосом», имея в виду собственное отличие при одинаковости внешнего номинативного «знак-значение» описания и помня, что значение-знак никакой гарантии согласования состояний не содержит и не передача им (или определениями) может наложить ограничения на тысячи путей мысли рядом и потом]. Должно ведь быть время и пространство: натуральной философии нечего делать с мистической сущностью в голове, с «внутренней духовной жизнью» поверх времени и пространства. Но обратим внимание на то, что «отличие от самого себя» и есть время по единственному разумному определению времени, есть (выделенный, но не делимый) момент времени. То, что он растянется пространственно, а не в последовательности (поскольку в нем все точки времени равноправны и между ними нельзя в последовательности провести различия), — это другой вопрос. Но это и даст нам наше пространство (напомню, что поле наблюдения или «сигнальная связность» в пространстве Наблюдателя есть связность условий знания в последовательности, сама этой последовательностью не являющаяся). Поскольку речь идет о собственном и естественном ходом вещей не обусловленном усилием (трансцендирующем напряжении сил человеческого существа), то будем называть это пространство-время «собственным» (история тогда — пространственновременное бытие указанного усилия, но только пространство и время здесь построенные, являющиеся внутренним продуктом, так сказать, актуал-генетические; см. § 87а). К тому же, речь идет о знании как событии, а не известном «само по себе» (кому?); знание только в актуальном живом состоянии может находиться, здесь и сейчас (и феноменологически полно) (только это «здесь и сейчас» растянется принципом относительности в «вечное настоящее», что и должно быть, поскольку феноменологическую вечность во времени мы уже допустили).

Теперь можно определить «изменение» (определить его независимо от последовательности, которая как раз неразрешимые задачи ставит с точки зрения стандартов научной рациональности): не предданная группе преобразований, а образующаяся вместе с ней и остающаяся при ней инвариантной мера и есть изменение (свободное)¹¹³. Фактически, конечно, речь идет об изменении сознания (а не знания)¹¹⁴ в смысле сферы сознания как условия изменения знаний, форм деятельности, методов и тому подобного, надстраивающихся над первым многоуровнево и пронизанных им. Как бы особое расширение «сознания», образование такой активной внутренней целостности, проявлением и актуализацией которой было бы любое конкретное действие в мире — (беспредметная) «потенция потечий» (ср. § 109 о системе, а также §'140 о фиксированном и конечном числе «квазичастиц ума»).

Но для такого анализа мы должны предварительно заменить «точку пересечения» «системой точек» (поскольку берем «порядок порядков» во множественном поле передачи и распространения сознательных явлений и рассматриваем в разрезе жизни сознания, а не по объектному и логическому содержанию, то есть не изнутри содержащегося в сознании) и гипотетически постулировать предметно ненаглядный «процесс», происходящий в системе, в

¹¹³ Это значит, впрочем, что понятие изменения, движения, как уже говорилось, — первично (мы определяем его без предварительного допущения изменения «чего», «носителя», что единственно совместимо с декартовским принципом онтологической индивидуации в просвете «второго шага», в просвете «производимое-воспроизводимое»).

¹¹⁴ В силу закона непустоты ума там, на месте уже что-то есть, и поэтому это изменение сознания (сдвиг в топос, что нужно было бы сопоставить с «припоминанием» того, что есть всегда и везде в отличие от жизненного сознания). Лишь через хронотоп — смысл как измененное сознание. Дело идет сдвигами и силами сдвигов (иначе мир физически полон и невозможно движение). По отношению к сознательным, свободным явлениям нечто тоже определяется — но сдвигом — «раз и навсегда» или «раз и только раз» (например, уникальность — присутствием всего свободного действия в «отдельном» и представлен нос тью бесконечности символами).

Стрела познания

==275

ряду рядов размазанного объема, то есть в двуединстве, сразу на двух, как минимум, уровнях, явления которых («стороны») не дают в отдельности никаких реальных фактов, то есть предметов, дистинктно составляющих многообразие или множество («качество» не имеет ряда, который был бы его множеством в смысле математического определения «множества»)¹¹⁵.

§ 159. Возвращаясь тогда к «потенции потенции», «мысли мыслей», к «чистому само себя рефлексирующему действию», на уровне которых мы только и определяем изменение, мы видим, что имеет место «процесс» (понимая под «процессом» индивидуально завершенную и законченную связность условий знания в последовательности, так сказать, элементарную «сигнальную связность», и набирая сложную индивидуальную систему из таких элементарных процессов), что речь идет о подземном, туннельном синтезе того, что на поверхности разделяется в последовательности и необратимости, о непрерывном воссоздании и субъекта и его мира (ведь и устойчивость знания как события является чудом, и пребывание объекта во времени не является само собой разумеющимся), что это воссоздание — дополнительный к натуральной сотворенности и независимый от нее акт и что все остальное — простое развитие следствий из этого (вообще радикальные последствия такого факта, что лишь на втором шагу можем ухватывать и высказывать нечто о том, что предполагается существующим уже на первом).

И первое следствие — существует невидимая внутренняя история как механизм (и условие) последовательности этапов эволюции, сам не являющийся этой последовательностью. Для нас, изучающих сознательные явления, это способ что-то извлекать как раз из разрывов, поскольку именно такой «разделенный» характер времени

¹¹⁵ Но сказанное в терминах «систем точек» должно совпадать или поддаваться совмещению с получаемым в терминах «точек», если возникнет такая необходимость.

оставляет место для сознательных явлений (по физическим законам): в «зазоре» — поле для проявлений воли и новых свободных явлений (только ведь в щели сознание, в расступившейся пустоте). Поскольку «мысль мыслей»¹¹⁶, то в постоянном движении и изменении участвуем в вечно живом событии. В каком-то смысле наша теория как наблюдение и язык описания этого есть теория одного события (ср. с «растяжкой» § 45 и § 113). Если полностью эксплицировать одно, то получаем весь мир.

И эта история локализована, то есть существует, как мы видели (но теперь это нужно получить как следствие), особое пространство и время, в которых только и возможно извлечение информации и порядка из опыта и самообучение сознательных существ, формирование у них новой деятельности, то есть превращение их, как выражался Винер, в другие, им подобные. Лишь в терминах анализа такого пространства и времени можно понять указанный выше механизм (механизм туннельного синтеза и согласованной и связной мысли в долгосрочных и пространственно удаленных ее изменениях). Для этого берем, следовательно, формально события (то есть чтобы в объективизируемом ряду содержаний знания было упорядочивание, мы можем иметь в виду лишь какие-то формальные свойства самого события). Онтология событий как чего-то первичного, а не вещей и свойств. То есть «вне», «между», «точка пересечения», «многообразие», «далекое», «близкое», «связное», «преобразуемое», о которых говорилось, должны быть строгими элементами некоторого теоретического языка, фундаментально содержащего в себе ненаглядность и символизм.

¹¹⁶ Или созданность того, что будет вырывать из взаимодействий в энергетических и причинных потоках и цепях (и создавать пространство преобразований). У существ Пуанкаре нет как раз этой созданности создающего и связующего (а это и есть лоно истории), они не отгорожены пространством преобразований от того, что спонтанно индицируется, от зависимых возникновении мыслей, то есть у них не на созданное создающее полагаемся (на большее, чем силы в точке, и в этом смысле «не сотворенное» тем, кто в точке).

Стрела познания

==277

§ 160. Если законченный и законченный характер индивидуальных явлений (элементарных событий) имеет место лишь вместе с ненатуральностью основы и с размазанностью в многомерное (в том числе — во мнимое), с феноменальностью полноты в точке, то, наоборот, беря до завершения в развернутом интервале (и только в нем), рационально имеем множественную реальность и измерения (в том числе измерение физически невозможного в наших трех измерениях), отказываясь от допущения какого-либо единого плана истории (он исключен как раз отсутствием натуральной мотивированности отражений (то есть ненаблюдаемостью абсолютного соприкосновения) и непредданностью «свойств», «атрибутов», «законов») и оставляя пока в стороне дальнейшие характеристики коллапсированной базы, «фона» и всего того, что ушло в «фон» (поскольку законы формулируются в терминах законченных и законченных явлений), можно принять следующее об общих исторических законах (или принять следующие общие исторические законы):*

*На этом рукопись книги обрывается. — Ред.

==278

==279

==280

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. К. Мамардашвили

К ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОБЫТИЙ ЗНАНИЯ

Исторически изучая явления и акты научного познания, мы — и об этом стоит постоянно помнить — изучаем фактически свободные явления, то есть такие, которые в себе же содержат (или сами впервые устанавливают) причины своего случая. Иначе говоря, они самопричинны как исторически индивидуальные, «один-единственный раз и впервые» завязывающиеся конфигурации мысли и понимания¹. Они свободны в том смысле, что в живой истории науки (а не в учебниках и логических систематизациях) никто не делает того, причины чего (я имею в виду основания и необходимость думать именно так, а не иначе, проводить именно данный эксперимент, а не другой и так далее) уже известны (это было бы просто бесполезным плагиатом), как не делает и того, причины чего были бы видны какому то вселенскому «Наблюдателю» вне и помимо сообщаемого и впервые «только однажды» случившегося. Ибо из какого источника он черпал бы знание о них, а с другой стороны, как мы могли бы встать на точку зрения такого «Наблюдателя» и посмотреть его глазами? То есть они свободны в том буквальном смысле, что иначе мы о них и говорить не можем, поскольку, допуская в корпус науки только новое и уникально происходящее, мы лишь после этого говорим о чем то в мире в терминах законов (в этом смысле законы устанавливаются, а не пребывают где то в трансцендентном мире сущностей, ожидая быть познанными). Более того, такие явления представляют собой самопричинные особенности еще и в том отношении, что а языке историка (и вообще в горизонте его эпистемологических и онтологических возможностей) суждение, например, такого рода, что ученым открыт закон или

¹ Сложные исторические индивидуальные системы могут быть рассмотрены как составленные из множества таких абсолютно элементарных «однажды»

==282

М. К. Мамардашвили

физический эффект «А» потому, что в мире на самом деле действует и может быть воспринят предмет А этого закона или эффекта, было бы суждением *ex post facto*, предполагающим к тому же еще и некоторую скрытую направляющую силу в историческом механизме познания, способную наподобие такого «третьего глаза» (вспомним Декарта!) сравнивать образ предмета в уме («А») с предметом в мире (А) и приводить их в соответствие. Но такого «третьего глаза» Знания с большой буквы не существует, и допущение его или подобных ему скрытых качеств и сил должно тщательно устраняться из представлений об исторической реальности и из неявных вкраплений в языке историка.

Добавлю, что если бы причиной понятого и высказанного в явлениях «А» было бы просто существование понимаемого обстоятельства дел в мире², то стало бы совершеннейшей мистерией и было бы непонятно (в силу отсутствия иных оснований), почему этим явлениям случаться именно в момент X и именно в форме «А». Мы в принципе не можем различительно локализовать знание законов, если будем рассматривать его как актуализацию готовых смыслов и сущностей.

Казалось бы, мы можем выйти из этого затруднения, начав рассматривать знание как превращение, усложнение и развитие некоторых предшествующих актов и состояний мысли (понимая, следовательно, под «исторической зависимостью» просто то, что кирпичики верхнего этажа нельзя положить без кирпичиков нижнего этажа). Но это как раз и представляет собой проблему и содержит массу неясностей, затрагивающих в принципе сами онтологические и эпистемологические возможности анализа нами исторических изменений и развития, самое *raison d'etre* понятийного аппарата, специально приспособленного для их мыслимости и рациональной воспроизводимости.

Например, простой вопрос: что, разве в развертывании последующих положений конфигурации знаний из каких-

² Я хочу еще раз подчеркнуть, что, рассуждая обо всем этом, в том числе о «причинах», я имею в виду только термины исторического мышления и языка, только то, что может (и чего не может) осмысленно видеть и говорить историк. И прежде всего — в какой мере можно ссылаться на логику и на то, что происходит вне мысли, как на причины того, что должно иметь место в мысли.

либо предшествующих актов и состояний есть некая заложенная программа, лишь вызревающая во времени и постепенно выступающая на белый свет в одеянии конкретных утверждений и связей истин? Стоит только так поставить вопрос, как становится ясно, что этого не может быть. Однако неявно и молчаливо именно это предположение чаще всего фигурирует в историко-научных описаниях. Хотя оно, конечно, призрак, «теневой образ», наводимый в рефлексивной системе мысли и объектном языке науки их неизбежной макроскопичностью и идеальностью. То есть в силу формулировки и выражения истин в рамках субъект-объектной оппозиции, в рамках идеально отделенного от нас спектакля мира и денотатов нашего языка, которые мы воспринимаем и наблюдаем сквозь ментально-предметное содержание истин и связей между ними и о которых мы рассуждаем на основе логики такого содержания и его актуальных семантических и экспериментальных интерпретаций.

Поэтому мы можем и не замечать, что ставим выражение исторически предшествующих конфигураций мысли в зависимость от целей, которые могли быть сформулированы лишь позже. Иными словами, оказывается, что на деле «историческая зависимость» случается чего-то в момент X' от предслучания чего-то в момент X есть пока лишь иносказание прямо обратного допущения, а именно — зависимости логического существования предшествующего от актуально разрешенных (и выполнимых) операций и смыслов, как если бы акт познания в момент X реализовывал там зависимость от последующего, от последовательного целого предметной области. (Под «последовательным целым» я имею в виду все множество в принципе значимых для предмета A и линейно, одно за другим, проходящих обстоятельств, сторон, зависимостей а, б, в, г, д, е ... и все множество пересекающихся с ним отражений «а», «б», «в», «г», «д», «е»..., в пределе исчерпывающих знание «А».) Он как бы осуществляет зависимость исторически доступными частями, устремляя таким образом знание по асимптоте приближения (бесконечного) к предданному, окончательному и завершённому миру в целом, к миру законов и сущностей «в себе». Но как тогда объединить историческое существование этих отражений с универсальными физическими законами в любой произвольно данный момент (как бы он далеко ни размещался на го-

==284

горизонтальной временной оси науки и до какой бы то ни было суммы таких моментов) в содержании этих же отражений³. Ведь если Галилей знает А, то это не зависит от знания или незнания В.

Поэтому я хочу обратить внимание на одно скрытое здесь затруднение, которое разрешимо лишь введением определенного постулата как условия понимания мыслительного мира, его интеллигибельности. Назову его постулатом конечности.

Допустим, указанная зависимость действительно имеет место в продуцировании исторических явлений, и мы располагаем их последовательность во внешнем протяжении и суммировании знаний — от знания чего-то к знанию еще чего-то и, в пределе, к знанию всего (относящегося к делу, конечно). Но эта бесконечность сразу же оказывается дурной:

мы не можем делить бесконечное на конечные единицы, не получая при этом нулевых значений истинности в каждом пункте. Если бы это было так, то ничего, нигде и ни в какой момент нельзя было бы сформулировать и высказывать, никто, никогда и нигде не имел бы знания в смысле истины⁴.

³ Мы не можем различительно локализовать знание законов. Слова «историческая возможность», «историческая доступность» и тому подобные имеют здесь лишь отрицательное значение и не могут быть понятиями. Как это ни парадоксально, именно «внешним» (в словах «не знал», «не видел», «не понимал» и тому подобных) оперируют так называемые интерналисты в объяснении истории науки. Устремляя знание во внешнее (бесконечное) протяжении, мы рассматриваем его как ступеньку к нам самим, но как раз самих-то себя получить из нее — без парадоксов — не можем, как я и постараюсь показать.

⁴ Уже Зенон показал, что внешнее суммирование исключает возможность построения понятий о движении: передавая и суммируя наблюдения, мы не можем получить из них себя, то есть наблюдаемый результат, который есть наше состояние наблюдения (а оно как понятие должно быть обратимым и симметричным, в смысле симметрии информации и ее извлечения). Поэтому мы будем бесконечно (и бессмысленно) повторять состояние «пред-выбора» понятия и «предрешения», как Ахилл — промежуток, отделяющий его от черепахи. Асимметрия же указывает на то, что в действительности имеет место не добавление значений и наблюдений («еще одного», включая и «последнее»), а конечное преобразование и претворение испытанного «последнего» так, чтобы его можно было получить имеете с чем-то в начале и, следовательно, не сложение многих законченных и завершенных смыслов, а один или (понятое) Одно, но множественно расположенное, и в этом смысле абсолютное и начало и конец.

==285

К пространственно-временной- феноменологии...

В частности. Максвелл не вывел бы уравнений электродинамики (а Лоренц — их группу), если бы они исходили из того, что равновесие тел не обеспечивается действием одних электромагнитных сил, так же как Кеплер никогда не получил бы своих законов, а Френель — законов преломления (он не заметил или не знал эллиптической поляризации света, видимо, исключавшей правильное наблюдение этих законов). Напомню глубокое замечание А. Пуанкаре, что имей Тихо Браге хотя бы в десять раз более точные инструменты, не было бы никакой астрономии. Ясно, что реальное познание строится иначе. Знание и опыт извлекаются в последовательных наблюдениях во времени, в сборе информации с различных точек системы отсчета, хотя при этом мы не знаем всех причин, воздействующих на ход события «знание». Но решения и выбор понятий для описания мира тем не менее осуществляем, используя массу неизвестных и неосознаваемых законов и зависимостей (в области знания как события и незнание есть действующая причина). Если в будущем лежит пункт знания «б», к которому сдвинется источник опыта (к пункту неизвестного, но оказавшегося существенным), то знание в данный момент не зависит от этого движения и формулируется не в терминах его направления и, следовательно, не может — по своим истинностным характеристикам и тому подобное — анализироваться суммированием точек одной — идеальной системы отсчета, его нельзя прибавлять, складывать с другими и так далее. Иными словами, характеристики и внутреннего и внешнего совершенства теории устанавливаются в реальном познании независимо от движения источников опыта и их направлений. Истина строится так, чтобы от этого не зависеть (то есть от того, что со временем окажется ложным или недостаточным), — и притом в непосредственной окрестности своей точки и, следовательно, в поперечном разрезе к линии из таких точек, что и есть постулат конечности или «локального совершенства» знания или теории.

История науки, повторяю, была бы непонятна и бессмысленна без постулата о независимости ее от последующей ложности, как и от знания всего в каждый данный момент, то есть о его «локальном совершенстве» при чудовищном нашем незнании (напомню Кеплера!). Парадокс всякого нового, когда мы не можем неопределенно долго идти в анали-

==286

зе ни назад (оно всегда было и «старо, как мир») — ни вперед: вообще ничего не могло бы быть, если бы мы зависели от движения источников опыта, от знания в принципе релевантных, но неизвестных и неосознаваемых законов, — и состоит и том, что оно в пустоте относительно всего этого ряда и не зависит от всего остального мира⁵. Этот парадокс всякого нового знания (из понимания его выросла, кстати, вся интуиционистская математика) начисто прокалывает наш «теневого образ» актуальной логической связки выражения истины в терминах готового мира законов и смыслов, прикрытием которого и является предположение об «эволюционном развертывании» некоторой идеальной программы развития науки изнутри исторического явления.

Итак, новое знание — в пустоте, оно не имеет в виду ничего последующего, не зависит от него (устанавливая все в своей ближайшей окрестности), не является к нему ступенькой (в смысле независимости от акта, в котором оно используется)⁶. Хотя оно же в каждый момент — (1) организуется в терминах соответствия предмету, то есть истине, и, более того, (2) понимается, мгновенно вписываясь в существующий мир знания и теорий, независимо от времени распространения и понимания другими, от логической и экспериментальной развертки его обоснований и следствий и тому подобное. Другими словами, случившись, оно понимается, и между этими двумя вещами нет интервала (что, несомненно, похоже на декартовский принцип когито) Этот последний пункт, в свою очередь являющийся определенным постулатом — постулатом (или принципом) понятности работы человеческого ума в истории, заслуживает разъяснения.

⁵ Не случайно для древних реальность есть только атомы и .. пустота. Очевидно, «пустота» была одним из первых символов свободы сознательной жизни ума, символом всего того, что еще не решилось, не сцепилось и что при этом еще и не занято ничем другим (как условие того, что вообще чтонибудь может быть как определенное, как то или это — на достаточном основании; пустота — условие и того, что есть — атома, и того, что может быть, нового).

⁶ В применении к понимающей мысли можно принять, что впереди нее нет ничего другого, она сама «впервые и однажды» завязывает историю, являясь в этом смысле абсолютным будущим, а обратимыми ее элементы и связи оказываются лишь в слое рефлексивных знаково логических структур знания, в последовательности новое лишь появляется, выступает, а не возникает или существует

==287

Действительно, поскольку мысленные пути и характеристики, дающие замыкание, называемое нами «истинным новообразованием» в его же окрестности, совершенно явно не зависят от движения источников опыта и их судеб⁷, не являясь функцией от приближения к (или удаления от) идеальной системе отсчета, привязанной к результатам по знания и к координатам всего мира, ибо оно оказывается (существует!) в поперечном разрезе к этой системе, то мы можем утверждать, что оно само (в качестве понимания) есть связность и распространение, передача (между существованием и пониманием нет интервала!)⁸. Иными словами, оно обладает существованием, реальностью мыслительного поля. Это многообразие, распространенное относительно самого себя, или «Одно», но множественно расположенное (относительно себя)⁹. Это постулат (виртуальной) понятности, понятности как «места» точек. Иди континуум-постулат.

Отсюда вытекает, что истина нового знания в истории возможна лишь потому, что познание — это не арена мгновенно одно непрерывным взглядом охватываемой идеальной системы отсчета, а пути, прокладываемые конечными областями связностей, и что в последних понимание уже существует, есть, независимо от того, понимает ли кто-нибудь, и от реального канала передачи, и общения и его описания. А это значит, что изменение есть изменение поля (жизнь есть способность быть иным) и в качестве такового — саморазмножение и рост. Это многообразие: превращение себя в «другое», оно эволюционировало и размножилось в качестве другого. Изменение поля — это своего рода волна, ибо понимание «другим» (как и превращение себя в «другого») есть оно же, само это

⁷ Например, где была греческая мысль, когда греки исчезли, а адресат еще не появился?

⁸ Здесь не важно, передаю ли я (новое) самому себе или другому.

⁹ Известно, что любое понятие, например, «круг», «треугольник», «волновая функция» и тому подобное, одно единственно, есть единичный или однократный акт и не размножается от того, что мыслится во множестве голов (то есть понятие во многих головах не счетно) Только вот для идеального мира (в смысле Поппера) такая одноактность или индивидуальность смысла, концепта совершенно мистична — без предположения некоего всеохватывающего и притом интеллектуально созерцающего существа, предположения, еще более мистического Лишь в случае «естественного» поля несчетность понятия как многообразия понятна

понимание. В этом смысле оно (поле) понимает, в силу свойств состояния (управляемого структурой), а не чего-то делаемого нами. Это континуум-постулат, непрерывность. И главное — отвлечение от предметных языков (например, интерпретация формулы Дирака — не что иное, как ее же состояние) и от причины, то есть свободное изменение. (В этой беспредметности и беспричинности интересно взять континуум «в момент, когда» и затем локализовать его уникальность смысла как «притчи», условия *sin generis*, в чистом виде.) Такая виртуальность означает, что движение уже совершилось, оно ни в начале, ни в конце начинаемой последовательности, и недоступно ни рефлексии, ни внешнему наблюдателю (марсианину). Важен лишь интервал, а он и есть поле. В этом смысле реальность «текстова», то есть выступает в качестве чего-то рассчитанного именно на понимание, что налагает ограничения на возможное: может произойти только понятное. Может наблюдаться только допускаемое теорией. И это 1) не зависит от различий предметных языков, 2) не имеет причины и 3) неразлагаемо.

При этом особенно важно последнее. Ведь истинность как «point of story» не аддицируется в последовательности по дискретным сознательным привязкам значений и смыслов элементов наблюдения. Но она не только не аддитивна, но и ее дление между точками увеличивает ее сумму в каждой точке — например, для концептуального смысла произведения и для прочитавшего и понявшего его. Эта неразделяемость означает, что принцип понятности (включающий одновременно анализ и синтез) не может быть частичным. Ее ли разделение «между» увеличивает сумму, а точка или со держит целое или больше его, то, конечно, такие образования не «состоят из». Понимание заведомо не в ряду значений, в силу своей конечности мы не можем бесконечно идти ни назад, ни вперед, имея, следовательно, абсолютные начало и конец, а на уровне смысла и значений — не их прибавление (я ведь, поняв, не смыслы добавляю, например, к ньютоновскому понятию — оно несчетно в головах! — как и структура уравнения Дирака та же при ином предметном языке и интерпретации), а претворение, и поэтому это не память, а активное вновь порождение: реверсивно или рекуррентно случаем прошлое, меняем его, а будущее рождается в самом связанном времени независимо от конечных це-

==289

К пространственно временной феноменологии..
лей. Это творческие процессы, вспыхивающие в сингулярностях, которые перемещаются и живут, закручивая вокруг себя миры, последовательные лишь изнутри. Восприятия, конечно, принадлежат индивидуально-психическим механизмам и только ими осуществляются, но содержание их и реализованность не определены без общения и, более того, без давания действовать через себя в точке силам большим, чем само восприятие, и концентрированным вне субъекта. Ибо никакая рефлексия не обнаружит мысли в качестве ментального содержания. Здесь необходимо ввести абстракцию «мысле-организма» («одного» как многого»). Это испытующая и измеряющая множественность с со-общением внутри нее и распространением осознаваемых содержаний с элементом бесконечности. Организмы, секретирующие бесконечность, которую они же должны расположить на непрерывности (в силу континуум-постулата). Бесконечность ведь не предмет, а эффект реализованного, выполненного действия. Такое утверждение равносильно утверждению о ненатуральности или транснатуральности возможных оснований и их непрерывном воссоздании, чтобы на стороне субъекта мог вообще возникать эффект независимого понимания объективных вещей, эффект свободного отличия от самого же себя в натуральном ряду, в потоке энергетических и причинных, культурно-знаковых и тому подобных взаимодействий, в которых чувствующие и сознающие существа участвуют и которые лишь в преобразованном виде могут войти в представление порядка, поскольку все это во времени, в потоке; они не могут сами себе даже противоречить, если не приведены в отношение. То, что мы должны узнать и понять, не существует ни в каком натуральном виде: ни в виде воздействий (внешних) объективных качеств вещей (ибо индивидуальность это запрещает), ни в виде их следов и выполнении в материале наших естественных психических и логических способностей (ибо сами они генерированы в качестве разрешающих эти воздействия и должны заново реактивироваться и изобретаться). Никакой самодействующий природный механизм не произведет в человеке человеческое состояние или качество (наоборот, как я уже фактически сказал, он лишь рассеет то, что было). Речь может идти лишь о компенсации этого отсутствия созданием соз-

дающего, поскольку цель работы научного ума как раз и состоит в том, чтобы охватить целое физических законов независимо от случайного положения человека в системе природы. Странное тогда мы получаем определение свободы: способность преобразовывать, претворять, чтобы воссоздавалось нечто, бесконечность производящее, секретизирующее, то есть критерий успешности — свобода действия, высвобождение свободы...

Постулат понятности дает, таким образом, онтологическую абстракцию порядка (которой покрывается мыслеорганизм, «духовный организм»), структуру; «создать, чтобы испытать (вспомнить и так далее)», некие первичные расположения и пути (преобразования) мысли между ними. И, следовательно, учитывая сказанное о принципе понятности, именно эта связность предполагает локализацию, некую сингулярность, отличную от идеальных вневременных и внепространственных отношений мысли, значений и смыслов. Тем более, что мы должны брать их как «состояния» (и материального и психического, телесного и идеального — неразлично) и как «события». Как локализовать и что это за локализация? Так, чтобы, привязывая изменение $A-A'$ к «интервалу», мы могли через прошлое выявить эту связную, сингулярную область?

Перед нами невербальная мировая вместимость «я сам», то есть когитального сознания и продуктивного воображения, реальных первометафорических осуществлении, синтезов. Это формальный топос (с итерациями эмпирического уже в измерении понимания и смысла), невербальное «место» и мыслящее естественно-редуктивное (феноменальное) состояние. Его свойства мы и обнаруживаем в нормальной трансценденции (или транснатуральности) свободного действия, в бытийной понимающей хронотопии сознательных явлений и событий, в накладываемых ими ограничениях, которые позволяют формулировать какие то законы (в том числе и относительно того, что кажется случайным, нерациональным и так далее).

Следовательно, сцепление смысла, понимание, не разлагаемое дискретными и последовательными наблюдениями во времени (и не готовое в мире — в том смысле, что его реальность лишь трансцендентально входит в этот мир), может про-

изводиться или порождаться на материальном локализирующем «теле» (как, например, на геометрически опознающих или дополняющих друг друга молекулах в живых самоорганизующихся системах, или на феномене «твердого тела», законсообразно организующем множество восприятия, не связанных и собственной метрикой не обладающих). Или, например, чтение «пузырьков» во время эксперимента. Не случайно Дюгем натолкнулся на трудноделимость смысла — по той простой причине, что физический смысл появляется не в цепи причинной связи и не в точке, а в связной области, в точке он лишь коллапсирует, прикрываясь на видимой поверхности разворачиваемой кристаллизацией, которая и дает последовательное (и бесконечное) целое. Локализация же имеет место на пространственно-временно со-стоящем, неподвижном (в относительных движениях не участвующем: с ним «ничего не делается», наоборот, оно, как фиксированная точка, притягивает к себе и возвращает движения). В нем «что» равно «как», таинственный смысл не чистый дух, а вязкость, к которой и привязан интервал, привязан к собственному «абсолютному» движению (он не зависит от выбора предметного языка — как и от источников опыта и их направлений). Шаг «сделанного» и понимание им дают символизацию всех связей на все времена и для всех (как, например, в пифагоровском треугольнике, сферическом законе Кулона или орнаменте Альгамбры).

Это порождение «местом», невидимым ни для рефлексии, ни для марсианина (и несоизмеримым, некоммуникабельным для других). Ибо реальность входит в мир трансцендентально, иначе мы вообще не могли бы понимать то, что до нас и на нас завершается. Это «исторический элемент», дополнительный к всеобщим физическим законам. Он фиксирован поперечно области точки, в которой происходит извлечение опыта, то есть реальное решение и выбор понятий, что означает одновременно, что мы не должны искать единого начала всего. Без конечности мы не можем научиться, а если научаемся, то никогда — всему и всегда. Изменение в этом смысле первичнее определенности (уникальности в смысле физики) и совпадает с нею в движении — так сказать, накрывает ее (или накрывается ею), а раз так, то в общей картине дела неминуем «исторический элемент», дополнительный к всеобщим физическим законам, которые инвариантно и уникально что то описывают.

Эта видимая пустота и возвращает нас к постулатам, сформулированным в самом начале. Действительно, в каждый данный момент мы имеем упорядоченные конфигурации мысли и пути мысли в них. Но никакие изменения, каждым раз именно так выраженные, не предсказуемы и, главное, не выводимы средствами самих же теорий. Речь идет о следующем. Раз мы имеем дело с живым познанием, то ясно, что в любой произвольно взятый момент в знании что-то происходит, то есть указанные конфигурации являются событиями. Эти события «мысли», «формулы», «законоподобных высказываний» содержат в себе утверждения об упорядоченности некоего обстояния дел в мире. Только в этом смысле и для этого они и происходят, являясь сами, в свою очередь, строем мысли, возникшей по этому случаю упорядоченной конфигурацией. И далее — суть этого порядка знания состоит, собственно, в его способности порождать (в сочетании с наблюдением или же рефлексией, с каким-то типом взаимодействия) или же потенциально содержать в себе все новые (подобные себе) упорядоченности, но понятным образом представляющие ход дела в мире и именно по этому являющиеся знаниями (ведь, по определению, знание есть лишь способ производства других знаний). Казалось бы, порядок знания — только из предшествующего же порядка. Но дело обстоит не так в случае понятия порядка и его использования для описания мира и его отражений. Вся проблема в том, что события «мыслей», «законоподобных высказываний» и тому подобное, содержа в себе формулировку некоего упорядоченного положения вещей, не могут тем не менее быть предопределены — это тавтологически ясно. Они невыводимы никакими внутренними средствами самой же теории, вкладом в которую (и изменением в которой) они являются. Иными словами, они непредсказуемы. Они именно случаются (в качестве того, что я назвал свободным действием или его продуктом — свободным явлением или изменением). Образованное ими многообразие не представляет собой непрерывно проходимой и непрерывно связующей последовательности актов (как нас должна была бы заставить предположить абстракция актуальной бесконечности) без добавления какого-то принципа (или принципов) совершенно иного рода. Однако в отличие от физических событий, в объективизированном ряду которых

==293

К пространственно временной феноменологии...

непредсказуемость означает интеллектуальную непроницаемость и непонятность какой-либо из «формул» (и выбрасывает ее из состава научно известного), непредсказуемое событие в мысленном ряду в то же время понятно и проницаемо (в качестве, конечно, феноменологически реального схватывания умом упорядоченного, то есть понятного, смыслонаделенного положения дел в мире). Исходя из континуумпостулата, оно понятно в момент своего свершения — совершенно независимо от времени на усвоение и распространение, от развертки всех логических связей обоснования и выводимых следствий. Поэтому не имеет принципиального значения, понимает ли его вообще кто-нибудь: оно есть и (мгновенно) вписывается в науку или знание (революционным путем или же «нормальным» в смысле Куна, не важно). Без этого постулата мы вообще ничего осмысленного не можем высказать о работе человеческого ума. А получилось нечто таинственное: самим актом своего свершения вписываясь в понимающую вещи науку, в ее содержательный и логический строй, знание в качестве события или свобод ного изменения в то же время невыводимо и непредсказуемо, то есть к нему нельзя прийти непрерывным продолжением предшествующей упорядоченности состояний понимания (а если можно, то только *post factum*, в обратимой аналитической актуальности).

Или, может быть, мы его встречаем как случай? Увы... Основную парадоксальную невозможность и немыслимость всего этого я бы выразил так: немыслимо, интеллектуально недопустимо и онтологически абсолютно маловероятно, чтобы мыслительные содержания, столь жестко задающие порядок и гармонию происходящего в действительности (в виде законов природы, инвариантных структур и симметрий, физических констант, эмпирических величин и корреляций и тому подобных), появлялись бы хаотически, случайно (это противоречило бы и тому несомненному факту, что само чувствующее и познающее существо является частью хода вещей во Вселенной и ее естественной эволюции). Так почему все же именно эта мысль более значима, чем другая?

Конечно, можно в целях исторической рациональности и одновременного сохранения понятия случая прибегнуть при этом к вероятностной статистике массовых явлений (каковыми являются познавательные акты и их محتوا

М. К. Мамардашвили

==294

ния), намечая, далее, соответствующие правила эволюционной селекции при их слепом разбросе. Но и это нас не выручит. Ибо ясно, если принять интуитивно неизбежную аксиому, которая имплицитно уже содержится в том, почему вообще в нашем языке существует термин «свободное явление», — что свободное изменение явлением себя (= событие) есть не что иное, как вырывание из инерции естественного хода вещей (включая в него и нашу психику, чувствительность, память, культурные имитации и стереотипы, языковые связки и тому подобное), из налаженного и автоматически воспроизводящегося сцепления действий и реакций. Случайные явления принадлежат именно к этому потоку, который механистически непрерывен и не содержит места (или основания) ни для чего другого. То есть я хочу сказать, что инертный ход вещей в этом смысле вполне однороден и в нем нет никакого достаточного, как сказал бы Лейбниц, основания (в том числе и неизвестного), чтобы делать, думать, видеть, чувствовать иначе, вырываясь тем самым из непрерывного зависимою действия и возникновения. Поскольку случайно, сами по себе, будут производиться и происходить явления того же типа или класса, что и зависимые. Иначе говоря, парадокс свободного действия состоит в том, что случайно, само собой оно не происходит. Ничто предоставленное самому себе не ведет себя свободно. За познанием, то есть появлением упорядочивающих мир событий-индивидов (ибо, уже по определению, в науке производителен лишь труд, производящий некую силу — в одном экземпляре, неповторимом и неизменном), не может стоять машина, бросающая кости. Одной статистикой и отбором несвязанных явлений здесь ничего описать нельзя: мало того, что нечто, вероятность чего практически равна нулю, все-таки происходит, но этим нечто начинаются все более и более вероятные состояния порядка (исходя из постулата понятности или континуум-постулата!)¹⁰.

¹⁰ Само понятие вероятности имеет здесь принципиальный онтологический, а не гносеологический лишь смысл (который означал бы просто невозможность контролируемо представлять изменения большого числа условий повторяющихся массовых явлений, результатом каковой и является их статистика), и касается элементарных процессов, индивидуальных явлений. Замечу, кстати, что применение к последним вероятностных представлений имеет смысл, как давно уже замечено физиками, если термин «явление»

Но как же в таком случае может быть извлечен феноменологический («свободный») опыт (порядок) или пройдены пути мысли в индивидуальной конфигурации, если мы исключили как линейное управление эволюцией извне или изнутри, так и случайность? Для этого нам и нужны введенные выше постулаты, разъяснением свойств которых и можно попытаться ответить на возникшие вопросы. То есть оправдать допущение, что, будучи свободными, творческие события (или изменения) не случайны в каком-то смысле. Вообще, здесь напрашивается представление об ограничениях на хаос, налагаемых самим свободным действием, самой конечной связкой изменения, сдвига Сферы сознания и обеспечивающих устойчивость и рост индивидуальных упорядоченностей. Напомню принципы понимания. Это — принципы: (1) конечности («локального совершенства и полноты»), (2) понятности (или включения в континуум), (3) квазифизической локализации (или сингулярности феномена мира), (4) трансцендентальности «реальных» сущностей и натуральной неизвлекаемости их свойств. В противовес иерархии знаний и последовательных преобразований указанные принципы возвращают нас к оставленным позади точкам взаимодействия элементарных сущностей и его внутренних продуктов, где, собственно, и складывается какая-то сильно структурированная (и структурирующая) «машина развития» («стиль»), представляющая собой базу, на основе которой и происходят формообразующие извлечения опыта (недоступные натуральным наблюдениям и их обобщениям) и которая стоит за индивидуальными событиями, появляющимися в эмпирической последовательности. Это своего рода топос (или форма законов мира); мы можем представить «развитие» (не объяснить!) только определенной топологией событий знания и понимания, в зависимости от внутреннего «знания» рассматривая то, что неизвлекаемо ни в объекте, так как феноменологическая редукция и закон появляются «после» (ибо мой мир — лишь представление), ни в субъекте (здесь лишь хаотическая и разнородная безличность, анонимность, имитация).

означает «нечто в мире + способы и средства извлечения информации об этом нечто», то есть относится ко всему целому ситуации проявления свойств или признаков сущности, объективно полагаемой в мире.

Линии эволюции и зависимости происходящего даются бытийной понятельной хронотопией сознательных явлений, абсолютным пониманием (мерой), получаемым в формальном трансцензусе. Именно в его рамках они как бы подвешиваются в делящемся опыте, чтобы синтезировалось время и пространство, порождая феномены и артефакты, и затем уже извлекалось знание на основе привлечения генетической информации, ее кода, его описания и так далее. Что и есть движение, порождающее динамическое содержание, формально закрепленное как топология, как свойства последней и налагаемых ею ограничений (в виде неподвижного «черного солнца» — неподвижной, фиксированной точки в смысле иной размерности связного времени и состояния пространства преобразований), чтобы была возможна самоорганизация для наших живых мысленных образований, чтобы в «среде» ими делалось что то «само собой», без «третьего», естественно и необходимо.

Итак:

- 1) ненатуральность как сильнейшее ограничение (в смысле того, которое накладывается первометафорическим стягиванием в точку всей бесконечной основы и «чистым» свободным действием, «движением в сознании»; уже метафора с самого начала — и так до бесконечности. Движение сознания есть изменение топологии);
- 2) пространственно-временная разделенность и фрагментация (дробление мысли свойствами «вещей в себе»);
- 3) шаг «сделанного» (с итерацией уже в измерении понимания и смысла, абсолютных мер, «внутреннего знания», «интегральной формы» развивающихся или превращающихся систем).

Все остальное — простое развитие следствий из этого, связанное с приложением соображений о непрерывности ко всем дискретностям, разрывам и тому подобному. В этом смысле употребляемый здесь термин «пространство» и ему подобные не суть (кроме специально оговоренных случаев) только литературная метафора, а указание на квазифизический, независимый и первичный характер некоторой вне логической базы, постоянно присоединяемой в познании к

логике и к осознаваемым содержаниям и наблюдениям. Ее условно можно назвать «физической логикой», «логикой эмпирических систем» или еще чем либо подобным, имея в виду, конечно, особые естественные, саморазвивающиеся (или превращающиеся, рефлексивные) системы с интегральным «внутренним знанием», онтологической абстракцией порядка. И так, свободное действие или свободное изменение. Смысл выражения «продукты свободного действия», я надеюсь, ясен из предшествующего. Это нечто, что невыводимо и непредсказуемо возникает и, возникая, понятным образом вписывается в существующее, то есть является слишком крупным и сильным образованием мысли, чтобы быть просто продуктом бессмысленной случайности — например, такие крупные архетипы, находки эволюции, как дифференциальное представление движения в точке в механике, сферический закон Кулона в электростатике, пифагоровский характеристический треугольник или форма овального купольного свода в архитектуре и тому подобное. Действительно, трудно представить, чтобы высказывания, которые столь жестко задают порядок в мире (и, более того, содержат в своей пустой окрестности как бы весь мир — в том числе неизвестный, как, например, треугольник Пифагора), сами появлялись бы в качестве продуктов слепого разброса (лишь статистически или стохастически упорядочиваемого), в полном беспорядке, хаотически. При всей невыводимости их наша способность разумения не мирится с таким представлением. И к тому же оно исключает нашу способность узнавать мысль как значимую, как индивидуально бесконечно ценную.

==298

==299

Ю. П. Сенокосов

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Хорошо помню, как я впервые читал текст этой уникальной по-своему статьи. Было это июльской ночью 78-го года на Донской улице в Москве, где Мераб тогда жил. Мы не виделись почти год (я работал в то время в Праге), засиделись, и в какой-то момент он показал мне первые 9 или 10 страниц (очевидно, один из вариантов) еще не оконченной тогда статьи. О том, что она дописана, я узнал лишь после его смерти, разбирая архив и обнаружив письмо, которое написал ему на следующий день под впечатлением прочитанного. Приведу его.

«Начну с навеянной твоим текстом мысли о том, что ты как философ, будучи на месте историка науки, не согласен (почему? — вопрос другой) быть рабом схемы, согласно которой Ученый выступает каким-то звеном в цепи растущего и развивающегося знания. Твой ум философа усматривает в этом не рабство как таковое, а своего рода неточность или неграмотность мышления, нежелание или неумение историка продумать до конца проблему действительного „производства“ и места нового знания в мире, рождающегося отнюдь не путем „перехода количества в качество“ или каких-то его превращений и приращений, а как-то совсем иначе. Как? Как заполнить „дыру“ между, скажем Ньютоном и Эйнштейном или любым „старым“ и новым знанием в ситуации, когда заведомо ясно, что прошлое знание изобреталось не для того, чтобы стать ступенькой или кирпичиком к новому, ибо оно само было самодостаточным и завершенным. Но тем не менее на уровне восприятия эта его завершенность под гипнозом теории эволюции, идеи прогресса и пр., испарениями которых мы пропитаны, нами, как правило, не видится, и поэтому снова и снова складывается этакий образ „блаженного“, как ты говоришь, поступательного движения науки.

Ну, во-первых, одна из причин твоего интереса к этой проблеме, а именно — социально-мифологическая, мне ясна,

Ю. П. Сенокосов

==300

так же как мне ясно и то, что не она для тебя главная, хотя бы потому, что наряду с мифом эволюции в европейской культуре живет, как ты, видимо, согласишься, и другой миф, созданный совокупными усилиями авангардистов, миф разрыва. Собственно, на ином уровне здесь та же, я думаю, мучающая тебя проблема прерывности и непрерывности, или дыры, которую надо преодолеть, поскольку она обладает невероятной засасывающей силой. В общем, действительно, тут есть на чем сломать голову. Я тебя понимаю. И лучше теперь тебя поняв, признаюсь, что я не сразу эту проблему в твоей подаче до конца ухватил, потому что она интересует меня скорее не со стороны развития науки, а со стороны оставшейся дыры после атеизации православия. Мне надо было вчитаться.

Теперь, что я по этому поводу думаю. Я исхожу из того, что замыкание, которое неизбежно происходит между прошлым знанием и новым, создающее иллюзию непрерывности в развитии знания на уровне массового восприятия, случается на самом деле как бы поверх знания, на основе работы особых механизмов. Для себя я эту проблему сформулировал бы так: с помощью каких механизмов происходит реализация наших намерений к достижению неосуществимых целей, в результате чего или с высоты чего я, как производитель нового, вижу и понимаю мир как целое, когда и старое и чужое становится моим (то есть вечным или „спасенным прошлым“ — вставлено М. К.). Ты в этой связи подчеркиваешь значение символа, и я согласен. Но как все-таки это случается? Когда старое и новое расходятся полюбовно. Не от безразличия, а именно по любви. Мне кажется, в своем дальнейшем изложении начатой статьи ты прибегнешь в анализе проблемы к понятиям „состояния“, „структуры“ и „сферы“ сознания, уже введенным тобой (вместе с Пятигорским) в работе о символизме культуры, и сейчас бьешься над тем, как органичнее ввести их в материал, чтобы они заработали. А, может быть, я ошибаюсь...

Я же представляю возможность прояснения проблемы в следующем виде. Есть личность, то есть результат некоего процесса встречи ученого с „духом“ европейской культуры, процесса, который сопровождается стремлением ученого войти в ее онтологию и индивидуально выразить „впечатление“ от состоявшейся встречи. Причем я тут бы заметил, что, во

Вместо послесловия

==301

первых, если в ситуации встречи с Богом Бог может и не призывать к ней, то культура всегда к встрече призывает. Она наш посредник в общении с абсолютном; и при этом не обязательно в образе Христа, что более, видимо, соответствует естественному ходу вещей. И, во вторых, что пояснит в определенном смысле сказанное. В истоках европейской культуры лежат два исторических начала: античное и христианское. Античность оставила в наследство Европе веру в завоевания человеческого ума (гесиодовский миф о „золотом веке“, проработанный впоследствии, например, Лукрецием Каром), христианство же внесло в европейское сознание не менее динамичный элемент — идею нравственного восхождения человека (не в смысле платоновском — аристократическом, а в более доступном пониманию, через символ Креста, что и послужило, очевидно, причиной „забвения“ до времени античных идеалов). Именно эти два начала и определяют, на мой взгляд, своеобразие европейской цивилизации: ее динамизм, специфическую, гибкую систему интеллектуальных и духовных ценностей и понятий, ее способность к моделированию и проектированию социальноисторических процессов. Целеполагание предметной мыслительной деятельности в Европе шло сразу по нескольким как бы направлениям, в нескольких измерениях...

Далее, есть психика. То есть та же культура, в материале которой реализуются наши чувства. И, наконец, есть язык. Когда ты спрашиваешь, где же была греческая мысль, когда греки исчезли, а адресат еще не появился, то я думаю, что она была в языке. Если психика всегда нечто неопределенное, что поддается только метафизической расшифровке, то язык единственная наша реальность, сама в себе несущая и „физику“ и „метафизику“, и именно поэтому способная обеспечить выход к „абсолюту“, а следовательно, и к новому знанию (форме). Но это герметичная система, требующая личного усилия для вхождения в нее. Только язык на уровне свободного понимания позволяет личности, и только ей, полюбовно переживать старое и чужое, и только язык же на уровне знания... Но тут у меня пошло что-то уж слишком легко и гладко, поэтому я останавливаюсь. Надеюсь, что и сказанное в чем то, может быть, тебе пригодится».

Сейчас, перечитывая статью в целом, я прекрасно вижу, что сказанное мной было для Мераба, в общем то, само

собой разумеющимся. Ибо реальная проблема экспликации и описания нового свободного явления (как изменения) в науке интересовала его не столько с точки зрения истории культуры, сколько в плане онтологии. Или можно сказать так: в плане онтологической защиты трансцендентальных оснований европейской культуры, выявленных в свое время Декартом и Кантом, и отсутствующих в русской культуре, фактически неизвестных ей.

Но что это за основания, если отвлечься от формального подхода к трансцендентализму как исходному пункту кантовской философии? Разумеется, это и есть свободные явления или события в любой сфере человеческой жизнедеятельности (включая и философию), случающиеся в форме законоподобных высказываний, мыслей, открытий, произведений искусства, поступков и так далее. Когда я писал Мерабу, что он, возможно, обратится в своем дальнейшем исследовании проблемы к понятиям состояния, структуры и сферы сознания, то явно ошибся, поскольку не знал еще, что он принципиально стремился всякий раз к обновлению терминологии и углублению анализа, как бы заранее оберегая тем самым свою философию от неизбежного (в том числе и собственного) догматизма.

Основополагающим в его статье, конечно же, является событие. А точнее, — пространство и время события (что ясно видно уже из ее названия), выступающее как континуум-постулат, который — и это важно — отнюдь не был для него некой субъективной вещью. Ибо «реальность, — как он пишет, — входит в мир трансцендентально». То есть вслед за Кантом он обращает внимание прежде всего на априорные условия нашего жизненного опыта как такового, полагая, что мы не можем мыслить произвольно и по желанию приращивать знания к уже имеющемуся знанию, потому что жизненное время дискретно. Хотя на самом деле интересует его в данном случае не метафизическое априори, а метафизическое апостериори. То есть сам факт случаяния мысли, раскрытию которого, собственно, и посвящена публикуемая статья.

Насколько я могу судить, она стала своего рода вехой в творчестве Мераба Константиновича. После двухлетней напряженной работы над трактатом «О развивающемся знании», названном потом «Стрела познания», он попытался в сжатом виде сформулировать в ней именно апостериорный

Вместо послесловия

==303

подход к анализу событий знания (или мысли). В дальнейшем этот подход получит развернутое и всестороннее обоснование в его известных публичных лекциях о Декарте и Канте, а затем — уже на материале искусства — в обширном цикле лекций о романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». При этом он будет постоянно настаивать, что задача философа (как и историка науки и писателя) состоит не в том, чтобы мыслить, а в том, чтобы позволять или давать возможность думать и мыслить. Идея произведения как органа жизни, способного порождать новые мысли и чувства, и раскрытие условий, при которых это возможно, станет с этого времени фактически сквозной, центральной для всего последующего творчества М. К. Мамардашвили.